

Монография
в журнале

Monograph
Monografie

М. М. Казанский

Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов

M. M. Kazanski.

Scandinavian Fur Trade and the “Eastern Route” during Great Migration.

The opinion that some trans-Eastern European trade ways connecting Scandinavia and Byzantium along the Russian rivers existed in 5-6th centuries has a rather long history. Their “discovery” is attributed to Scandinavians, and Scandinavian merchants are supposed to have traded in furs from Northern Russia and even from Western Siberia. Some historians maintain that in 6th century Scandinavians used to sell furs to the Byzantines in the mouth of the Don River. This paper will attempt to verify whether the hypothesis of the Eastern European origin of the Scandinavians’ furs is substantial. Scandinavian influence (and, in a number of cases, also their immediate presence) in the Roman Time and in early Great Migration Age did not spread farther to the east than Estonia and Western Finland. At least, it is not substantiated by any archaeological or written evidence.

The fifth – early sixth centuries saw promotion of Eastern European and Scandinavian exports of furs to the south, the Mediterranean. In Eastern Europe, as Jordannes maintains, fur trade was controlled by nomads from the Pontic steppes, who played the role of middlemen, while in Central Europe this role was played by Germanic peoples from the Middle Danube area, who happened to live on the way between Scandinavia and the Mediterranean. Furs from Fennoscandia were exported to the south mainly through Central Europe.

The early 500-550s were marked by a growing Scandinavian influence on the western outskirts of the Eastern European forest zone – on the islands in the eastern part of the Gulf of Finland and in the northern part of the Ladoga River basin. Most likely, it suggests a search for the new sources of “raw” furs. It does not immediately imply presence of the Scandinavians here, for the Baltic Finns could also be bearers of Scandinavian artefacts; their prestigious culture in Western and Southern Finland and in Western Estonia, for instance, was rather Germanized. At the same time, Finland, Estonia, Sweden, Baltic Sea islands, Prussia and probably the mouth of the Neman River saw development of barbaric ‘little kingdoms’.

Scandinavians and Western Balts, judging by some artefacts found in Belarus, started groping their way to the south. They seem to have failed to find it in the direction Dvina-Dnieper, in the area of Tushemlinskaya culture, and so they moved into the mainland along the Neman-Berezina Rivers. This is not at all accidental: the middle area of the Danube River, which was part of the traditional routes from Scandinavia to the Mediterranean, saw a period of continuous wars between different barbaric kingdoms that emerged on the ruins of the Huns’ Empire after Attila’s death. This could sometimes jeopardize normal function of Central European communications, and so some by-pass routes had to be found. It seems that furs were the main reason for the Scandinavians, Baltic Finns, Danubian Germans, Slavs and Balts to come into the North-West Russia.

M. M. Kazanski.

Comerțul scandinav cu blănuri și „Drumul de Est” în epoca migrației popoarelor.

Acum destul de mult timp s-a format o opinie că în sec. V-VI existau căi comerciale prin Europa de Est care legau prin râuri rusești Scandinavia cu Bizanțul. „Descoperirea” lor este atribuită scandinavilor, presupunându-se că negustorii scandinavi comercializau blănuri din nordul Rusiei și chiar din Siberia de Vest. Unii istorici susțin că în sec. VI scandinavii vindeau blănuri bizantinilor în gura râului Don. În această lucrare vom încerca să verificăm valabilitatea ipotezei despre fluxul de blănuri din Europa de Est în Scandinavia. Influența scandinavă (în unele cazuri și prezența directă) în epoca romană și la începutul Marilor migrații nu s-a extins mai departe spre est de la Estonia și Finlanda de Vest. Cel puțin, potrivit surselor arheologice sau scrise, acest lucru nicicum nu s-a depistat.

Pe parcursul sec. V – începutul sec. VI, se desfășoară activități de export cu blănuri din Europa de Est și Scandinavia în regiunea Mării Mediterane. În Europa de Est, potrivit lui Iordanes, comerțul cu blănuri era controlat de către nomazii stepelor pontice, aceștia acționând ca intermediari, iar în Europa Centrală – de către popoarele germanice de la Dunărea de Mijloc, care au ajuns la intersecția căilor dintre Scandinavia și Marea Mediterană. Prin Europa Centrală spre sud se transportă preponderent blănuri din Fenoscandia.

De la prima jumătate a sec. VI începe să se manifeste influența scandinavă asupra marginii de vest a zonei de pădure din Europa de Est - pe insulele din partea de est a Golfului Finlandei și în regiunea de nord a lacului Ladoga. Cel mai probabil, se caută unele surse noi de "materii prime" de blănuri. Totodată, nu este vorba neapărat de o prezență directă a scandinavilor; purtători ai obiectelor scandinave ar fi putut să fie și finlandezii baltici, cultura de prestigiu a cărora, de exemplu, în Finlanda de Vest și de Sud și în Estonia de Vest era destul de germanizată. Atunci, atât în Finlanda, cât și în Estonia, Suedia și pe insulele din Marea Baltică, în Prusia, și, eventual, la gura râului Neman, se desfășura procesul de formare a „regatelor mici” barbare.

Scandinavii și balticii occidentali, conform unor descoperiri din Belarus, au început să caute un drum spre sud. Probabil, nu au reușit aceasta în direcția Dvina - Nipru, în zona culturii Tușemlinscaia, astfel pătrunzând tot mai adânc în interiorul continentului pe râurile Neman și Berezina. Acest lucru la fel nu este întâmplător - pe Dunărea de Mijloc, unde sunt situate căile tradiționale de comunicare dintre Scandinavia și Marea Mediterană, după moartea lui Attila începe era războaielor nesfârșite între regate barbare, apărute pe ruinele Imperiului Hun. Acest lucru uneori ar putea împiedica în mod grav funcționarea normală a comunicațiilor din Europa Centrală, fiind nevoie să se descopere unele căi ocolite. Probabil, motivul pentru apariția în Rusia de Nord-Vest a scandinavilor, finlandezilor baltici, germanilor dunăreni, slavilor sau a balticilor, au fost blănuri.

М. М. Казанский.

Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов.

Уже довольно давно сформировалось мнение о существовании в V—VI вв. трансовосточноевропейских торговых путей, связывающих по русским рекам Скандинавию с Византией. Их «открытие» приписывается скандинавам, при этом предполагается, что скандинавские купцы торговали мехом из северной России и даже из Западной Сибири. Некоторые историки утверждают, что в VI в. скандинавы продавали мех византийцам в устье Дона. В данной работе будет предпринята попытка проверить обоснованность гипотезы о поступлении к скандинавам меха из Восточной Европы. Скандинавское влияние (а в ряде случаев и прямое присутствие) в римское время и в начале эпохи переселения народов не распространялось восточнее Эстонии и Западной Финляндии. По крайней мере, археологическими или письменными источниками оно никоим образом не выявляется.

В течение V — раннего VI вв. открывается восточноевропейский и скандинавский меховой экспорт на юг, в Средиземноморье. В Восточной Европе, судя по Иордану, меховую торговлю контролируют кочевники понтийских степей, выступающие посредниками, а в Центральной Европе — германские народы Среднего Дуная, оказавшиеся на путях между Скандинавией и Средиземноморьем. Через Центральную Европу на юг идет главным образом мех из Фенноскандии.

С начала — первой половины VI в. начинает ощущаться скандинавское влияние на западной кромке лесной зоны Восточной Европы — на островах восточной части Финского залива и в северном Приладожье. Скорее всего, идет поиск новых источников мехового «сырья». При этом вовсе не обязательно прямое присутствие скандинавов, носителями скандинавских вещей могли быть и прибалтийские финны, престижная культура которых, например, в Западной и Южной Финляндии и в Западной Эстонии была достаточно германизирована. В это время и в Финляндии, и в Эстонии, и в Швеции, и на островах Балтийского моря, в Пруссии и, возможно, в устье Немана идет процесс формирования варварских «малых королевств».

Скандинавы и западные балты, судя по некоторым находкам в Белоруссии, начинают нащупывать дорогу на юг. Видимо, им это не удалось сделать на магистрали Двина-Днепр, в зоне тушемлинской культуры, и они проникают вглубь материка по Неману-Березине. Это тоже не случайность — на среднем Дунае, где проходили традиционные пути сообщения Скандинавии со Средиземноморьем, после смерти Атилилы начинается эпоха бесконечных войн между возникшими на обломках гуннской империи варварскими королевствами. Это подчас могло серьезно препятствовать нормальному функционированию центральноевропейских коммуникаций, приходилось искать обходные дороги. Видимо, причиной появления на Северо-Западе России скандинавов, прибалтийских финнов, дунайских германцев, славян или балтов, была пушнина.

Keywords: fur trade, Great Migration, Baltics, forest zone, Scandinavia.

Cuvinte cheie: comerț cu blană, epoca migrațiilor, zona Baltică, zona forestieră, Scandinavia.

Ключевые слова: меховая торговля, эпоха переселения народов, Балтика, лесная зона, Скандинавия.

Введение

Уже довольно давно сформировалось мнение о существовании в V—VI вв. трансовосточноевропейских торговых путей, связывающих по русским рекам Скандинавию с Византией (напр.: Arrhenius 1978; Haussig 1980; 1987). Их «открытие» приписывается скандинавам, при этом предполагается, что скандинавские, точнее, свейские (свионские) купцы торговали

мехом из северной России и даже из Западной Сибири (напр.: Шрамм 1997: 93; Мачинский, Кулешов 2004). О существовании таких речных путей уже в V в. якобы свидетельствуют находки из могильника Старой Упсалы (Arrhenius 1982). Однако опубликованные вещи из этих погребений на самом деле либо имеют более широкую датировку, либо дати-

руются временем после V в. (Duczko 1996: 78; Kazanski 1992: 77; Казанский 2007). Некоторые историки утверждают, что в VI в. скандинавы продавали мех византийцам в устье Дона (Haussig 1980). В данной работе будет принята попытка проверить обоснованность гипотезы о поступлении к скандинавам меха из Восточной Европы.

Вопрос о восточноевропейских торговых путях в эпоху переселения народов необходимо рассматривать на широком историческом и географическом фоне. Поэтому я счел необходимым дать здесь сжатую характеристику как общего состояния наших знаний о балтийских экономических связях в конце античности и в начале средневековья, так и археологической ситуации на «Восточном пути». Пришлось обратиться и к остеологическим данным, свидетельствующим о характере пушной охоты у населения Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Разумеется, часто я полностью зависел от состояния региональных исследований и в ряде случаев вынужден был принимать на веру утверждения моих коллег, поскольку углубленная проверка их заключений не всегда была возможна.

При определении датировки памятников я использовал как региональные хронологические схемы, так и общеевропейскую хронологию Барбарикума эпохи переселения народов, лучше всего изученную для Среднего Дуная, в первую очередь благодаря работам Я. Тейрала (особенно Tejral 1988; 1997; 2005).

Под эпохой переселения народов в Восточной Европе я понимаю здесь исторический период от момента появления гуннов в понто-кавказских степях в 360-е — 370-е годы, до вхождения юга восточноевропейского региона в сферу активности Первого Тюркского и раннего Аварского каганатов в 560-е — 580-е гг. В южной части Восточной Европы для эпохи переселения народов могут быть

выделены следующие общие для всех археологических культур горизонты:

— «гуннский», соответствующий в хронологии европейского Барбарикума периодам D1 (т. н. горизонт Виллафонтана: 360/370—400/410 гг.), D2 (горизонт Унтерзибенбрунн: 380/400—440/450 гг.), D2/3 (горизонт Смолин: 430/440—470/480 гг.);

— «пост-гуннский», или горизонт Шипово, охватывающий время от 430—470 гг. по 530—570 гг., начальная фаза которого соответствует периодам D2/3 (430/440—470/480 гг.), D3 (450—480 гг.) и D3/E1 (480—500/510) общей «варварской» хронологии.

За ним следует горизонт «геральдических» поясов, 550—670/700 гг., уже не относящийся к собственно эпохе переселения народов. В тех случаях, когда в тексте при определении времени вещей я указываю абсолютные даты, то опираюсь именно на данную схему, представляющую собой восточноевропейский вариант общеварварской европейской хронологии переселения народов.

Для вещей южнобалтийского происхождения я применил хронологию, предложенную А. Битнер-Врублевской (Bitner-Wróblewska 2001):

— фаза 1 (период C3): до 350 гг.

— фаза 2 (период D, ранняя часть): 350/370—375/410.

— фаза 3 (период D, поздняя часть): 375/400—430/450.

— фаза 4 (период D/E): 430/450—500/530.

— фаза 5 (период E): после 500/530.

При написании данной работы я использовал информацию, в том числе неопубликованную, которую мне предоставили петербургские археологи Елена Михайлова, Олег Шаров и Александр Сакса. Мне также в высшей степени были полезны их советы и конструктивная критика. Пользуюсь случаем поблагодарить моих коллег за помощь в работе.

1. Возможные пути скандинавско-средиземноморской меховой торговли

Важная роль меховой торговли в развитии трансбалтийских контактов предполагалась уже для римского времени (Hjälte 1917: 218—225; Moog 1938: 642; 643). С расцветом или упадком меховой торговли с Римом связывают даже демографические изменения на территории Финляндии (Ceger 1984: 106). К таким утверждениям, однако, надо относиться с осторожностью. Ранее V—VI вв. меховая торговля в Европе вряд ли имела глобальное

значение, поскольку Римская империя — главный потенциальный потребитель — особого интереса к меху не проявляла. Действительно, ранее V века римляне, за исключением, пожалуй, крестьян, пастухов и легионных знаменосцев (Leguilloux 2004: 86), меховой одежды не носили (Howard-Johnston 1998; Kolendo 1999). Напомним, что в поздней Римской империи ношение того или иного вида одежды было связано с социальными функциями ее

владельца и достаточно жестко регламентировалось законом (см. подробнее: Arce 2005). Если судить по письменным источникам, римляне считали ношение меховой одежды признаком дикости и бедности (Leguilloux 2004: 86). Известно употребление ими меха бобра, которому приписывали целебные свойства — из них шили специальные тапочки для лечения подагры (Leguilloux 2004: 84). Стоил он не очень дорого, за одну выделанную шкурку бобра, по эдикту Диоклетиана от 301 г., просили 30 денариев, столько же, сколько за выделанную баранью шкуру (Leguilloux 2004: 10, 11). Знатные римляне, правда, любили одежду из меха экзотических животных (Leguilloux 2004: 87), но, судя по имеющимся данным, речь идет о звериных шкурах, привозимых из Африки и Восточной Азии по Красному морю (Leguilloux 2004: 80, 81).

С другой стороны остеологические данные, как мы увидим ниже, уже для римского времени надежно подтверждают наличие охоты на пушного зверя у некоторых народов Восточной Европы, например, в Верхнем Прикамье и в Волго-Окском бассейне, а значит, и наличие некоего рынка сбыта пушнины. Не исключено, что покупателями меха в римское время могли быть варвары, например, германцы, и, в первую очередь, готы. Действительно, изображение европейского варвара, германца, в меховой одежде очень широко представлено в римской иконографии (см., напр.: Rummel 2007: 199—206: Abb. 8—9). Еще в начале V в. н. э. в Римской империи одежда из шкур животных воспринималась как варварская и даже издавались декреты о запрещении ее ношения в Риме (416 г.), как, впрочем, и причесок с длинными волосами (Codex Theodosianus XIV, 10, 4: цит. по Chastagnol 1976: 94). Однако, это свидетельствует и о некотором успехе новой «варварской моды» (Arce 2005: 43). Скорее всего, эти запрещения касались, прежде всего, солдат, у которых в это время засвидетельствована одежда из меха (Rummel 2007: 160, 164).

С V—VI вв. меха входят в моду, по крайней мере, в Восточной Римской империи (Howard-Johnston 1998: 71; Kolendo 1999).¹ Наиболее раннее упоминание меха в Византии содержится, насколько мне известно, в тексте

¹ Интересно, что примерно в то же время, около 500 г., усиливается интенсивность контактов согдийских купцов с лесными орхотниками Приуралья и Западной Сибири (Маршак 2006: 73). Б. И. Маршак объясняет это удешевлением серебра. Мне кажется, интенсивности контактов мог способствовать и рост спроса на мех.

Приска о подарках Аттилы византийскому посольству (Приск, фр. 14). Видимо, не случайно, что примерно в то же время у средиземноморских авторов просыпается интерес к Скандинавии, и ее первые подробные описания появляются в позднеантичной литературе — германский Север начинает интегрироваться в общеевропейскую систему торговых связей, хотя в континентально-скандинавских контактах нельзя преуменьшать и роль военно-политического фактора (Näsman 1998: 258, 259, 261, 262).

В описании Скандинавии, включенном в «Гетику» Иордана, упоминается скандинавское племя суэханс (*Suehans*), которое через посредство многих народов торгует ценным мехом с Империей (Иордан, *Getica* 21). В племени суэханс обоснованно видят потомков свионов Тацита (I в. н. э.) и предков средневековых свеев (см. Svennung 1974: 81—132). Эта информация и послужила отправной точкой создания гипотезы о скандинавско-византийской торговле по северным русским рекам. Логика здесь нехитрая: если в эпоху викингов варяги осуществляли контакты с Византией по русским рекам, почему бы не предположить, что так же поступали и их предки? Однако происхождение пушного товара у племени суэханс, равно как и маршруты меховой торговли в тексте Иордана никоим образом не уточнены, Восточная Европа в контексте данного рассказа вообще не упоминается. Меховая торговля в Восточной Европе в первой половине VI в. документально засвидетельствована тем же Иорданом в этногеографическом описании Скифии, но там в качестве продавцов меха в данном случае выступают не скандинавское племя суэханс, а причерноморские гунны-хунугуры, а на их какую бы то ни было связь со Скандинавией в источнике указаний не имеется (Иордан, *Getica* 37). Можно уверенно предполагать, что степняки-хунугуры торговали мехом восточноевропейского происхождения (см. ниже). Больше никаких письменных известий о меховой торговле в Восточной Европе в V—VI вв. нет. Если деятельность скандинавов по приобретению или продаже меха в регионах к востоку от Балтийского моря и могла иметь место в эпоху переселения народов, то ее реальность надо доказывать с помощью других видов источников.

Что же касается скандинавско-средиземноморской меховой торговли, о существовании которой прямо говорит Иордан, то наиболее логичным представляется, что ее трасы проходили через Центральную Европу,

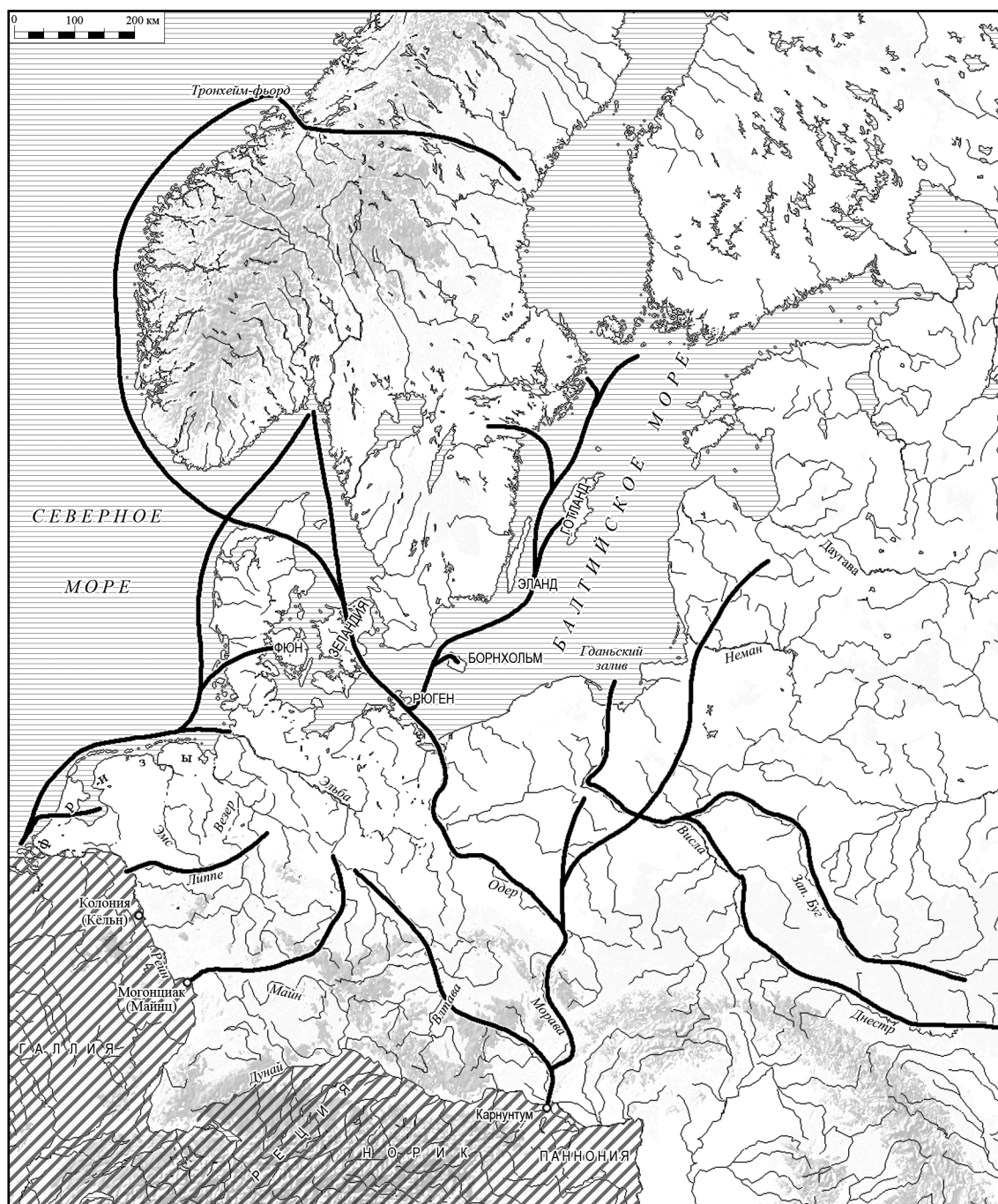

Рис. 1. Трансьевропейские пути в римское время и эпоху переселения народов (по Wheeler 1960).

то есть по двум основным путям контактов Балтика-Средиземноморье, существовавшим уже в римское время (Wheeler 1960: 13–16) и хорошо засвидетельствованным для эпохи переселения народов как нарративными, так и археологическими источниками.

— Средний Дунай — Моравские ворота — верховья Одера — бассейн Верхней Варты — Нижняя Висла — острова Балтийского моря (рис. 1) (Wheeler 1960: 14–16; Arthenius 1967: 17; Lewis 1978: 133).

Это знаменитый янтарный путь римского времени, проложенный еще в эпоху Нерона (см., напр., Шукин 1994: 224–227;

рис. 76; Jantarová stezka 1997). Для эпохи переселения народов известны контакты эстиев со Средиземноморьем. Сохранилось даже послание Теодориха Великого, написанное в ответ на посольство эстиев в остроготскую Италию (Вольфрам 2003: 455). Эстии известны Иордану как приморский народ, где то к востоку от Вислы (Иордан, *Getica* 36). Поскольку в послании Теодориха идет речь о янтаре, легко догадаться, что в нем под эстиями подразумеваются жители Самбии, самого богатого янтарем участка балтийского побережья. Вне всякого сомнения, дипломатические контакты эстиев с равенским двором

осуществлялись по трассе Янтарного пути, описанной выше. Само же вислинское устье в первой половине VI в. занимает народ видварии «сбравшиеся из различных племен» (Иордан, *Getica* 36), до этого, в начале эпохи переселения народов, здесь фиксируются памятники вельбаркской культуры, принадлежавшие германскому населению (Cieśliński 2008: 113—126: Abb. 1).

Находки золотых солидов конца IV — начала VI вв. (рис. 2) подчеркивают важное значение устья Вислы в международных контактах (Godłowski 1980: Karten 4—6; Maczyńska 2007: Karten 1, 2). Скандинавское присутствие в дельте Вислы в V—VI вв. хорошо фиксируется археологическими находками на южном берегу Вислинского/Калининградского залива, к востоку от устья реки. Я имею в виду клад золотых гривен типа Андерсон R 300 (о них см. ниже) в Хаммерсдорфе/Млотечно («клад С»: Кулаков 1998: 99: рис. 5; Кулаков 2003: 99: рис. 32; Cieśliński 2008: Abb. 11, 12) или погребения воинских предводителей в Варникаме/Первомайском со скандинавскими «парадными» мечами (рис. 3) (Кулаков 1997: 1998 и 2003: 93—115; Kazanski, Mastykova 2005: 122, 123). Также в Хаммерсдорфе/Млотечно был обнаружен клад или votivное приношение («клад В») в виде обломков римского серебряного сосуда (рис. 4) (Кулаков 1998: рис. 3, 4; Кулаков 2003: 99; Cieśliński 2008: Abb. 9, 10). Такие находки хорошо известны в балтийском регионе, в первую очередь в Дании и Южной Швеции, и связаны с германскими культурами (Fabech 1989—1990: 113—116). Назовем находки в Харденберг (Geisslinger 1967: № I,61; Belkowska 1984: pl. 5: 6—8, 11, 17), в Гудме (Kromann et al. 1991: fig. 4) или в Хостенторп (Geisslinger 1967: № I, 59; Voss 1954: fig. 21, 22, 26, 27), всего же на 1990 г. Ш. Фабеш учла для Южной Скандинавии 9 находок (Fabech 1989—1990: fig. 11) (рис. 5). Эти находки располагаются в ареале балтских древностей у устья Вислы.² Не исключено, что здесь существовало небольшое варварское «королевство» с заметным скандинавским компонентом (Кулаков 2003: 93—115). Впрочем, роль скандинавов в формировании элитной

² Памятники ранней фазы эпохи переселения народов (фаза D) польские исследователи относят здесь к выделяемой ими культуре Доллькайм-Коврово (Andrzejowski, Cieśliński 2007: гус. 28; Cieśliński 2008: Abb. 1). Балтские памятники поздней фазы переселения народов (фаза E) выделяются ими в Эльблонгскую группу (Bitner-Wróblewska 2008: Fig. 1).

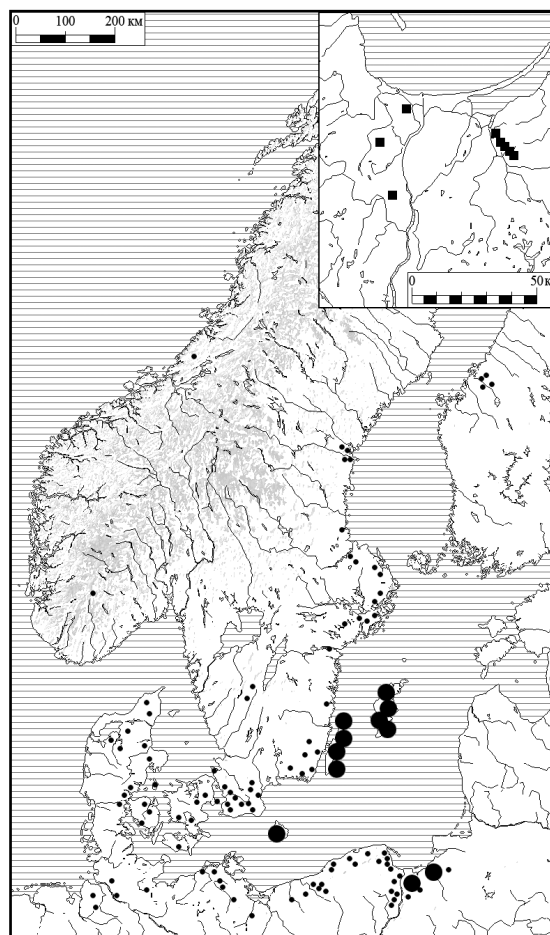

Рис. 2. Находки золотых монет 395—518 гг. в Балтийском бассейне (по: Bitner-Wróblewska 1991). На врезке: карта находок золотых монет V — раннего VI вв. в устье Вислы.

культуры населения дельты Вислы не стоит преувеличивать. Самой яркой находкой здесь является всё же погребение («клад А») в Хаммерсдорфе/Млотечно с роскошной фибулой горизонта Унтерзибенбрунн (380/400—440/450 г.), типичной не для скандинавской, а для дунайской аристократии (Кулаков 2003: 99: рис. 30; Cieśliński 2008: Abb. 7: 8).

Видимо, по этому пути в эпоху переселения народов шел экспорт янтаря и распространялись некоторые типы пряжек (Maczyńska 2007: Karte 8) и янтарных бус (Мастыкова 2004). Возможно, какое-то ответвление этого пути проходило через Верхнюю Вислу и Западный Буг, как показывает известный «клад» из Басонии, содержащий около 300 кг балтийского янтаря и примерно 30 кг янтарных бус (Schätze der Ostgoten 1995: №№ 4900—4977). Несомненно, по Висленскому пути попали в бассейн Нижней Вислы известные серогончарные кувшины периода D2 из некрополя Варникам

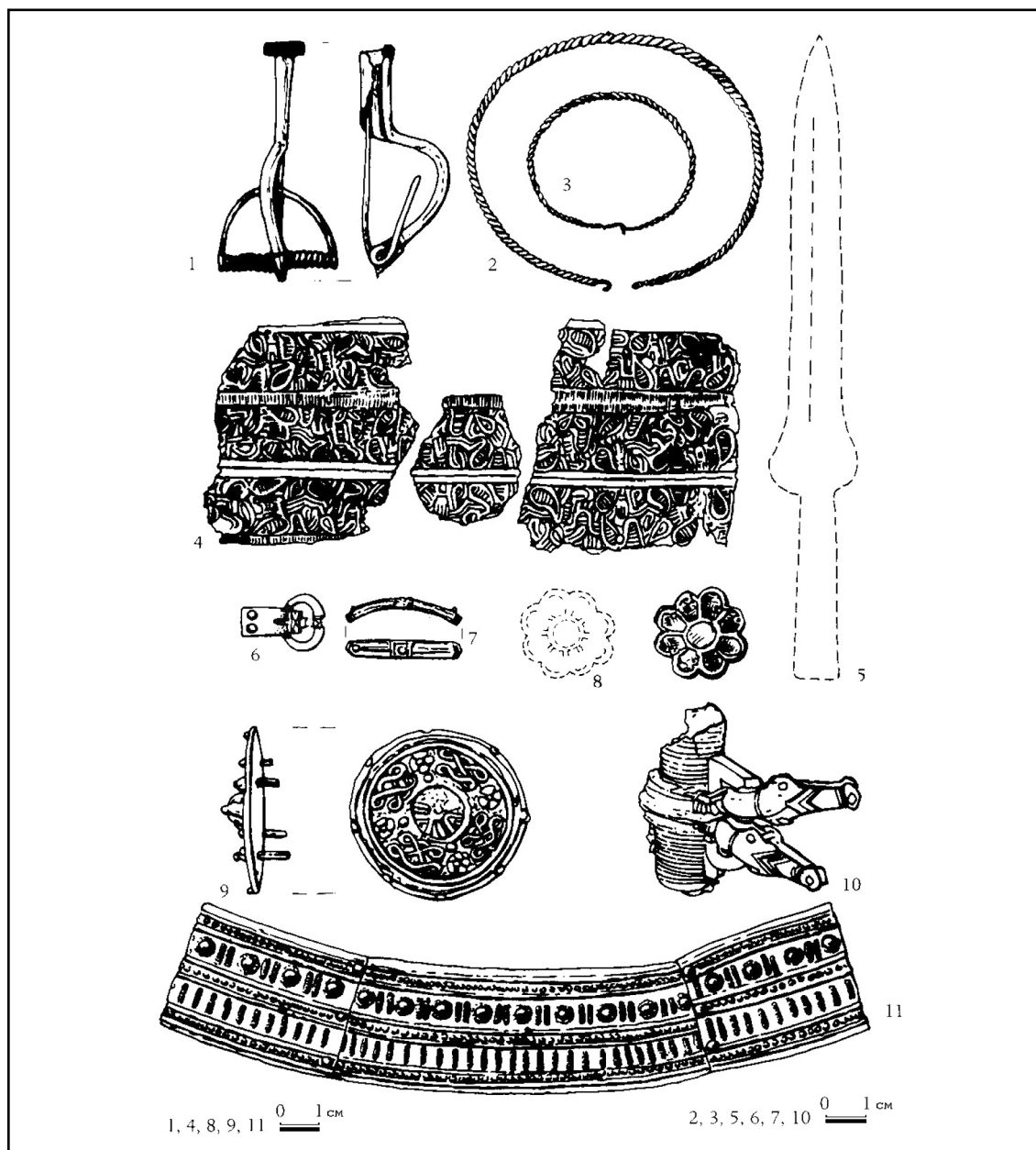

Рис. 3. Погребение 1 некрополя Варникам/Первомайское (Кулаков 1997).

(см., напр.: Кулаков 1997: рис. 8: Wa-30.3; 8.Wa-31.5; 12.Wa-61.3), происходящие из дунайского региона (Nowakowski 1996: 76).³ По этому пути с севера на юг распространяются в начале эпохи переселения народов фибулы с рифлёной спинкой, некоторые типы фибул группы Альмгрен VI 2: язычковидные ременные наконечники с гравированным декором (Maczyńska 2007: Karten 5—7). Чуть позднее по этой дороге идут на север характерные аксессуары (пряжки и фибулы) германского женского костюма периода D3, то есть

³ Предположение В. Новаковского (2007: 150), что в этих кувшинах перевозили вино, мне кажется слишком экстравагантным. Речь идет все же, скорее, о столовой посуде, а не о транспортной таре.

третьей четверти V в. (см., напр.: Werner 1959: Abb. 3; Näsman 1984: Abb. 2; Maczyńska 1999: fig. 14: 1). Североевропейская фибула с прямоугольной головкой, найденная на славянском поселении в Радзейуве (Radziejów: Parczewski 1993: 73: Abb. 20: 10), также, видимо, попала сюда по той же дороге. Наконец, предполагается, что по этому же пути попала к гепидам в Восточную Венгрию и равноплечная рельефная фибула из восточной Скандинавии, обнаруженная в погребении 84 могильника Сентеш-Надьхедь (Vona 1976: pl. 29, 30; Magnus 2007: 190).

Скорее всего, по этому же пути в Мазурию проникают в позднем V — середине VI вв. носители дунайских элементов, представленные в женском уборе памятников ольштын-

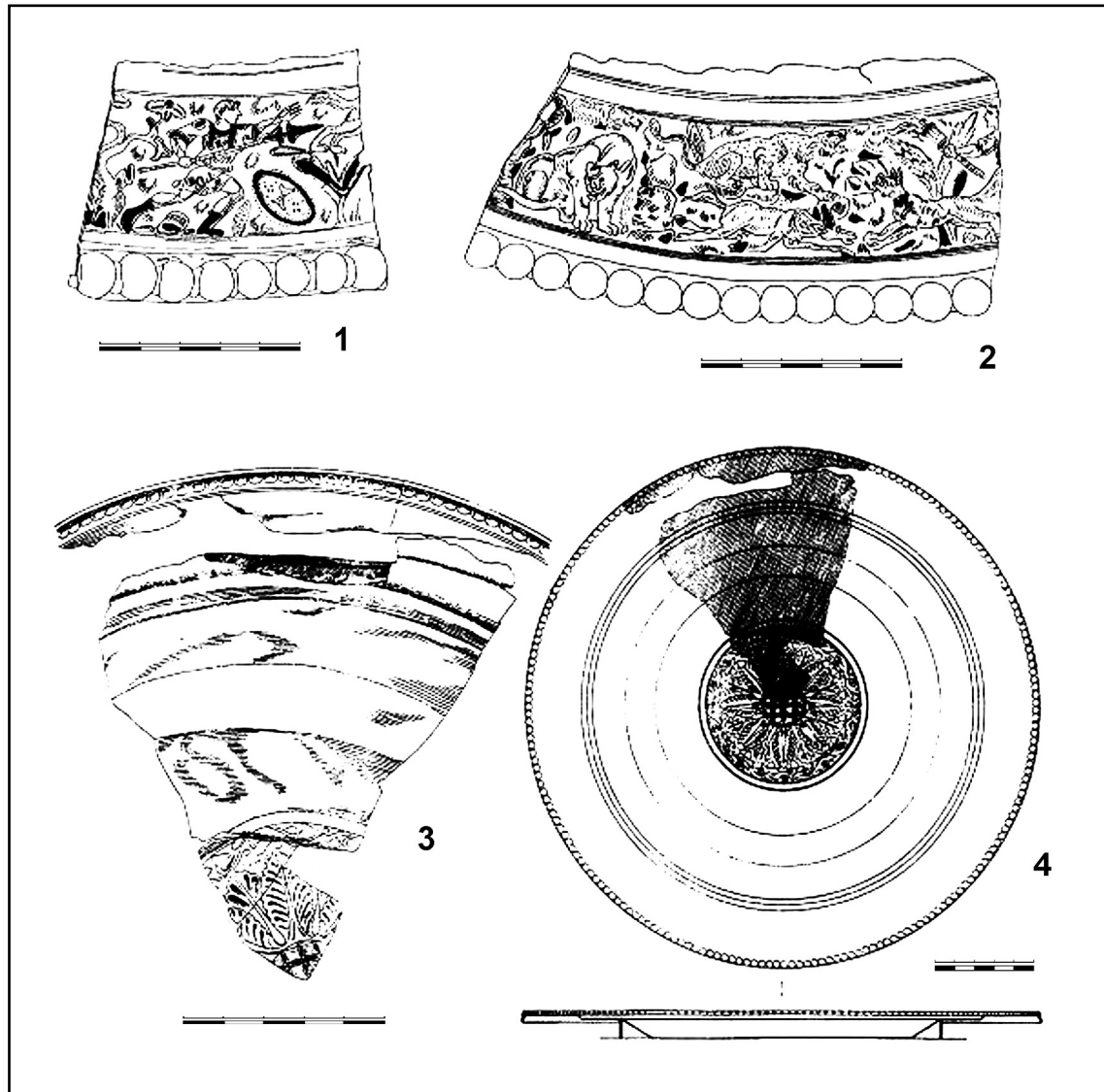

Рис. 4. Находка в Хаммерсдорфе/Млотечно (Кулаков 1998).

ской группы (Кулаков 1989: 174; Nowakowski 2000). К таким элементам принадлежат, в частности, пальчатые фибулы дунайской традиции (напр.: Kühn 1974: Taf. 261: 64,7, 266: 68, 31; Kühn 1981: Taf. 16: 99; Кулаков 1989: рис. 10: 1—3; 25: 1; Engel et al. 2006: Pl. 11: 14, 22) и гепидская орлиноголовая пряжка, наиболее близкие аналогии которой найдены на могильниках в районе Тиссы (Кулаков 1989: рис. 20: 3; ср. Vona 1976: fig. 1). У населения Самбийского полуострова («культура Доллькайм/Коврово», по терминологии польских исследователей) дунайские вещи и их дериваты фиксируются реже (напр.: Aberg 1919: Abb. 92; Kühn 1974: Taf. 261: 64, 6; возможно, Taf. 263: 65, 15). Еще реже они попадают на куршское побережье (напр.: Engel 1937: Abb. 8; Werner 1977: Abb. 4: 4; Kühn 1981: Taf. 16: 97) или в центральную Литву (рис. 6) (напр.: Bliujienė 2006: fig. 5, 8; Madyda-Legutko 2006: Abb. 2).

— Средний Дунай — Моравские Ворота — Одер — Померания — Мекленбург — Дания (рис. 1) (Wheeler 1960: 14—16; Lewis 1978: 133; Arrhenius 1987: 441; Vierck 1970: 380—382, 389).

Этот путь также восходит к римскому времени, как об этом свидетельствует распространение в Барбарикуме римской бронзовой посуды (см., напр.: Wheeler 1960: 88—101) и некоторых видов римского вооружения (Кулаков 2005: fig. 6). Путь предполагаемой первоначальной миграции готтв из Скандинавии на материк в точности соответствует морскому отрезку этого пути (Шукин 2005: рис. 12). Скандинавское присутствие в Поморье, в частности, близ устья Одера, в эпоху переселения народов (последняя треть IV — середина VI в.) хорошо документировано археологическими находками (Machajewski 1992). Скандинавские вещи найдены и южнее, в бассейне Одера, на-

пример, в составе известного клада в Вапно (Kara 1994).

Некоторые исследователи полагают, что по этому пути в Балтийский регион и попадали римские солиды (Näsman 1977: 342, 343), хотя возможно и их поступление через устье Вислы (Arthenius 1967: 17). Столь же трудно сказать, по какому из двух путей на средний Дунай попадают мечи в ножнах с элементами североευропейского происхождения V в. (Vemmann 2006: Abb. 5), рельефные фибулы с прямоугольной головкой скандинавской традиции VI в., обнаруженные в Восточной Венгрии (Солнок-Санда), Северной Сербии (Касиодол) и Северной Болгарии (Хасково) (Bóna 1976: pl. 26; Ivanišević et al. 2006: 15) или характерные для Северной Германии и Померании фибулы с квадратной головкой, родственные типу Монсхейм, недавно найденные на могильнике Врхославице, под Оломоуцем, в Моравских воротах (Tejral 2008: Abb. 3: 12) а также в Словакии, на городище Бойна II (Pieta 2006: obr. 3: 3; Tejral 2008: Abb. 3: 14). Зато найденные в Дании дорогие средиземноморские украшения стиля перегородчатой инкрустации (Arthenius 1990) или браслеты средиземноморской традиции на винтовом замке (Vemmann 2006: Abb. 7), скорее всего, попали сюда через Средний Дунай и Одер.

Из Дании этот торговый путь вел на север вдоль юго-западного побережья Швеции, где и локализуется большая часть скандинавских племен у Иордана (Иордан, *Getica* 19—24), а также гауты (*Gautoi*) Прокопия (Прокопий, *BG* II.15.26), соответствующие гаутиготам (*Gautigoth*) из списка Иордана (рис. 7) (о локализации этих народов см. Svennung 1967: и специально о гаутах, с развернутой филологической аргументацией: Svennung 1967: 65—78, fig. 4, 5). Здесь, в Вестерготланде, в эпоху переселения народов, судя по кон-

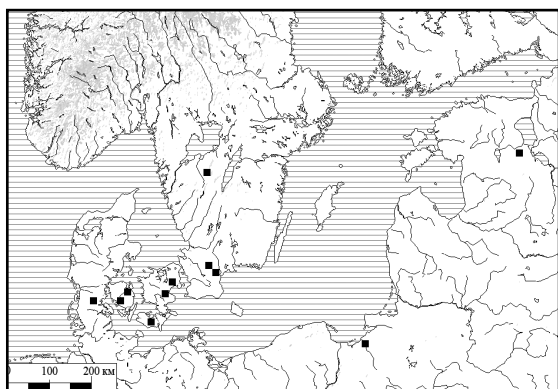

Рис. 5. Карта находок кладов с фрагментами металлической посуды (по Fabech 1989—1990: с дополнениями).

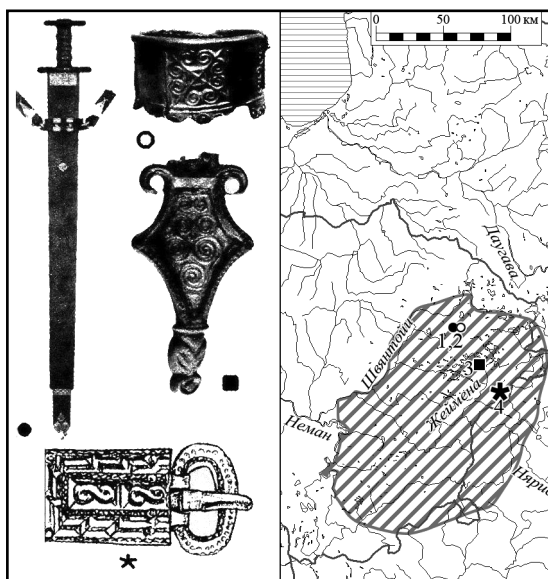

Рис. 6. Концентрация вещей дунайского происхождения в Центральной Литве (по Bliujienė 2006).

1, 2 — Таурапилас, курган 5; 3 — Судота 1, курган 30; 4 — Зиболишке 3.

центрации находок золота (рис. 8), находился важный центр власти (Fabech 2001: fig. 1), предположительно связанный с королевством гаутов.

Возможно, существовало ответвление второго пути вдоль бассейна Эльбы. Действительно, вдоль Эльбы и далее с выходом на Средний Дунай распространяются в V в. фибулы типов Нидефлорштадт, Гросс-Умштадт, Ратевитц, Пфобен-Мариа Понзее (Vemmann 2008: Abb. 2: 36). Скорее всего, в V в., по этому пути, через Тюрингию и Богемию, прошла миграция лангобардов с Нижней Эльбы в Моравию. В Тюрингии также имеются скандинавские вещи (см., напр.: Vemmann 2003), попадают сюда и англосаксонские предметы (Vierck 1970: 355—363), а также вещи из Мекленбурга, такие, например, как характерные северные фибулы с полукруглой головкой и ромбической ножкой (рис. 9) (Böhme 1986: Abb. 73). Отмечены северные фибулы и в Богемии (Reichstein 1975: № 761: Taf. 117: 4). На связи Скандинавии с центральной Германией указывает также находка фибулы типа Висбаден, первой половины V в., на Эланде, в Ленстад (Germanen 1987: 463, XI: 8; по М. Шульце-Доррламму это «тип Порбек»: Schulze-Dörflamm 1986: 621—623), а также распространение некоторых типов брактеатов (Axboe 1994: fig. 10).

Скорее всего, путем Средний Дунай — Дания и воспользовались герулы, ушедшие с Дуная под натиском лангобардов (около 494—512 гг., историки предлагают разные даты) и частично попавшие к гаутам на остров

1. Возможные пути скандинаво-средиземноморской меховой торговли

№4. 2010

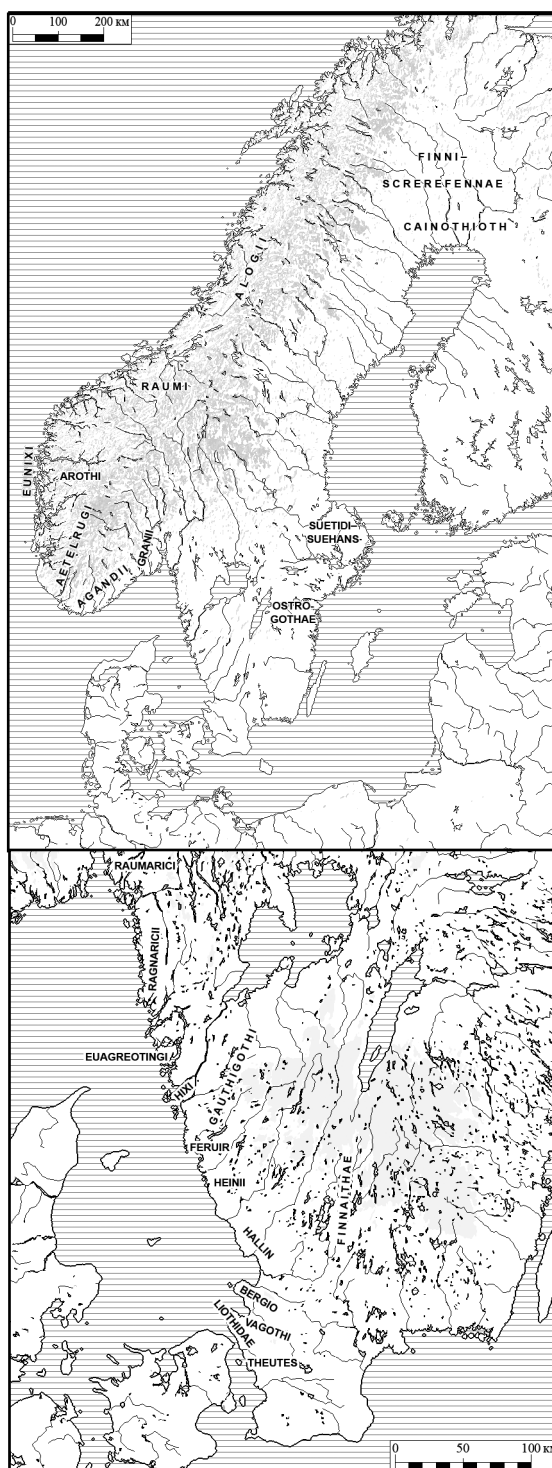

Рис. 7. Расселение скандинавских народов Иордана (по Svennung 1967).

Фуле, то есть в Скандинавию (Прокопий, BG II.15.1—3). Эта информация Прокопия, скорее всего, восходит к каким-то эпическим сказаниям герулов, ведь письменной исторической традиции у них явно не было. Выйдя из Карпатской котловины, судя по всему, с территории южной Моравии (именно там они могли столкнуться с лангобардами: Прокопий, BG II.14.12—22; см. Вольфрам

Рис. 8. Распространение находок золотых вещей эпохи переселения народов в Швеции (по Stenberger 1977).

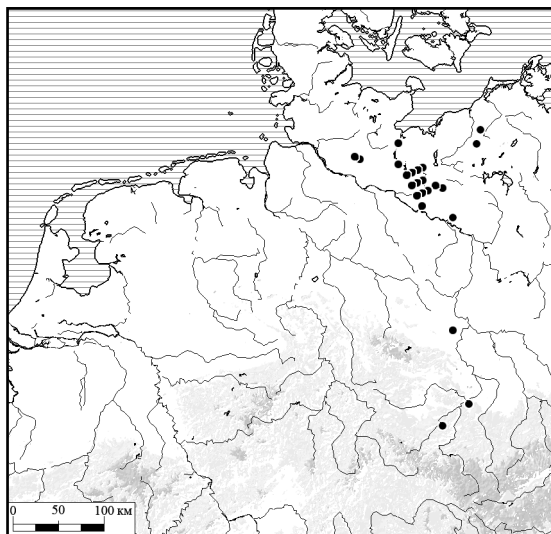

Рис. 9. Распространение северных фибул с полукруглой головкой и ромбической ножкой (по Böhme 1986).

2003: карта 5) через Моравские ворота, герулы прошли через территорию «всех» славянских племен (здесь «все», возможно, следует отнести к обычным для эпоса гиперболам), то есть, попали сначала к склавинам на территории современной южной или средней Польши (см. карту ранних памятников пражской культуры в Польше: Parczewski 1993: Abb. 24, 26). Затем герулы прошли незаселенные терри-

тории к западу и северо-западу от зоны славянской экспансии, после чего попали к варнам на территории современного Гольштейна и оттуда к данам, в Скандинавию, а затем переместились к гаутам в юго-западной Швеции (да и трудно себе представить, куда еще на север, кроме Южной Швеции или, в крайнем случае, Южной Норвегии, можно попасть от данов).

Почему-то считается, что герулы могли оказаться в Восточной Пруссии и в устье Вислы (см. подробнее об этой версии: Żulkus 2000: 99, 100). В качестве доказательства приводят находки уже упоминавшихся дунайских фибул в Мазовии и Пруссии (Kühn 1981: 20, 21). Как полагает П.В. Шувалов, герулов из устья Вислы занесло даже на Готланд (Шувалов 2004: 89). Основанием для подобного рода реконструкций послужил все тот же рассказ Прокопия о миграции герулов (Прокопий, ВГ II.15.1—3). Но для V—VI вв. ни одно из названных Прокопием племен — склавины, варны, даны, гауты — в Пруссии или где-то рядом, а тем более на Готланде, никакими источниками не зафиксированы, поэтому присутствие в этих регионах герулов надо отнести к разряду живучих «научных» мифов.

Наверняка по указанному пути, через Моравские ворота на Данию, путешествовали и послы среднедунайских герулов из Сингидуна, направленные в Фуле к скандинавским герулам за новым королем. Отмечено, что они проезжали через земли данов (Прокопий, ВГ II.15.28—30). Видимо, по этому же пути приехал ко двору Теодориха в Равенну скандинавский король Родульф (Иордан, *Getica* 24).⁴ Скорее всего, по нему же уехал в изгнание к североморским варнам лангобардский принц Ризнульф (Прокопий, ВГ III. 35.15) и наконец, видимо по этому пути прибыли на службу к италийским остроготам варны под руководством Ваккара (Агафий, *Historia* I.21).

Исследователей уже давно занимает вопрос распространения в Балтийском регионе римских солидов (рис. 2). Возможны

разные источники поступления римских золотых монет на Север. Они представляют собой, по крайней мере частично, римскую дань Аттиле, розданную им, в знак покровительства, вассальным германским вождям. Этот момент нашел, в частности, отражение в «Песне о Хильдебранте» (известна в записи VIII в.), где король Хильдебрант дарит своему сыну браслет, сделанный из римского золота, которое он в свое время получил от короля гуннов (цит. по Kuhlberg 1986: 71; я не нашел этого пассажа в русских переводах «Песни о Хильдебранте»). Действительно, судя по информации Приска Панийского, Аттила претендовал на власть над островами в «Океане», то есть в Балтийском море.⁵

Но чаще всего предполагается, что римские солиды поступают на Балтику через посредство остроготов. Наверняка часть солидов действительно попала в балтийский регион в результате активности остроготов на поприще коммерции меха и янтаря (Fagerlie 1967: 168, 169; Arrhenius 1967: 15—17; Arrhenius 1990: 134; Vierck 1970: 382). Но не исключена и роль скандинавских наемников в их распространении, возможно, служивших у остроготов, поскольку экономическую роль северной трансевропейской торговли все же не стоит преувеличивать (Näsman 1977: 342, 343; Näsman 1998: 260).

Кстати, какая-то часть северных воинов, вместе с сопровождающими их семьями, могла оказаться и на службе в Византии.⁶ В письменных источниках на это нет никаких указаний. Мне, по крайней мере, не удалось найти в текстах ни одного достоверного упоминания о таких наемниках, хотя по книгам Прокопия, Иордана, Марцеллина Комеса или Агафия можно составить внушительный список самых разнообразных варваров, служивших под знаменами Империи (гунны, савиры, болгары, аланы, герулы, вандалы, готы, лангобарды, склавины, анты, цанны, абасги и пр.). Столь же пестро выглядят подчас и армии варварских королей, например, остроготских Амалов. Но скандинавов там тоже нет, если не считать уже упоминавшегося принца Родульфа, подвизавшегося при равеннском

⁴ Родульфа считают королем герулов, о чем имеется прямое указание Кассиодора. Однако из контекста рассказа Иордана можно скорее предполагать, что он был королем данов (Щукин 2005: 49) или светидов, о которых специально идет речь в данном параграфе у Иордана. По У. Несману, это король раниев (Ranii), упомянутых Иорданом непосредственно перед именем Родульфа (Näsman 1998: 261). Есть и иные версии, в частности, о том, что исторических персонажей с таким именем было несколько, не менее двух (подробнее см.: Щукин 2005: 49, 50).

⁵ Впрочем, степень интенсивности гунно-скандинавских контактов некоторыми археологами явно преувеличивается (см. подробнее: Näsman 2008).

⁶ Одно время даже считалось, что каменные укрепления Экеторпа, на о. Эланд, были построены под влиянием позднеимперской военной архитектуры, элементы которой были занесены на Балтику скандинавскими наемниками, вернувшимися с византийской службы. Сейчас эта гипотеза оставлена (см. Näsman 1989).

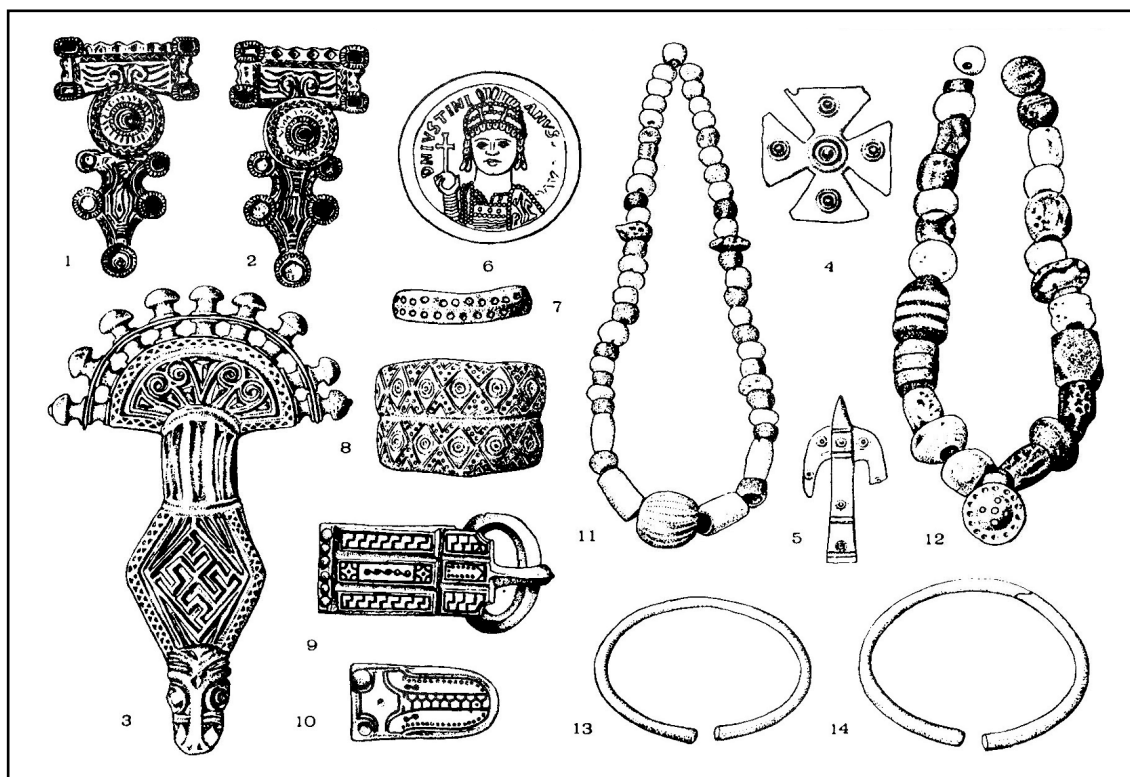

Рис. 10. Вещи из погребения в Грачанице, в Южной Сербии (Vierck 1981).

дворе или тех же варнов (саксов) Ваккара с южного берега Балтики — Северного моря. Зато имеются археологические находки, такие как золотые медальоны и фрагменты золотого южноскандинавского ожерелья позднего V—VI века из Удовице в Сербии (Fischer 2008; Popović 2008),⁷ женская могила в Грачанице (Южная Сербия) с парой типичных скандинавских фибул с прямоугольной головкой, второй половины VI в. (рис. 10) (Vierck 1981: Abb. 2; Милинковић 2003) или уже упоминавшиеся фибулы из Хасково (Болгария) и Касиодола (Сербия), восходящие к скандинавским пототипам середины V — первой четверти VI вв. (Ivanišević

⁷ С. Фишер и И. Попович относят находку к позднему V в., видимо, исходя из того, что ожерелье включает медальоны с изображениями Валентиниана III, Гонория и Константина III, Ливия Севера. Вместе с тем, как справедливо отмечает И. Попович, со ссылкой на скандинавских археологов, такие кольца в Скандинавии не получили узкой даты, их относят к довольно широкому периоду, от начала IV в. до начала VII в. (Popović 2008: 78). Так, известную шарнирную воротничковую золотую гривну из Оллеберга (Ålleberg), содержащую пронизки как в ожерелье Удовице, В. Холмквист относит к первой половине VI в., а подобную гривну из Мёне (Möne) — к VI в. (Holmqvist 1965: 168—169). Скорее всего, находку этого ожерелья в Удовице следует связывать с герулами, размещенными Юстинианом в Сингидунуме и окрестных крепостях (об их археологическом выражении см.: Ivanišević et alii 2006: 123, 133, 134).

et al. 2006: 15). Как известно, в архаических обществах элементы женского убора, в силу их сакрального характера, не являются предметом купли-продажи или дарения, за исключением аристократических украшений, принадлежащих интернациональной «княжеской моде», и перемещаются в пространстве, чаще всего, с их носительницами (см., напр.: Werner 1970). Напомним также, что по римским законам браки между варварами и римскими гражданами юридически считались недействительными. Поэтому солдаты-варвары, воевавшие под знаменами Империи и получавшие римское гражданство лишь после многих лет службы, должны были искать спутниц жизни в Барбарикуме, что частично и объясняет появление на римской территории погребений с характерным варварским женским убором. К сожалению, выделить скандинавских солдат по погребальному инвентарю не представляется возможным — хорошо известный феномен престижной воинской моды быстро нивелировал различия в костюме и декоре оружия у разноплеменных варваров, служивших ромеям.

Итак, есть все основания полагать, что меховая торговля народа суэханс со Средиземноморьем шла через Центральную Европу, поскольку пути от Среднего Дуная до Балтики хорошо засвидетельствованы как археологическими находками, так и письменными источниками. Стратегическое по-

ложение на обоих путях занимает регион Среднего Дуная, охватывающий современные территории Моравии, Нижней Австрии и Юго-Западной Словакии. Напомним, что здесь сосредоточены такие яркие памятники варварской «княжеской» культуры, как Журань, Унтерзибенбрунн, Лаа, Оберляйсберг, Смолин, Левице, Блучина, Бешенов, Коморно (см., напр.: Germanen 1987; *Or des princes barbares* 2000). Ясно, что эта территория была особенно притягательной для

варваров и важные трансевропейские пути Барбарикума, по которым мех поступал из Скандинавии в Средиземноморье, просто не могли ее миновать.

В то же время, как мы впоследствии увидим, следы скандинавского присутствия на русских реках в V—VI вв. крайне незначительны. Возникает вопрос, каким мехом торговали племена суэханс: восточноевропейским или скандинавским? Или и тем и другим?

2. Охота на пушного зверя в Северной Фенноскандии

Напомним, что мех добывали не только в Восточной Европе, но и в Северной Фенноскандии, возможно, уже в римское время (Шумкин 1985). Исследователи неоднократно подчеркивали роль меховой охоты и торговли в освоении северной половины скандинавского полуострова (Svennung 1967: 38—40). Именно «меховой лихорадкой» объясняется демографический взрыв в V—VI вв. в Северной Норвегии: здесь нет условий для земледелия, а между тем население по сравнению с позднеримским временем удваивается (Vierck 1970: 382).

Судя по археологическим источникам, в эпоху переселения народов практически весь норвежский берег уже был освоен скандинавами. При этом зона более или менее сплошного расселения уже в римское время простиралась, по меньшей мере, до Лофотенских островов (Sjøvold 1962; Sjøvold 1974). Камерное трупоположение с крестообразной фибулой типа Мундхейм, позднего V в., было обнаружено в Финмарке, в районе Вардэ, на Варангерфиорде (Grunnes: Reichstein 1975: 38, 132: № 342). Оно на сегодняшний день маркирует крайнюю точку продвижения скандинавов на север, зафиксированную археологически.

Иордан (рис. 7) знает народ *Alogii* (*halogii*, то есть обитатели Халогаланда: Svennung 1967: 32—41; Hoffmann 1992: 176), проживающий в скалистой местности (Иордан, *Getica* 19), последнее обстоятельство хорошо соответствует реалиям северононорвежского побережья. Упомянувшиеся у Иордана острова в замерзшем море, где слепнут волки (Иордан, *Getica*, 18), интерпретируются как совр. Вардэ (средневековый *Vargeyjar* от *vargr* — волк, то есть «Волчьи острова») (Wagner 1974).⁸

⁸ В качестве альтернативы предлагаются и шхеры Ботнического залива (Щукин 2005: 48).

Важные демографические изменения, связанные с пушной охотой, происходят и в Северной Швеции. Судя по распространению норвежских крестообразных фибул, в эпоху переселения народов функционирует путь, возможно, существовавший уже в римское время (рис. 1) (Sternberger 1977: 373), который пересекает Скандинавский полуостров от норвежского побережья до области Медельпад на Ботническом заливе (Reichstein 1975: Karte 1). В Ямтланде (Jämtland), во внутренней части Скандинавского полуострова такие фибулы были найдены в курганном захоронении (Kungsnäs: Reichstein 1975: 134: № 379) и вне контекста (Täng: Reichstein 1975: 134: № 380). В той же провинции известны и погребения с рельефными фибулами с прямоугольной головкой (Sternberger 1977: 374, Abb. 246). Эти вещи являются свидетельством норвежского влияния на культуру шведского Норрланда в эпоху переселения народов (Sternberger 1977: 368).

В Даларна, самой северной провинции Свеаланда, где, в зависимости от округов, только от 1 до 28% земли пригодны для сельского хозяйства и территория сильно залесена, население с IV по IX вв. постоянно возрастает. Здесь, по данным И. Сернинг на 1966 г., обнаружено 150—170 «лесных» могил, в одном погребении первой половины VI в. найдены характерные орудия по обработке шкур пушных животных (рис. 11) (Vierck 1970: 385, 386, Abb. 57). В погребениях относительно часто попадают костяные стрелы, широко используемые, в первую очередь, в пушной охоте. На 16 мужских погребений, учтенных Б. Сломанн, в 13 отмечены находки промысловых костяных стрел, и только в одном погребении — железных (Vierck 1970: 383). Считается, что основным поставщиком мехового сырья для племен суэханс-свеев являлся Норрланд, особо отмечается роль охоты на медведя, фаланги и когти которого часто

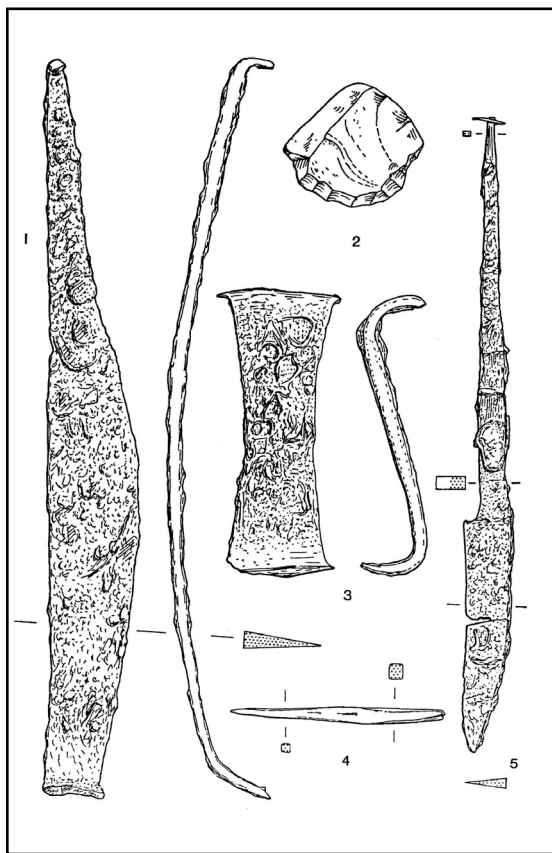

Рис. 11. Орудия обработки шкур пушного зверя из могильника эпохи переселения народов в Тисьон (Tisjön, Ksp. Lima) (Vierck 1970). 1, 3—5 — погр. 5; 2 — погр. 1.

находят в местных погребениях (Vierck 1970: 383; Lundström 1985: 281).

Одними из основных добытчиков меха выступали саамы (лапоны). Их контакты с германцами, несомненно, имели место уже в римскую эпоху, о чем свидетельствуют находки норвежских по происхождению предметов римского времени в Финмарке (Карпелан 1979: 146). Здесь эпоха переселения народов соотносится с посткерамическим или ранним саамским железным веком (Карпелан 1979: 143: рис. 1). В эту эпоху у лапонов прекращается местное керамическое и металлургическое производство, что чрезвычайно затрудняет исследования. Недолговременные поселения саамских охотников и рыбаков обнаружить трудно, а погребальные памятники, в виде каменных насыпей, так называемые «саамские камни», очень редко содержат датированный погребальный инвентарь.⁹ Сокращение собственного производства у саамов, возмож-

⁹ Для региона Беломорья связь этих валунных насыпей с саамами поставлена под сомнение. Предполагается их принадлежность средневековым карелам (см.: Шахнович 2003).

но, связано с их жесткой ориентацией на обменную торговлю лесными «товарами», когда необходимые предметы поступали извне, от прибалтийских финнов и германцев. О реальном присутствии в саамской зоне выходцев с других территорий свидетельствует болотная находка лыж «южного» типа, датированных по радиоуглероду первой половиной I тыс. н. э. (Карпелан 1979: 146—149).

Для саамов в VI в. в Северной Фенноскандии реконструируются этнонимы *Finni* — *Screrefennae/Scretefennae* (иногда трактуется из древненорвежского как «финны-лыжники») и, видимо, *Uinuiloth/Caino-thioth*. Последние могли составлять отдельную финскую или финногерманскую милитаризованную группу, оперировавшую в зоне скандинавско-саамских контактов, позднее известную как квены — *Kvæner, Kainuu* (см. подробнее Svennung 1967: 41—44, 91—97), то есть, финноязычное средневековое население по обе стороны Ботнического залива. Интересно, что данные анализа ДНК, проведенного по материалам погребений в ладьях некрополя Туна, подтверждают наличие родственных связей между саамами и элитой Свеаланда, по крайней мере, в более позднее вендельское время. О тех же родственных связях между саамскими и свейскими правящими кланами свидетельствует, по мнению Б. Аррениуса, и «*Ynglinga saga*» (Arrhenius 2002: 46).

Если предлагаемая Свеннунгом реконструкция верна, то возникает интересная параллель: в сказаниях саамов в Северной России в качестве врагов, разбойников, то есть агрессивной милитаризованной группы, выступает *чудь* (Керт 1961: 7; Попов 1973: 79), возможно, по Х. Моора, насильно облагавшая данью саамов (Моора 1956: 106). Одна из возможных этимологий названия «чудь» — германская, от готск. *thiuda* «народ», «войско» (см. Лебедев 1988: 94; Лебедев 2005: 443), ср. *Caino-thioth*. Эта германская этимология нравится не всем (см., напр.: Попов 1973: 70, 71), но контраргументов не приведено. Не имеют ли место здесь типологически сходные процессы, происходившие в разное время в широкой зоне пограничных контактов финнов и германцев? При этом *thioth-thiuda-чудь* могли изначально являться какими-то германизированными военными группировками финнов, игравшими роль «посредников» между германцами и саамами. Типологически близким финно-германским военизированным образованием были, видимо, и более поздние колбязги русских письменных источников (Мачинский 1988).

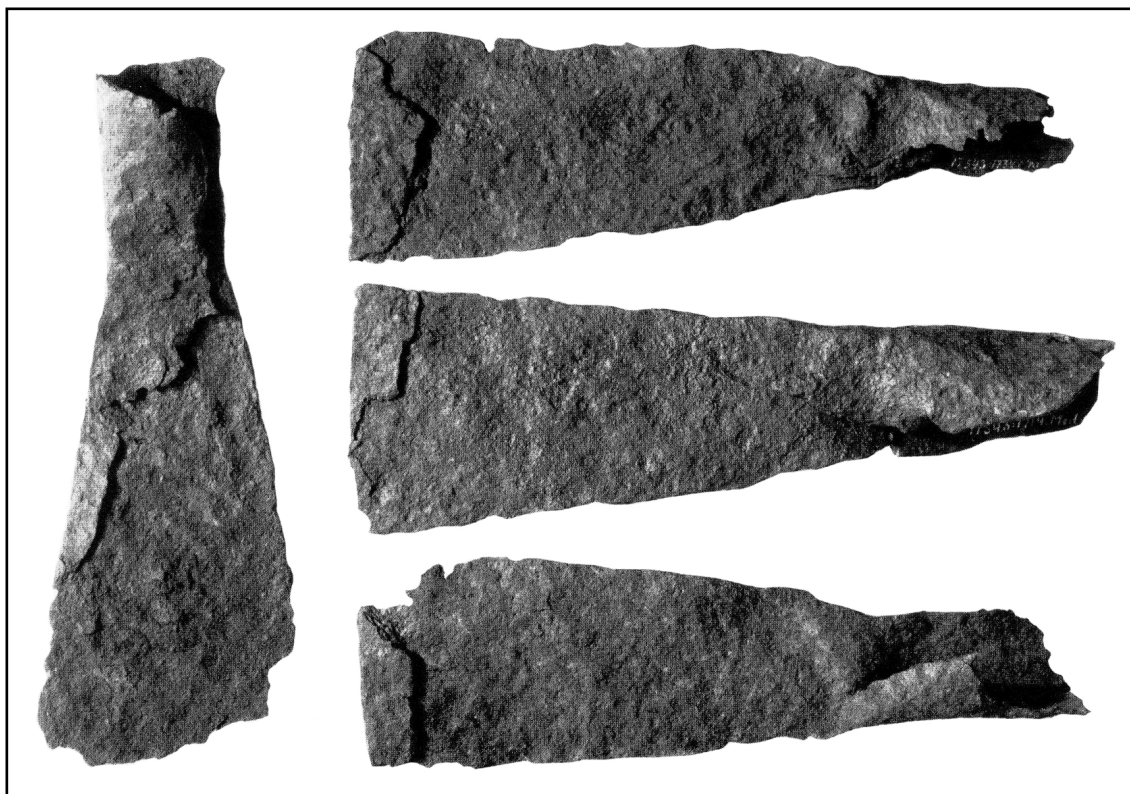

Рис. 12. Секировидные железные бруски из Хельгё (Hallinder, Haglund 1978).

Уже неоднократно отмечавшееся знание скретиffenов у древних авторов (для VI в. Иордан, *Getica* 21; Прокопий, BG II.15.16—23; несколько позднее, для VIII в., Paulus Diaconus, *Historia Langobardorum* I.5: у последнего специально описываются даже лыжная охота саамов¹⁰ и их одежда из оленьих шкур) явно связано со значительной ролью этого народа в меховой торговле (Svennung 1967: 39; Vierck 1970: 388; Лебедев 2005: 71). Добыча лесных продуктов и торговля ими становится основной деятельностью лапонского населения Фенноскандии и основательно трансформирует саамское общество (Карпелан 1979: 149).

Торговля с северными охотниками, видимо, носила бартерный характер (прямой обмен), как это обстояло еще в начале VI в. в коммерции между шведами и саамами. В южном Норрланде из добывавшегося здесь железа изготавливались бруски в виде топоров, служившие обменной единицей вплоть до эпохи викингов (рис. 12) (Vierck 1970: 381—385; Stenberger 1977: 299, 300, Abb. 191; Hallinder, Haglund 1978). Находки таких секировидных

брусков особенно часты в южном Норрланде (рис. 13) (Hallinder, Haglund 1978: 31—33: fig. 3). Интересно, что рост производства железа отмечен в VI в. как для средней Швеции (пров. Dalarna), так и для Норрланда (пров. Hälsingland) (Magnusson 1995: 62, fig. 2). Скупка меха, возможно, происходила зимой, на ледовых торжищах, например, на льду озер, где обеспечивался необходимый минимум обходной безопасности. В таких местах скоро возникают торговые центры вроде Хельгё (Arrhenius 1994). Кстати, роль Хельгё, как одного из основных центров торговли пушной, уже отмечалась исследователями (Vierck 1970: 388). Для Северной Финляндии предполагается, что торговые контакты осуществлялись на зимних поселениях-«talvikylä», располагавшихся на лесных возвышенностях.

Иордан, рассказывая о свейской торговле, упоминает особо ценный мех *sapperinae pelles*, который поступает из Скандинавии. Трудно сказать, что это был за зверь, все возможные интерпертации историками уже предложены, от голубого песца до соболя, включая куницу, горностая, белку и лису-чернобурку, и никто в конечном итоге не знает, какая версия лучше (Svennung 1967: 47—51). Что касается соболя, которого явно предпочитают русские археологи, то все же непонятно, почему тогда он в Западной Европе получил не скандинавское, а славянское имя (как уверяют фило-

¹⁰ К сожалению, в недавнем русском переводе это место искажено до неузнаваемости. См. Павел Диакон. История лангобардов. Перевод Ю. Б. Циркина. Санкт-Петербург: Издательский дом «Азбука-классика», 2008: 43.

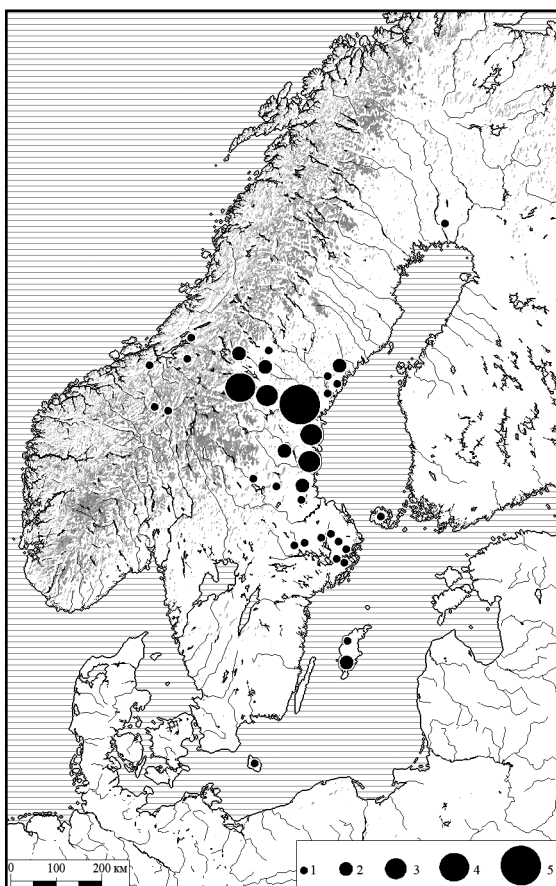

Рис. 13. Карта распространения секировидных железных брусков (по Hallinder, Haglund 1978).

логи, на сегодняшний день — это самое древнее славянское слово во французском языке), и почему это название известно на римско-германском Западе только с VIII века (когда, к слову сказать, резко возрастает добыча кунных в Прикамье, о чем см. ниже), если им торговали не славяне, а скандинавы, и при этом уже в VI в. Как мы увидим впоследствии, остеологические данные говорят, скорее, о широкой коммерциализации меха других видов пушного зверя.

Чтобы ответить на вопрос, торговали ли скандинавы в V—VI вв. восточноевропейским мехом, необходимо, из-за отсутствия письменных свидетельств, проверить, какие есть археологические доказательства скандинавского присутствия в довендельское время в Восточной Европе, в зоне, называемой скандинавами «Восточный путь», *Austrvegr* (Джаксон 1993: 246, 247), охватывающей территорию к востоку от Балтийского моря, и есть ли вещи V—VI вв. северо-восточноевропейского происхождения в Фенноскандии.

Как мы увидим далее, археологически скандинавское присутствие проявляется к востоку от Финского залива лишь на поздней стадии эпохи переселения народов. Что же касается

римского времени, то далее побережья Юго-Западной Финляндии и Северной Эстонии никаких археологических следов скандинавского присутствия в лесной зоне Восточной Европы не имеется (см. разбор материала: Kazanski 1992: 78, 79). Однако в целом германское, точнее, черняховское, в меньшей степени вельбаркское и пшеворское влияние в южной части лесной зоны, в бассейнах Днепра, Оки и Волги, археологически засвидетельствовано находками фибул, гребней, шпор, элементов поясной гарнитуры, резе серогончарной керамики (Kazanski 1992; Леонтьев 1996: 19—21). Видимо, это влияние, по крайней мере частично, связано с деятельностью Германариха (Kazanski 1992),¹¹ о чем рассказывает Иордан в известном пассаже про «*arctoi gentes*» (Иордан, *Getica* 116). Последний сюжет, возможно, представляет литературную обработку какой-то готской саги (Лебедев 1985; 1988). Список «северных народов», якобы покоренных Германарихом, однозначной трактовки у филологов не получил, он продолжает вызывать споры.

Что касается филологических изысканий по поводу «народов Германариха» и скандинавско-восточноевропейских связей в римское время и в эпоху переселения народов, которые в России в основном проводят почему-то не филологи, а археологи (Лебедев 1985; 1988; Мачинский 1984; Шувалов 2002; 2004; Мачинский, Кулешов 2004; Булкин 2007), то это, конечно, захватывающее чтение. Но полученные результаты ни в коем случае нельзя абсолютизировать, как например, и труды филологов по части археологических находок (таких филологов, правда, находится немного). Авторы, при локализации народов из списка Иордана, как правило, основываются на простом созвучии этнонимов текста Иордана с гораздо более поздними названиями народов и местностей (Merens = меря, Mordens = мордва, Vasinabronkas = весь; в этот ряд так и просится знаменитое «этруски = русские»), хотя народы Иордана можно сравнивать и с античными этнонимами,

¹¹ Позднее к теме походов Германариха обращался А. М. Обломский при рассмотрении исследований М. Б. Щукина, Д. А. Мачинского и В. С. Кулешова (Обломский 2008). Ряд выводов А. М. Обломского поразительно совпадает с моими (ср., например, карты гипотетических походов: Kazanski 1992: fig. 17 и Обломский 2008: рис. 6). При этом моя статья не цитируется совсем, видимо, она осталась неизвестной А. М. Обломскому. Тем не менее данная работа разбирается как раз в публикациях М. Б. Щукина, Д. А. Мачинского и В. С. Кулешова, с которыми А. М. Обломский ведет полемику.

а это дает совсем иную картину (см., напр.: Korkkanen 1975). При этом почему-то считается, что «народы Германариха», которых хотят «посадить» на карту на основании поздних письменных источников, проживали на одном и том же месте по крайней мере с IV по XI—XII вв., что было бы для варварской континентальной Европы феноменальным явлением. В целом, привлечение средневековых сочинений, основанных на устной традиции, таких, как «Инглинга-Сага» (Шувалов 2002 и 2004) или гипотетическая сага о Германарихе, изложенная у Иордана (Лебедев 1985; 1988; Мачинский 1984; Мачинский, Кулешов 2004; Булкин 2007) требует особой осторожности, при этом вряд ли

в них следует выискивать конкретные исторические факты (Джаксон 1993: 47, 48). В таких сочинениях имеются разновременные наслоения, есть там и просто фантазии средневековых составителей. В общем, реконструировать скандинавское или восточноевропейское прошлое по сагам — это все равно, что изучать историю Соединенных Штатов Америки по голливудским вестернам.

Но в любом случае, к истории скандинавского присутствия в Восточной Европе завоевания Германариха отношения не имеют. Скорее всего, появление скандинавов на восточноевропейских путях связано с изменением ситуации на Балтике в эпоху переселения народов.

3. Скандинавия и Балтика в эпоху переселения народов

Представляется, что «Восточный путь» показывает некое новое направление скандинавской экспансии, связанное с общим изменением ситуации на Балтике. В южной Скандинавии, где хронология древностей сейчас разработана более подробно (особенно для Борнхольма), эпоха переселения народов археологически определяется как «ранний германский железный век» и датируется временем от середины IV в. по первую половину VI в. Его поздняя, вторая фаза датируется временем от второй трети V в. по первую половину VI в. (Høilund Nielsen 1987: 60; Høilund Nielsen 1999; Jørgensen 1989: 179—181; Hedeager 1992: 6—14). Для Швеции, включая острова Готланд и Эланд, чаще используют периодизацию О. Монтелиуса (см., напр.: Nerman 1935; Stenberger 1977: 306—378; Näsman 1977), где эпохе переселения народов в целом соответствуют периоды VI:1 (400—470/500) и VI:2 (470/500—550/600) (Bitner-Wróblewska 2001: 14—19). Их сменяет вендельская эпоха (550—800). Для поздней фазы скандинавской эпохи переселения народов, которая здесь нас интересует в первую очередь, являются характерными вещи первого звериного стиля, в частности, рельефные фибулы, а также массивные золотые украшения, браслеты и гривны с расширенными концами, брактеаты, специфичный набор арбалетных фибул и ряд других признаков.

В это время балтийский бассейн вступает в эпоху коренной перестройки, в результате которой его северная часть оказывается более тесно связанной с другими регионами Европы (Лебедев 2005: 134—136). До 500-х гг. продолжается эпоха военной напряженности в южной Балтике, в которую в IV—V вв. были ввергнуты Ютландия, дат-

ские острова, Борнхольм, Эланд и Скания (Näsman 1999: 5, 6). О такой напряженности свидетельствует, в частности, география интенсивных «болотных» приношений, отражающих военные победы (рис. 14). Они отмечены для второй половины V в. в восточной и юго-восточной Ютландии, на Борнхольме, в южной Швеции, на Эланде и Готланде (Stenberger 1977: 333—335, Abb. 216; Ilkaer 1995: 105, 106; Näsman 1998: 261; Näsman 2006: fig. 3). О сложной военной обстановке в эпоху переселения народов на Балтике свидетельствуют и укрепленные пункты на возвышенностях, и, наконец, скудные и с трудом поддающиеся интерпретации известия нарративных источников о сражениях и морских блокадах (Näsman 1998: 260; Näsman 2006: 219, 220, fig. 4).

Военная экспансия с юга Скандинавского региона выплескивается на Запад. Наиболее известно переселение англосаксов и ютов на острова Британского архипелага, но это событие было для эпохи переселения народов не единственным примером скандинавской экспансии в западном направлении. В середине — второй половине V в., если верить сообщениям античных авторов, саксы и скандинавские герулы атакуют континентальное атлантическое побережье, вплоть до устья Шаранты и Пиренейского полуострова (Demougeot 1979: 721; Näsman 1998: 258). Однако набег датского (по «Беовульф» гаутского) конунга Хигелака (Chlochilaicus = Hugelac) в 515 г. на франкскую морскую границу обернулся для скандинавов военной катастрофой (Grégoire de Tours, Histoire des Francs III. 3; Hoffmann 1992: 148, 149) и сообщения о морских набегах северян надолго исчезают со страниц раннесредневе-

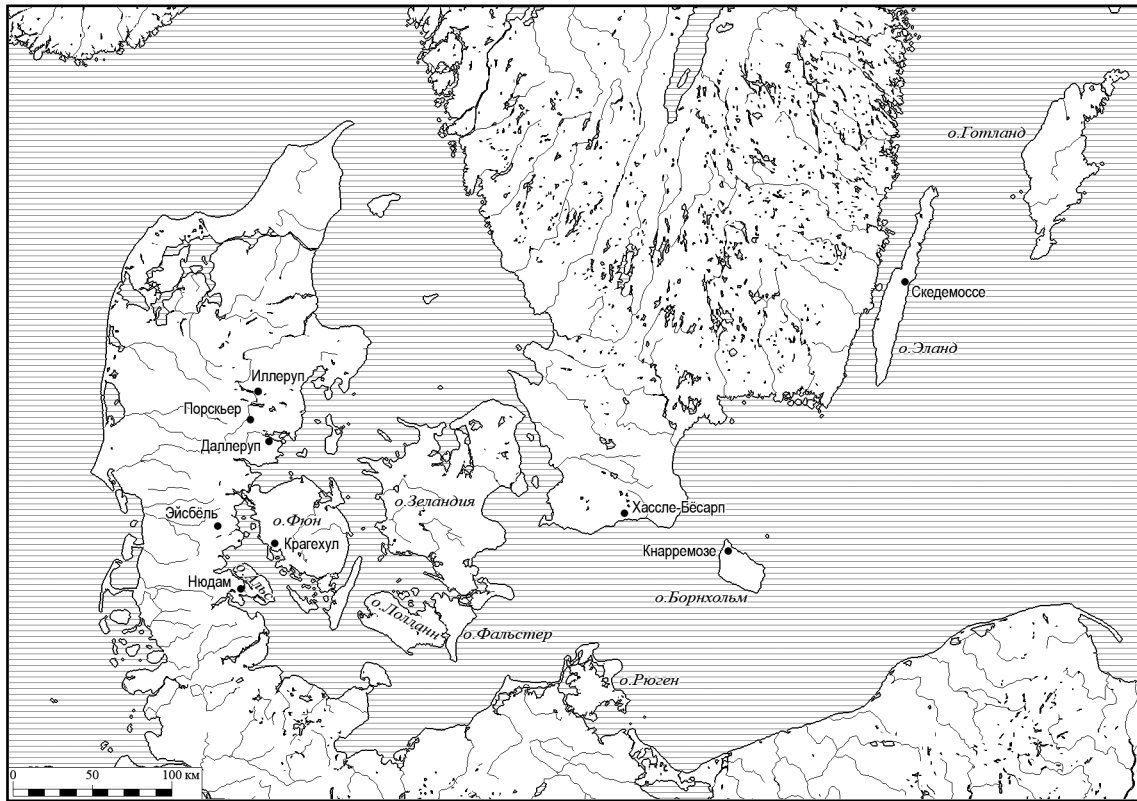

Рис. 14. Распространение болотных скандинавских жертвоприношений в период «D» (по Ilkjær 1990).

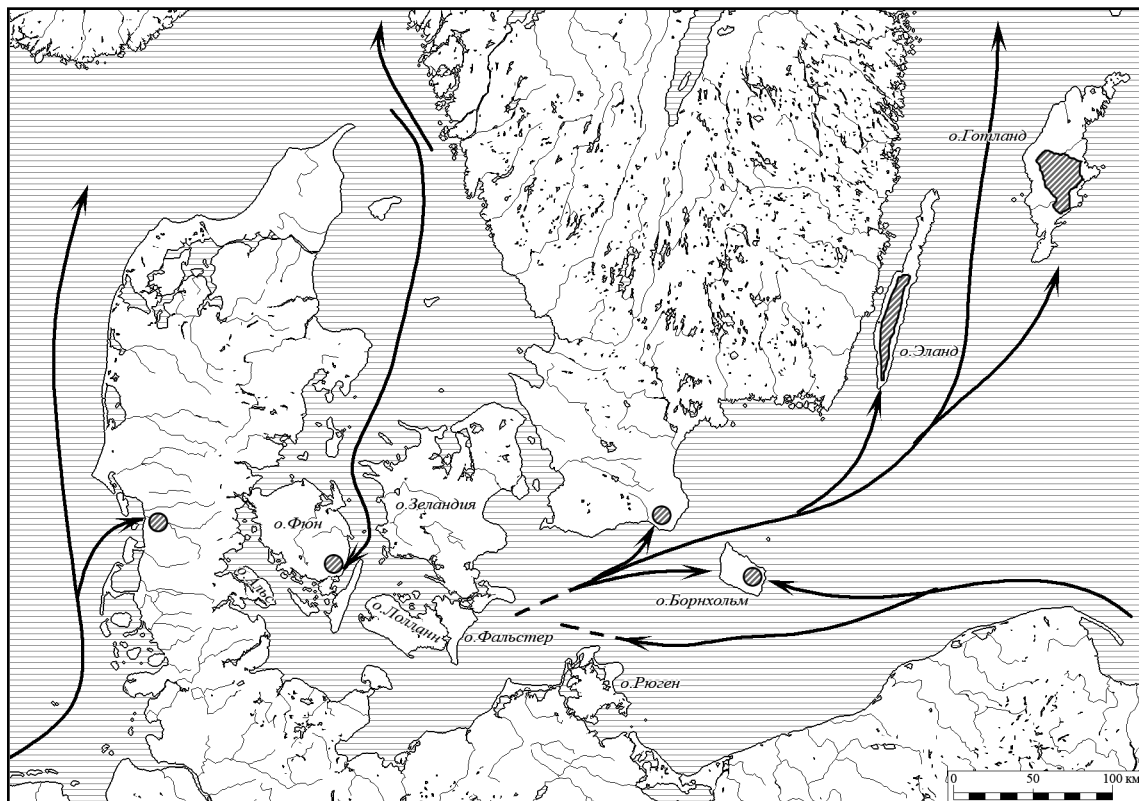

Рис. 15. Направление торговых связей и основные торговые центры в Южной Скандинавии в V в. (по Lund Hansen 1988).

ковых хроник. Похоже, что кровавый урок скандинавам запомнился основательно — даже в «Беовульфе» рассказывается о смерти Хигелака на франкском берегу. В это же время, в раннем VI в., наконец, происходит и спад военной активности в южнобалтийском бассейне (Näsman 1998: 261, fig. 1).

В эпоху переселения народов на Балтике существенно меняется география экономических отношений, равно как и география центров власти. Активность у датских центров позднеримского времени перехватывают более восточные, островные (рис. 15). Из датских, поселения Рибе на западном берегу Ютландии и Гудме на о. Фюн (Kromann et al. 1991; Näsman 2006: 239) остаются, тем не менее, ключевыми на западном и южном направлениях экономических связей. Но теперь в центре экономических контактов на Балтике оказываются территории Борнхольм, Скания, Эланд, Готланд, Упланд (Lund Hansen 1988: 161, 162, Abb. 2; ср. Geisslinger 1967: Karte 8, 9).

Надо отметить, что в Дании на эпоху переселения народов приходится значительное количество кладов и отдельных находок золотых вещей (Hedeager 1992: 48—66). Больше всего золота (по весу) было обнаружено в северо-восточной Ютландии, где, кстати, на сегодняшний день лучше всего известны погребальные памятники раннего германского железного века (Hedeager 1992: fig. 3, 4; Ringtved 1999: 52—60, fig. 3) и где находится ряд важных «болотных» жертвоприношений V в. (Ilkaer 1995: fig. 1: 3—5), а также на островах Зеландия и Лолланн (Hedeager 1992: fig. 2: 19; Ringtved 1999: 52, 53, fig. 3). Немало золотых находок также на о. Фюн и в Шлезвиге (Geisslinger 1967: Karten; Hedeager 1992: fig. 2: 19, 4; Ringtved 1999: 52, 53, fig. 3; Henriksen, Horsnæs 2004 и 2006). Даже если часть из этих сокровищ носит вотивный характер, другие явно принадлежали конкретным людям (Hedeager 1992: 76, 77). В любом случае они свидетельствуют о концентрации здесь немалых богатств, а стало быть, и о наличии сильных политических и экономических центров. Такие центры в это время возникают повсюду в Фенноскандии (рис. 16). Считается, что в это время в Дании формируются политические образования на базе племенных конфедераций (Näsman 1999: 7, 8, fig. 6). Их здесь насчитывают не менее четырех (рис. 17):

- 1) в северной Ютландии — южной Норвегии;
- 2) в центральной и южной Ютландии;

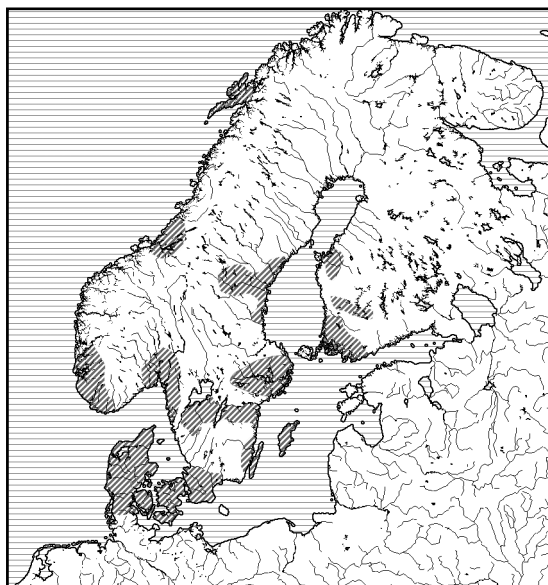

Рис. 16. «Малые» варварские королевства Фенноскандии в эпоху переселения народов (по Ramqvist 1991).

3) в регионе Шлезвига — о. Фюн — о. Лолланн — о. Зеландия;

4) по обоим берегам пролива Зунд (Ringtved 1999: 57—60, fig. 11).

Известны и южношведские центры власти, география которых определяется концентрацией находок золотых вещей, в частности, брактеатов (Stenberger 1977: Abb. 209). Один из них находился в Вестерготланде (Fabech 1999; Fabech 2001). Здесь исследователи обычно локализируют прославленных в «Беовульфе» гаутиготов/гаутов (Gautigoth/Gautoi) Иордана и Прокопия (Svennung 1967: fig. 5; Hoffmann 1992: 147—149). Другой центр находился на восточной окраине Скании (Fabech 1999a; Fabech 2001). Наконец, наблюдается высокая концентрация находок золотых вещей эпохи переселения народов в южной части Скании (рис. 8) (Stenberger 1977: Abb. 22; Helgesson 1989—1990).

На международных путях до 476/477 гг., судя по количеству находок солидов, лидирует Эланд (см. список монетных кладов: Kuhlberg 1986: 114: № 40, 50, 80a, 87, 90b, 99, 115). Известны здесь и богатые клады с золотыми вещами (Stenberger 1977: 319, 320, Abb. 206; Hoffmann 1992: 148), такими как браслеты с расширенными концами, достаточно редкие в Швеции (Kuhlberg 1986: 118: № 8—12, fig. 20). Подобные браслеты у скандинавов, да и не только у них, являлись символом королевской власти (Lund Hansen 2001; Fabech 2001: 190, 191). Высокая концентрация этих браслетов на Эланде и в прилегающей части скандинавского побережья явно указы-

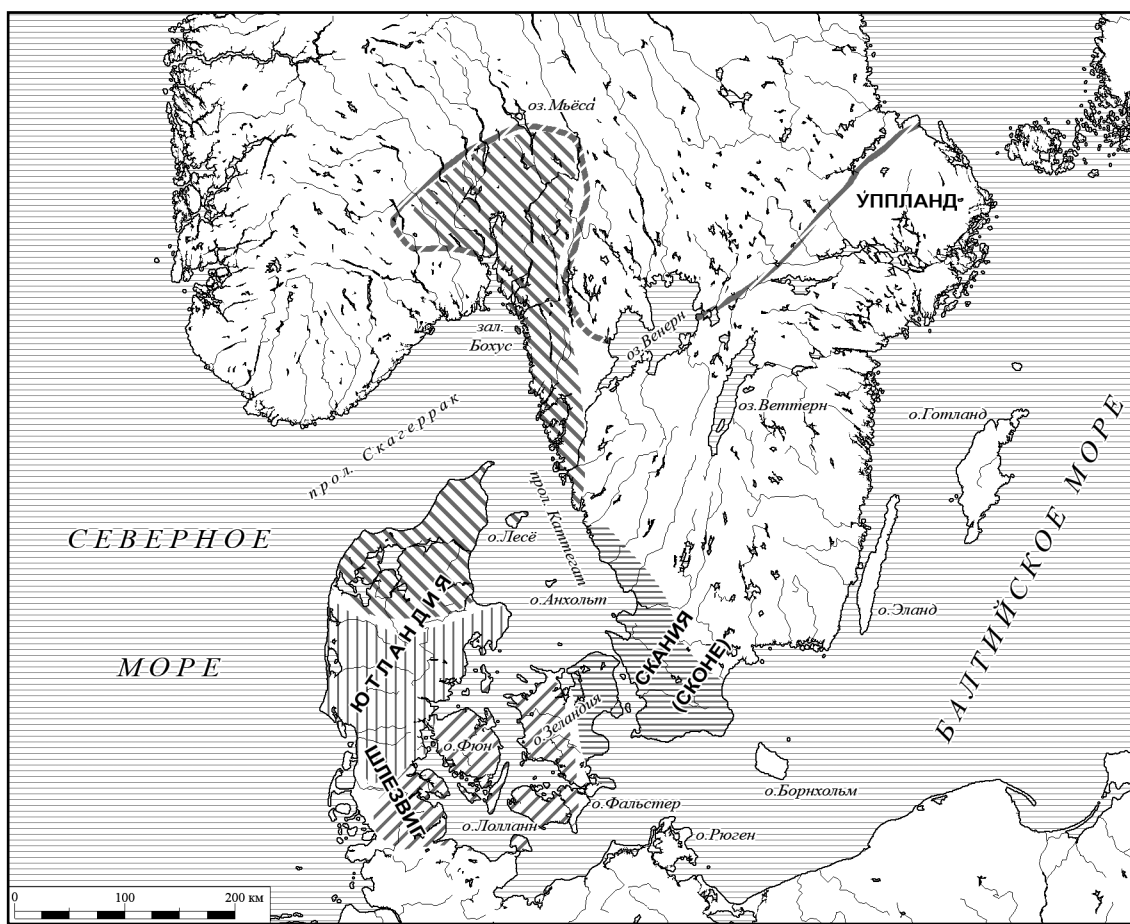

Рис. 17. Предполагаемые политические объединения (племенные конфедерации? «королевства»?) поздне-романского времени и эпохи переселения народов в Южной Скандинавии (по Ringtved 1999).

вает на особые связи населения Эланд с событиями политической и военной истории 460-х — 480-х гг. на континенте (Kyhllberg 1986: 72).

Потом на Эланде происходит какая-то катастрофа. И на Эланде, и на Готланде в 475—550 гг. уменьшается количество погребений. Это свидетельствует о некоем демографическом спаде, связанном то ли с военной нестабильностью, то ли с климатическими изменениями (Näsman 1977: 337, 338). Монеты, найденные в кладах на Эланде, до попадания в землю практически не циркулировали, что скорее указывает на некую военную опасность, которую, впрочем, не надо преувеличивать. Действительно, укрепленное поселение Экеторп (горизонт 2) продолжает существовать как до, так и после 476/477 гг. Укреплений на Эланде найдено немало, что казалось бы подтверждает тезис о военной угрозе, однако они имеют более широкие датировки чем последняя треть V в. и их запустение также не связывается обязательно с этим периодом (Näsman 1977: 344—349). По У. Несману, в упадке Эланда роковую роль сыграло в первую очередь ухудшение климата и обеднение почвы, что и вызвало мигра-

ции групп населения, а стало быть, и военные столкновения, отразившиеся в зарытии кладов 476/477 гг. (Näsman 1977: 352—357).

Активность до 550—560 гг. перехватывает Готланд (Fagerlie 1967: 152, 153, 164, 168, 169; Näsman 1977: 342, 343). На Готланде также известны клады солидов, начиная от 510—520 гг. (Kyhllberg 1986: 58, 114, tabl. 44, № cat. 122, 130b, 135, 136, 137b, 147, 156a, 164, 166, 176, 179a) и находки характерных золотых браслетов с расширенными концами (Kyhllberg 1986: 118, № 5—7, fig. 20). Известны здесь и погребения воинских предводителей, такие, как могила в Барсхалдерсхед (Barshaldershed), скорее всего, относящаяся к середине — третьей четверти V в. (Nerman 1935: № 159). Напомним также находки на Готланде престижных мечей эпохи переселения народов (Nerman 1935: Taf. 21: 269, 270) и шлемов типа Балденхейм (Arthenius 1967: fig. 2, 3). Скорее всего, и на Эланде, и на Готланде существовали политические структуры типа малого варварского королевства (об их скандинавском варианте *Folkland* см. Ramqvist 1991).

Возникая в специфической ситуации повышенной военной напряженности, малые

королевства строятся по принципу военной организации. В ней главную роль играют отношения жесткого подчинения королю (предводителю) как составляющих такое королевство кланов (семей), так и отдельных воинов, объединенных в королевскую дружину («дружина конунгов», о ее специфике см. Хлевов 1999: 53). При этом подданные, по крайней мере, на первых порах, часто выбирают предводителя, и сохраняют за собой право сместить, а то и просто убить неудачливого короля (Селицкий 1999: 66, там же конкретные примеры для эпохи Великого переселения народов). Король здесь, прежде всего, военный предводитель, остальные функции второстепенны. Он является объединяющей фигурой, вокруг которой собирается разнородная дружина, представляющая реальную опору его власти (Селицкий 1999: 65). Такая форма организации часто сопутствует первому типу этногенеза по Х. Вольфраму (так называемые «новые народы», руководимые военными предводителями: Wolfram 1997: 129, 130). Этническое происхождение воинов, как, впрочем, и остальных подданных, при этом имеет второстепенное значение. Судьба такого рода образований, созданных для войны, целиком и полностью зависит от военного успеха, удачливости предводителя, поэтому малые варварские королевства являются очень недолговечной формой. Показательно, что в бесконечных войнах V века выживают в первую очередь те королевства, которые базируются, хотя бы частично, на территории с романским населением и где германские короли в конечном итоге находят общий язык со своими римскими подданными. Здесь варвары немедленно воспринимают «римское наследие» и, прежде всего, военно-административные институты поздней империи. Ярким примером является Меровингское королевство в Северной Галлии, властители которого прямо пошли на включение римских войск армориканской оборонительной линии в состав своей армии, или Бургундское королевство, где римляне являлись составной частью военной знати и сохранили это качество и после аннексии Бургундского королевства Меровингами. Быстрое восприятие римского военно-административного, экономического, культурного и идеологического наследия, в частности, христианства, является залогом успеха романо-германских королевств раннего средневековья. Отсутствие такого наследия в Барбарикуме не позволило малым варварским королевствам этой зоны сформироваться в сильные государства и в конечном итоге обрекло их на исчезновение (Казанский

1997; Казанский, Мастыкова 2001; Ахмедов, Казанский 2004).

Некий спад на Готланде наблюдается в середине VI в. Может быть, в это время до скандинавских островов докатилась, как считают некоторые исследователи, общеевропейская эпидемия чумы эпохи Юстиниана, 541—590 гг. (Сегер 1984: 107; Ахбое 2001: 130). В целом, в середине VI в. в балтийском бассейне происходят какие-то важные изменения, выразившиеся в «выпадении» кладов золотых вещей. На этот период в Европе приходится не только чума, но и суровые зимы, частые солнечные затмения, неурожай, голодовки, выразившиеся в повышенной смертности среди населения Северной Европы. Возможно, эти мрачные события и послужили причиной зарытия значительного числа жертвенных кладов (Ахбое 2001: 129—131).

Остров Борнхольм, судя по нумизматическим материалам, играет в циркумбалтийских контактах скорее вспомогательную роль, солиды сюда поступают сначала с Эланды, потом с Готланды (Fagerlie 1967: 169). Не стоит, однако, сбрасывать со счетов существование на Борнхольме важного религиозного и экономического центра Сорте Мюльд (Klindt-Jensen 1957; Ватт 1989: 41), а также довольно многочисленных погребений с мечами, свидетельствующих о развитой воинской структуре (Klindt-Jensen 1957). Возможно, здесь существует небольшое варварское «королевство» (см. подробнее: Hoffmann 1992: 174, там же библиография).

Судя по археологическим данным, в V—VI вв. на восточном берегу скандинавского полуострова, помимо Эланды с прилегающей территорией, формируются еще два малых «королевства» (Ramqvist 1991: 48, fig. 1).¹² Первое «королевство», возможно, уже тогда принадлежавшее знаменитой династии Инглингов (Ynglingar), локализуется в Восточном Свеаланде, преимущественно в Уппланде (Hoffmann 1992: 145—147; Arthenius 2002). С ним связан, в частности, культовый и политический центр в Уппсале (Stenberger 1977: 349—352), где, правда, наиболее значимые находки относятся уже к вендельскому времени.¹³

¹² Термин «королевство», конечно, условен. Другие исследователи предпочитают для этого времени говорить о «племенных конфедерациях», в которых есть верховный правитель и региональные вожди (Näsman 1999: 8). Однако, на мой взгляд, точные реконструкции, по причине отсутствия письменных свидетельств, носят, скорее, гадательный характер.

¹³ Монументальные королевские курганы Уппсалы

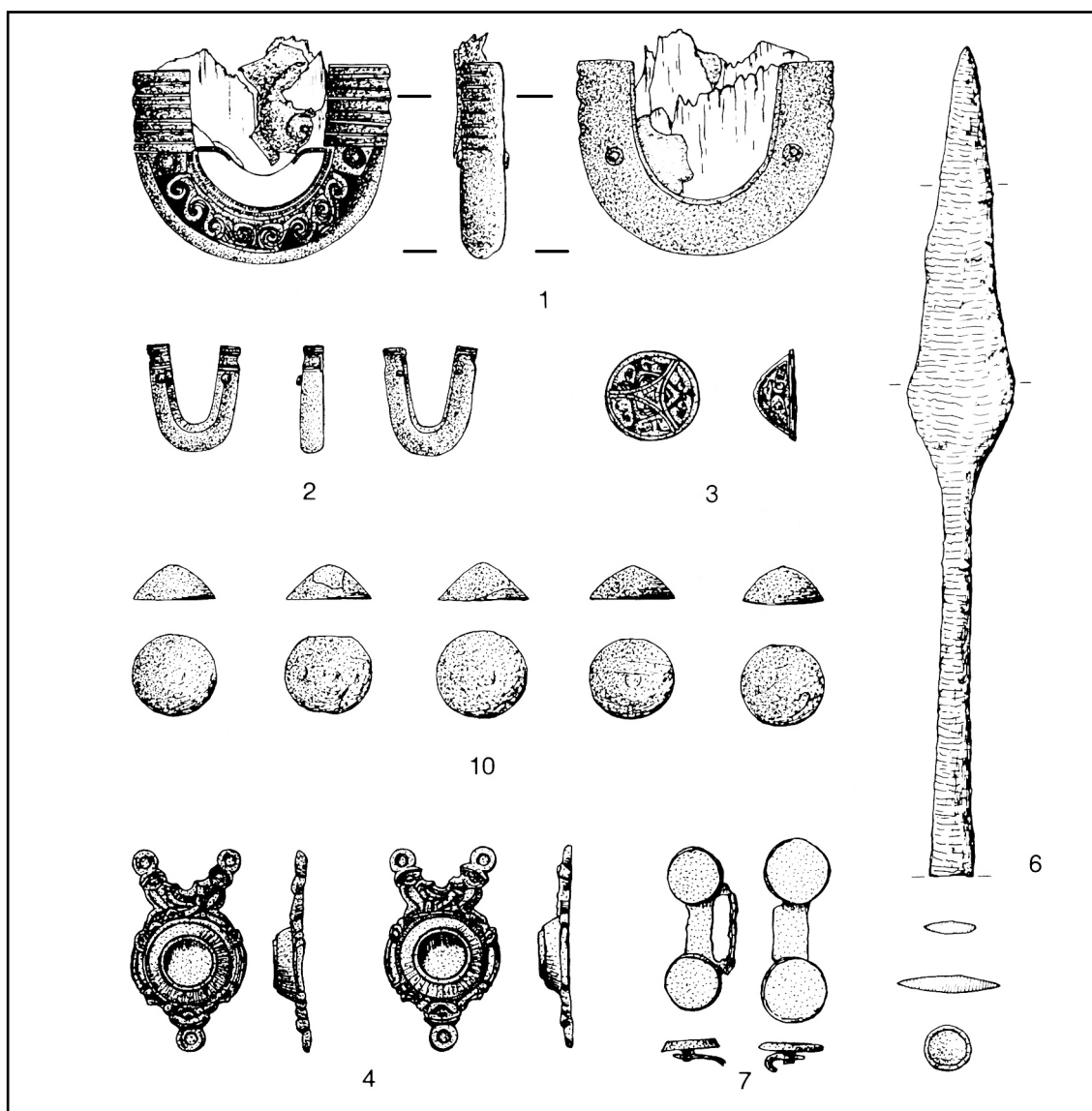

Рис. 18. Вещи из «вождеского» погребения в Лувё (Lovö) (Menghin 1983).

Здесь же, в Уппланде, находится известное торгово-ремесленное поселение в Хельгё, основная масса находок с которого приходится на 500—800 гг. (Stenberger 1977: 407—412). Отсюда происходят клады золотых солидов 509—519 и 510—520 гг. (Kuhlberg 1986: 58, tabl. 44). В Уппланде найдены клады, такие как Турехольм (Туна/Вестерлюнг), содержащий около 12 кг золота (Stenberger 1977: 316,

317; Лебедев 2005: 137, 138). Известны здесь и «вождеские» погребения с мечами, как, например, камерное захоронение в Лувё (Lovö) (рис. 18), датируемое поздним V в. (Menghin 1983: 203). Хронология Лувё и золотых кладов в Хельгё свидетельствует о кристаллизации королевства в Уппланде к 500—520 гг.

Второе небольшое «королевство» появляется на побережье Ботнического залива, в центральном Норрланде (рис. 19) (Ramqvist 1991; 1995). С этим королевством, в частности, связаны вождеские курганы V в. в Хёгуме (о них см. Ramqvist 1992), а также укрепленные поселения, некоторые из них — Тунаборг (Tunaborg), Мьяллеборген (Mjälleboergen) — явно играли роль важных центров (Ramqvist 1995: 34). С деятельностью этого «королевства» в значительной степени и связана меховая торговля и железодобыча Норрланда, о которых речь шла выше (рис. 20). Всего

содержат вещи вендельской эпохи (Duczko 1996) и, видимо, датируются концом VI или ранним VII вв. (подробно см.: Ljungkvist 2008). Также ко времени не ранее второй половины — конца VI в. относится и большой уппландский курган «Ottarshögen». Из него происходит поясная гарнитура позднего VI в. (Straume 1987: 112, 113). Недавно сведения о больших шведских курганах были собраны и проанализированы И. Еремеевым (Еремеев 2007). Внимательное изучение таблицы в его работе показывает, что больших курганов в Средней Швеции ранее вендельского времени пока нет.

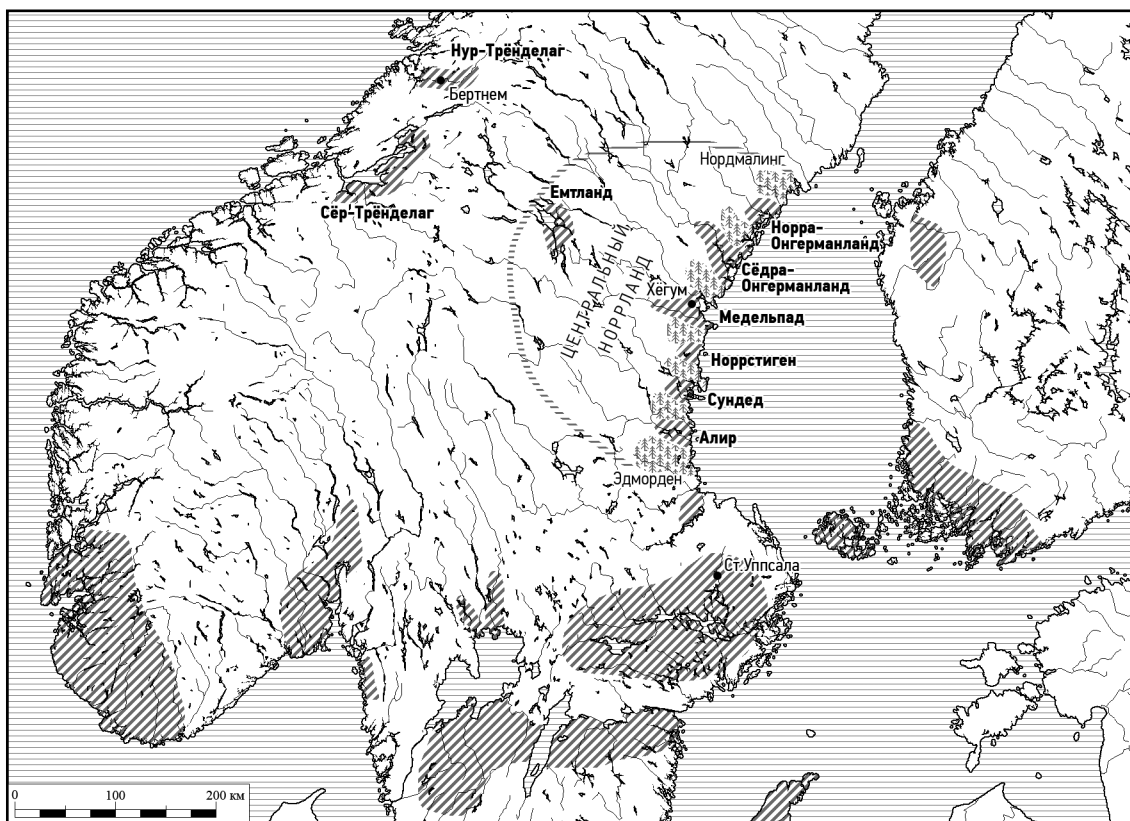

Рис. 19. «Малые» варварские королевства в Норрланде в эпоху переселения народов (по Ramqvist 1991).

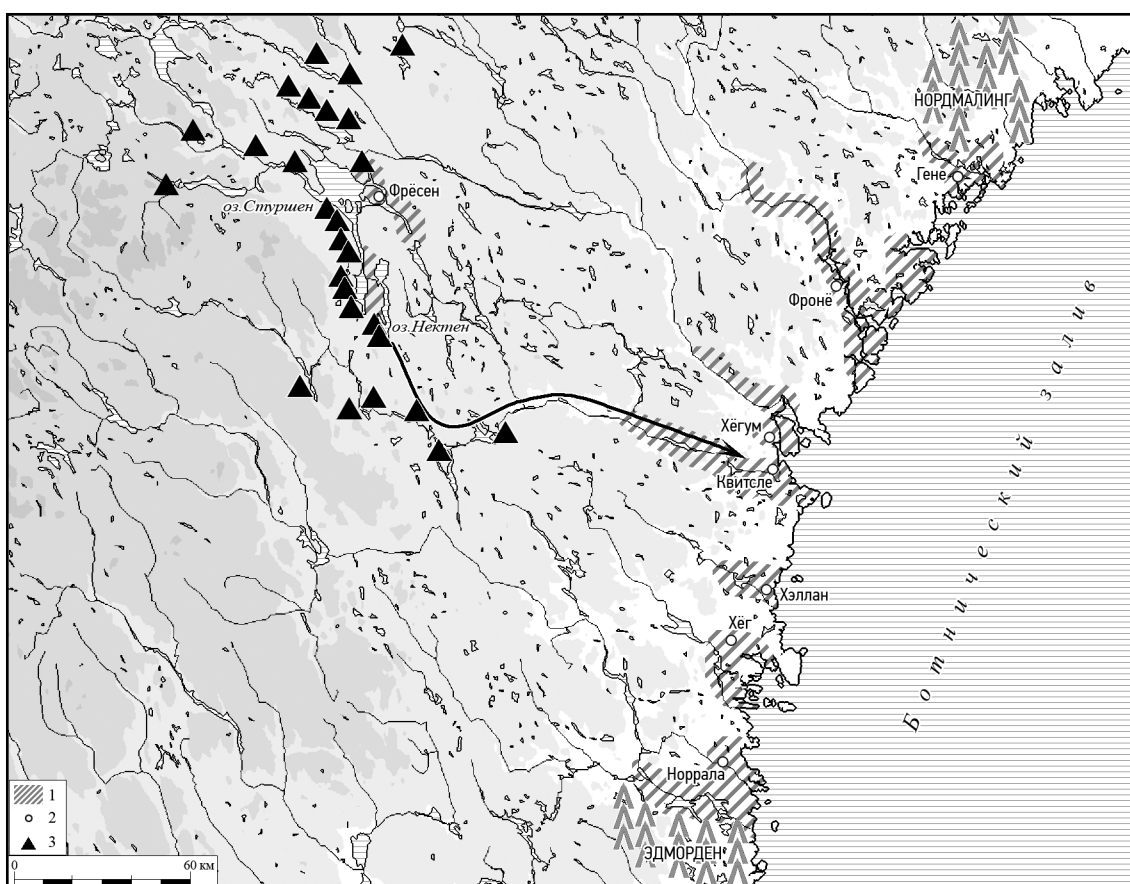

Рис. 20. Районы заселения в Северном Норрланде и их связь с местами добычи железа. Стрелками показаны возможные пути доставки железа на побережье (по Ramqvist 1991). 1 — районы концентрации населения; 2 — «центральные» поселения; 3 — памятники, где зафиксирована добыча железа, преимущественно в римском железном веке и в эпоху переселения народов.

3. Скандинавия и Балтика в эпоху переселения народов

№4. 2010

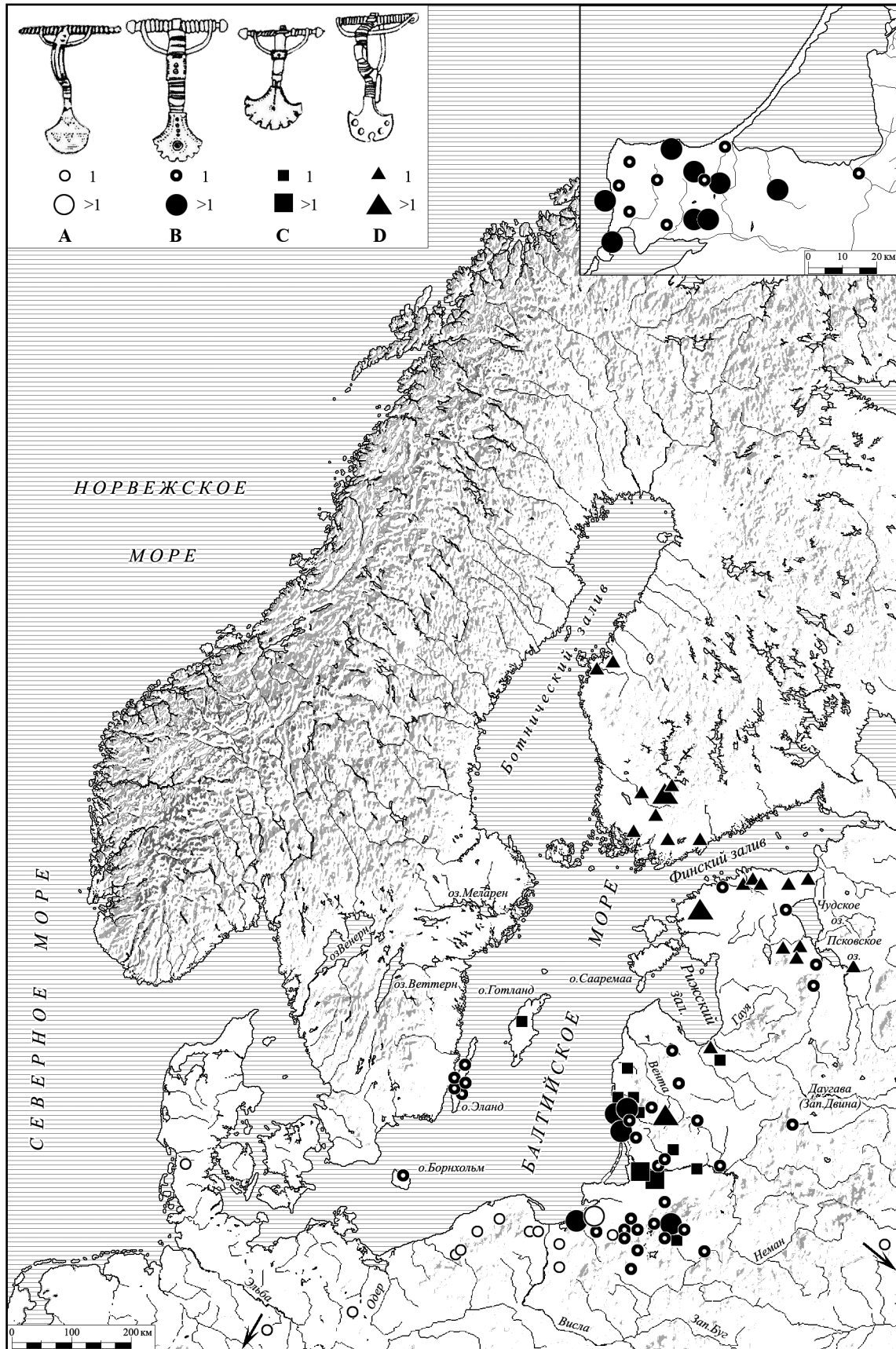

Рис. 21. Распространение фибул с расширенной звездчатой или лопатковидной ножкой (по Bitner-Wróblewska 2001).

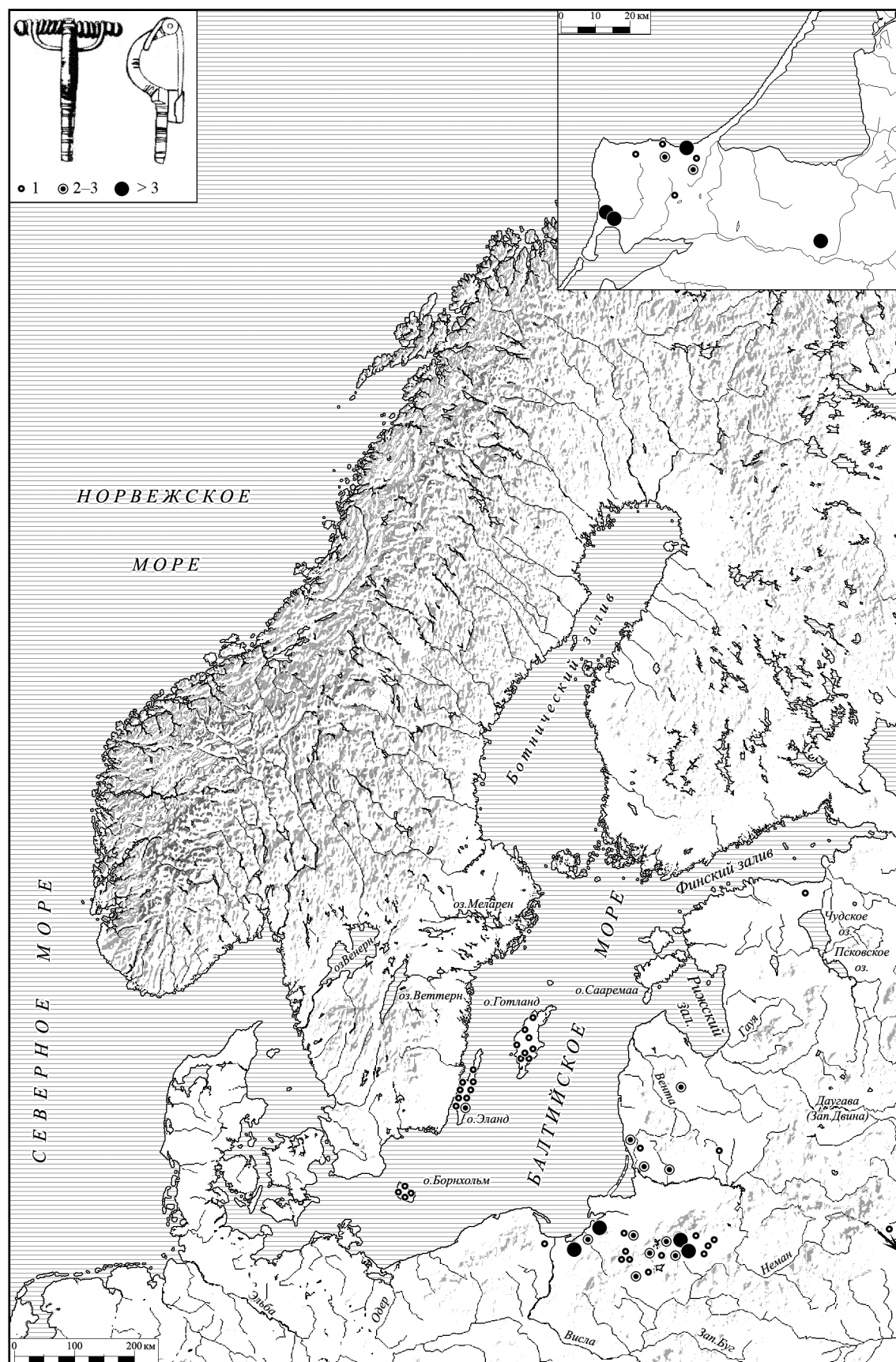

Рис. 22. Распространение фибул типа Шонварлинг (по Bitner-Wróblewska 2001).

3. Скандинавия и Балтика в эпоху переселения народов

№4. 2010

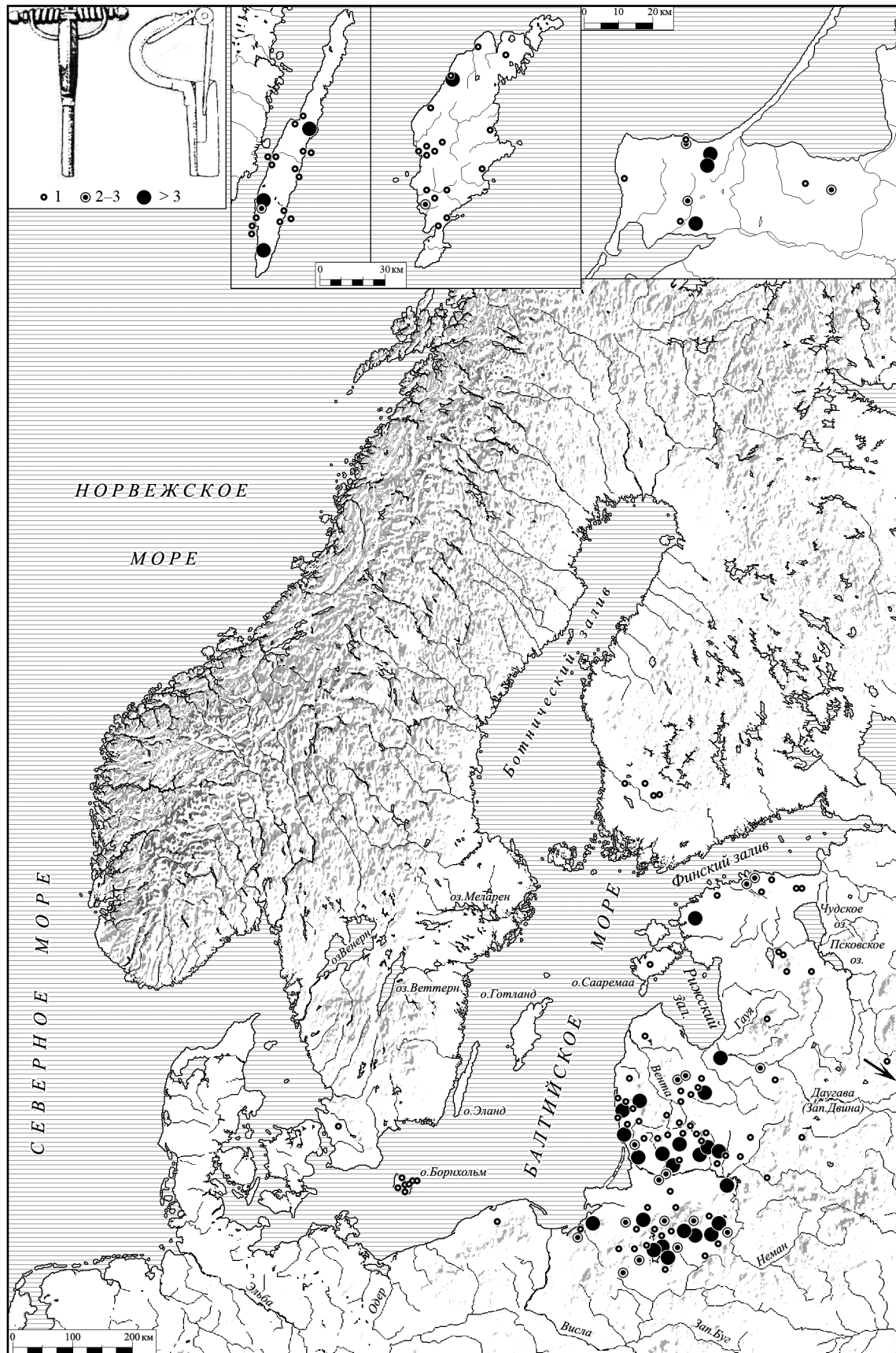

Рис. 23. Распространение фибул типа Долмнайм/Коврово (по Bitner-Wróblewska 2001).

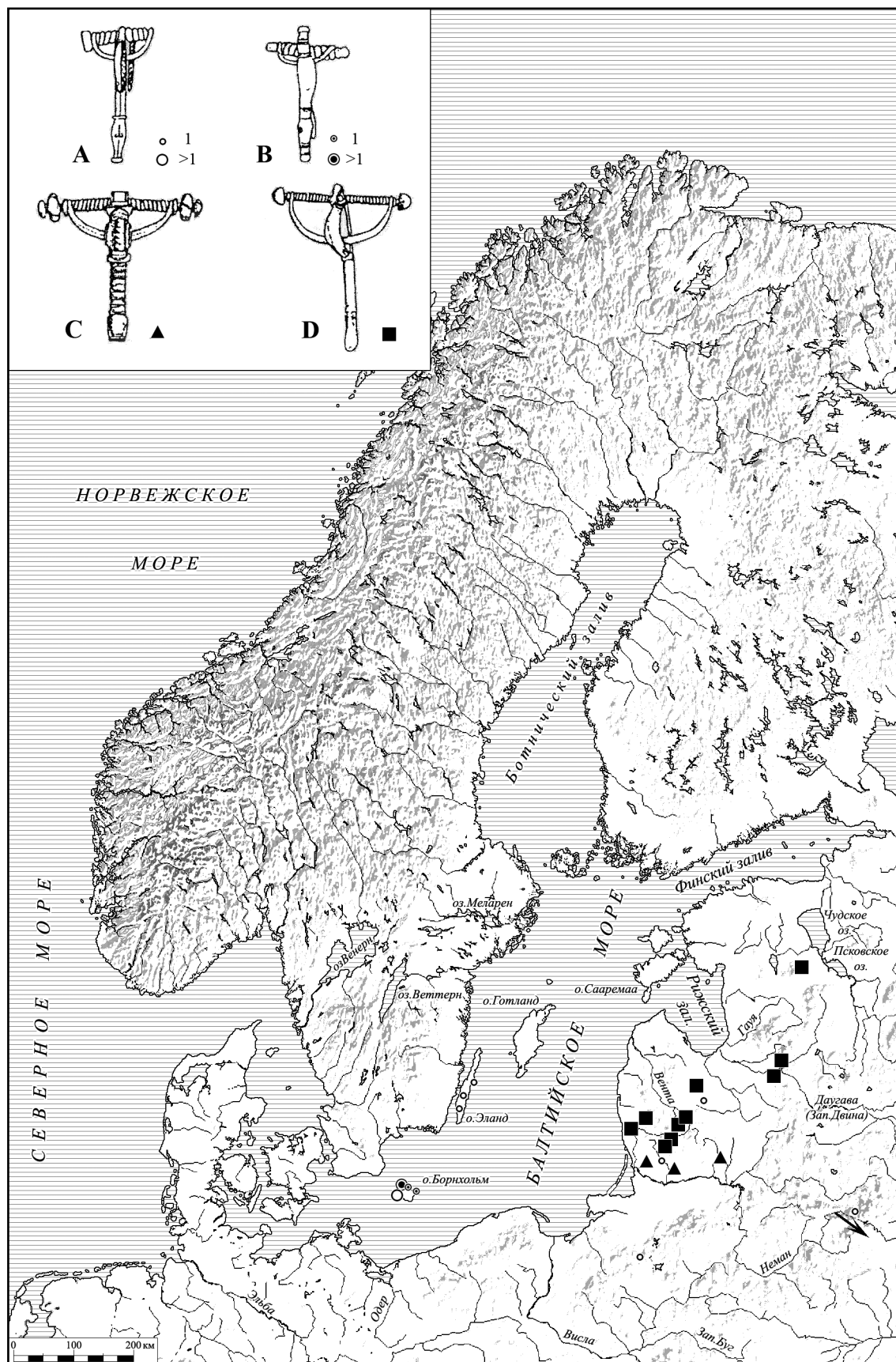

Рис. 24. Распространение фибул типа Сенсбург/Мронгово (по Bitner-Wróblewska 2001).

в Скандинавии и Финляндии исследователи выделяют 13 таких образований (Ramqvist 1991: 48, fig. 1; см. также Mühle 2003: 76), что точно соответствует, как заметил П. Рамквист (1991: 46), числу племенных скандинавских «королевств» у Прокопия (Прокопий, BG II.15.5).¹⁴

Вышеперечисленные центры по-разному участвуют в трансбалтийских контактах. Археологический материал показывает для Скании, Борнхольма, Готланда и Эланда приоритетную направленность связей с южным балтийским побережьем, то есть с Самбией, устьем Вислы, Мазурией (Несман 1989: 20). Эти связи носят не только экономический характер. Так распространение балтских фибул со звездчатой ножкой (рис. 21) свидетельствует, как предполагается, о наличии экзогамных браков между населением Самбии, с одной стороны, и Эланда, в меньшей степени, Готланда, с другой (Bitner-Wróblewska 2001: 124, 125, fig. 11, 12). В то же время фибулы типов Шонварлинг (рис. 22) и Доллькайм/Коврово (рис. 23), типичные для балтов, в заметном количестве «выпадают» на Борнхольме, Эланде, Готланде (Bitner-Wróblewska 2001: fig. 3, 6, 7), а фибулы типа Сенсбург-Мронгово (Sensburg/Mragowo) (рис. 24), характерные для Эланда и Борнхольма, появляются в Пруссии, Литве и даже на днепровских порогах (Bitner-Wróblewska 2001: fig. 15, 16a).

Более северная — скандинавская зона, включающая Готланд, Упланд и Норрланд, ориентируется на контакты с Финляндией и Эстонией (Несман 1989: 20). Шведская экспансия на восточном берегу Балтики ощущается все более и более со второй половины V в. (Nerman 1929). Роль торговли в этих контактах несомненна, однако некоторые скандинавские археологи считают, что ее не стоит преувеличивать. По их мнению, политические альянсы между знатью разных племен, а также чисто военные события — набеги с целью грабежа — играли не меньшую роль (Несман 1989: 21). Предполагается, что особенно притягательными для скандинавов были янтарь на юге и меха на востоке (Несман 1989: 21). Все же считается, что «связи через Балтику были спорадическими

¹⁴ У. Несман выделяет в циркумбалтийском регионе гораздо большее количество раннегосударственных образований, их непрерывная цепь занимает на карте У. Несмана практически все балтийское побережье (Näsman 2006: fig. 6a). Однако аргументации для своей реконструкции У. Несман не приводит.

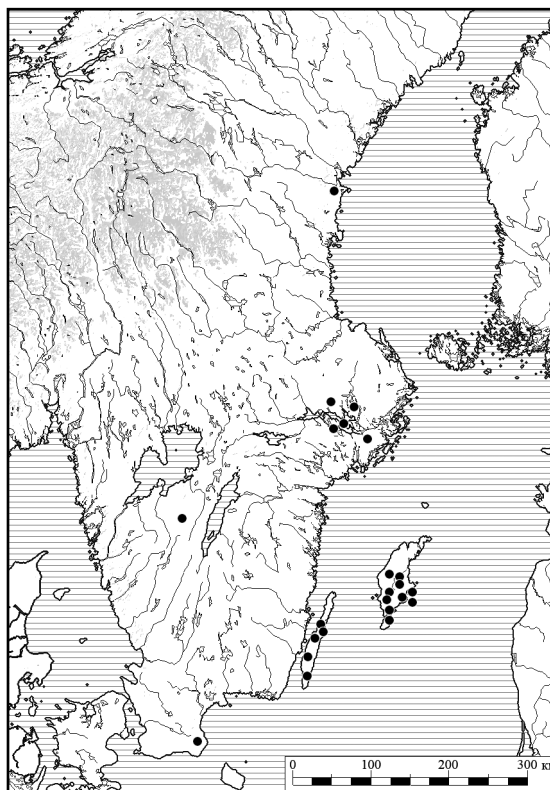

Рис. 25. Распространение кубков типа Снартермо в Швеции (по Stjernquist 1985—1986).

и представляли собой в большей степени выражение человеческого любопытства и жадности, нежели необходимость культурных контактов» (Несман 1989: 22). В этом смысле для У. Несмана балто-финно-славянские внутриконтинентальные контакты представляют собой неизмеримо более важное явление.

В определенной степени такая точка зрения оправдана. Действительно, в эпоху переселения народов на Балтике импорты сводятся почти исключительно к предметам роскоши, таким, как стеклянная посуда, украшения, золотые монеты (Lundström 1985: 272, 273), что указывает на ограниченную роль торговли. О роли политических связей в эпоху переселения народов говорят и находки в балтийском бассейне золотых брактеатов. Последние, как известно, имитируют римские наградные союзнические медальоны. Не исключено, что к скандинавским вождям они попадали в качестве дипломатических подарков от континентальных германских королей (Näsman 1998: 262).

Но, как бы там ни было, в V—VI вв. балтийский регион и Скандинавия достаточно прочно «привязаны» к общеевропейской системе коммуникаций и, в частности, к североевропейскому морскому пути (Vierck 1967: 59—63; Vierck 1981: 65, Abb. 1). Он

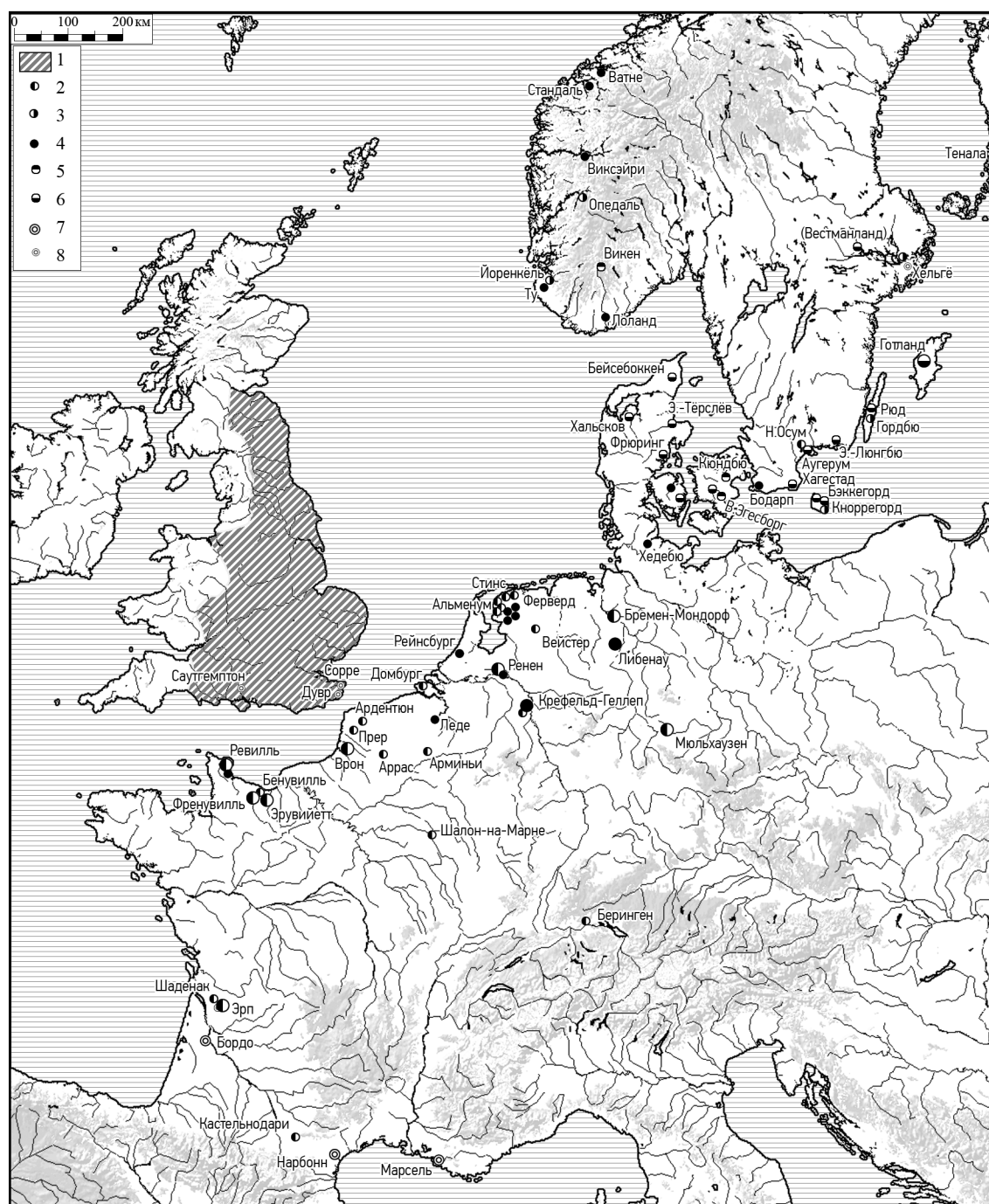

Рис. 26. Распространение англо-саксонских находок VI—VII вв. вне Англии и «Западный путь» (по Vierck 1981). 1 — регион происхождения англо-саксонских вещей; 2 — англо-саксонские вещи VI в.; 3: копии англо-саксонских вещей VI в.; 4 — англо-саксонские вещи VII в.; 5 — копии англо-саксонских вещей VII в.; 6 — плоские круглые фибулы Южной Скандинавии, сделанные по англо-саксонским образцам, около 600 г.; 7 — торговые центры, известные по разным источникам; 8 — предполагаемые торговые центры.

проходил по Балтийскому и Северному морям (Vierck 1967: fig. 52), либо через датские проливы, либо через Ютландию, либо, наконец, с перевалочным пунктом у основания Ютландского перешейка (Kazanski, Mastukova 2005). Скорее всего, по этому пути попадают в Скандинавию западноевропейские импорты, такие как стеклянные кубки типа Снартемо, центр производства которых

локализуется где-то к северу от Альп и к западу от Эльбы, или же кубки типа Кемпстон (Näsman 1998: 264, fig. 2). Интересна география распространения кубков типа Снартемо (рис. 25). Они особенно хорошо представлены на Эланде, Готланде и в Восточном Свеаланде (Stjernquist 1985—1986: fig. 3), то есть в районах существования гипотетических варварских королевств. Видимо, по тому же пути

попадают в Скандинавию и престижные образцы предметов меровингской аристократической культуры (мечи, шлемы и пр.), которые и формируют в VI в. местную «княжескую» моду (Näsman 1998: 278).

Основную роль на западном отрезке этого пути играли, судя по археологическим данным, континентальные и островные саксы, а также англ, юты, фризы. Не стоит забывать и варнов. Они в VI в., если верить Прокопию, контролировали побережье Северного моря до Рейна (Прокопий, BG IV.30.2, 18), то есть достаточно далеко продвинулись в западном направлении. Скорее всего, Прокопий, да и другие ранневизантийские авторы, называют варнами саксов, которые реально и занимали в это время территорию от Гольштейна до Рейна. Саксонское (или англо-саксонское) присутствие (рис. 26) хорошо проявляется в археологическом материале на нормандском и пикардийском побережье в V—VI вв., где известны лепная керамика, брактеаты, женские украшения, в первую очередь фибулы, а также пряжки и булавки, и, наконец, кремации саксонского облика (Böhme 1986: Abb. 69: Liste 8, № 68, 74, 75; Pilet 1992; Seillier 1992; Soulat 2009). Речь идет о несомненных археологических следах присутствия англо-саксонского населения V—VI вв. на галльском побережье Ла-Манша и Северного моря, по крайней мере, в секторе от Па-де-Кале до Шербурга. Поскольку англо-саксонские элементы в «чистом виде» в Галлии неизвестны и фиксируются только на могильниках и поселениях местного населения, можно заключить, что аккультурация этих заморских германцев происходила очень быстро и что политически они находились под эгидой меровингских королей.

Возможно, англо-саксам на этом пути сопутствовали и какие-то группы населения с Балтики. Во всяком случае, находки рельефных фибул с фризом из птичьих голов, скандинавской традиции, позднего V — раннего VI в., если судить по карте У. Несмана (рис. 27) (Näsman 1984: Abb. 2), концентрируются, с одной стороны, на островах Балтийского моря — Эланде, Готланде, Борнхольме, а с другой — на пикардийском и нормандском побережье (Thenness, Douvrend: Näsman 1984: Taf. 15: 5, 6; Bierbrauer 1975: Taf. 60: 1—3; Koch 1998: Taf. 37: 1, 2; Lorren 2001: pl. 2: 1). Впрочем, большинство исследователей, как и сам У. Несман, считают эти фибулы, скорее, итало-восточногерманскими (см., напр.: Bierbrauer 1975: 93; Koch 1998: 247—249; Lorren 2001: 35—37). Однако вне балтийско-североморской зоны учтена

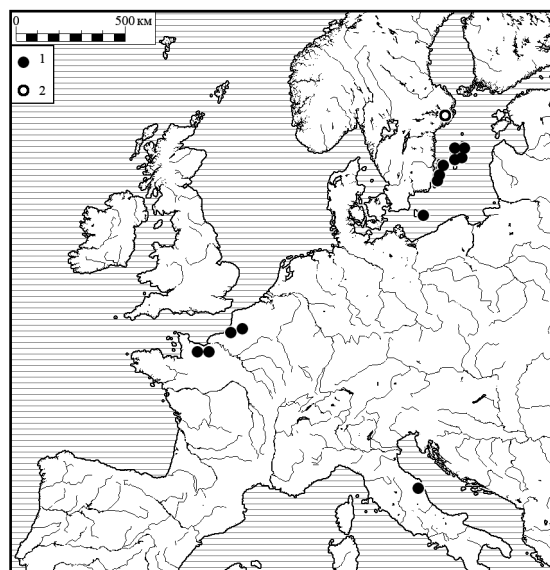

Рис. 27. Карта распространения рельефных фибул с фризом из птичьих голов (по Näsman 1984).

лишь одна подобная фибула, в Италии (San Andrea di Grottamare: Näsman 1984: Taf. 15: 4; Bierbrauer 1975: Taf. 23: 1).

Уже в V в. англо-саксы закрепляются, видимо, не без покровительства визиготов, на атлантическом побережье Западной Галлии, в стратегически важном месте, на Шаранте, об этом свидетельствуют находки англо-саксонских вещей в некрополе Эрп (Haith 1988; Kidd, Ager 1992; Эпоха меровингов 2007: VII.10.3—8; VII.10.11—15; VII.10.18, 19). Англо-саксонская крестообразная фибула найдена также в Аквитании, в Кастельнодари (Werner 1970: 77, Abb. 6; Reichstein 1975: 149, № 760), на сухопутной дороге, связывающей Атлантику со Средиземноморьем (Vierck 1970: 390—393; Vierck 1981: Abb. 1). Так к середине VI в. формируется «Западный путь» (рис. 26), который, вместе с «Восточным путем», становится осевой линией североевропейских коммуникаций.

В то же время на восточном отрезке этого североевропейского пути, на Балтике, активную роль видимо играют скандинавы, при участии балтов и финнов. Вдоль южного и восточного берега Балтики в V — раннем VI вв. фиксируется цепь археологических памятников, оставленных какими-то милитаризованными группами (Kulakov 2000: 288—289). Эти памятники характеризуются находками «парадной» экипировки, такой, как мечи с богатым декором или престижный конский убор, а также предметов «профессионального» вооружения, например, мечей и умбонов щитов (в отличие от так называемого «народного» оружия — копья, стрелы, топоры, скрамасаксы).

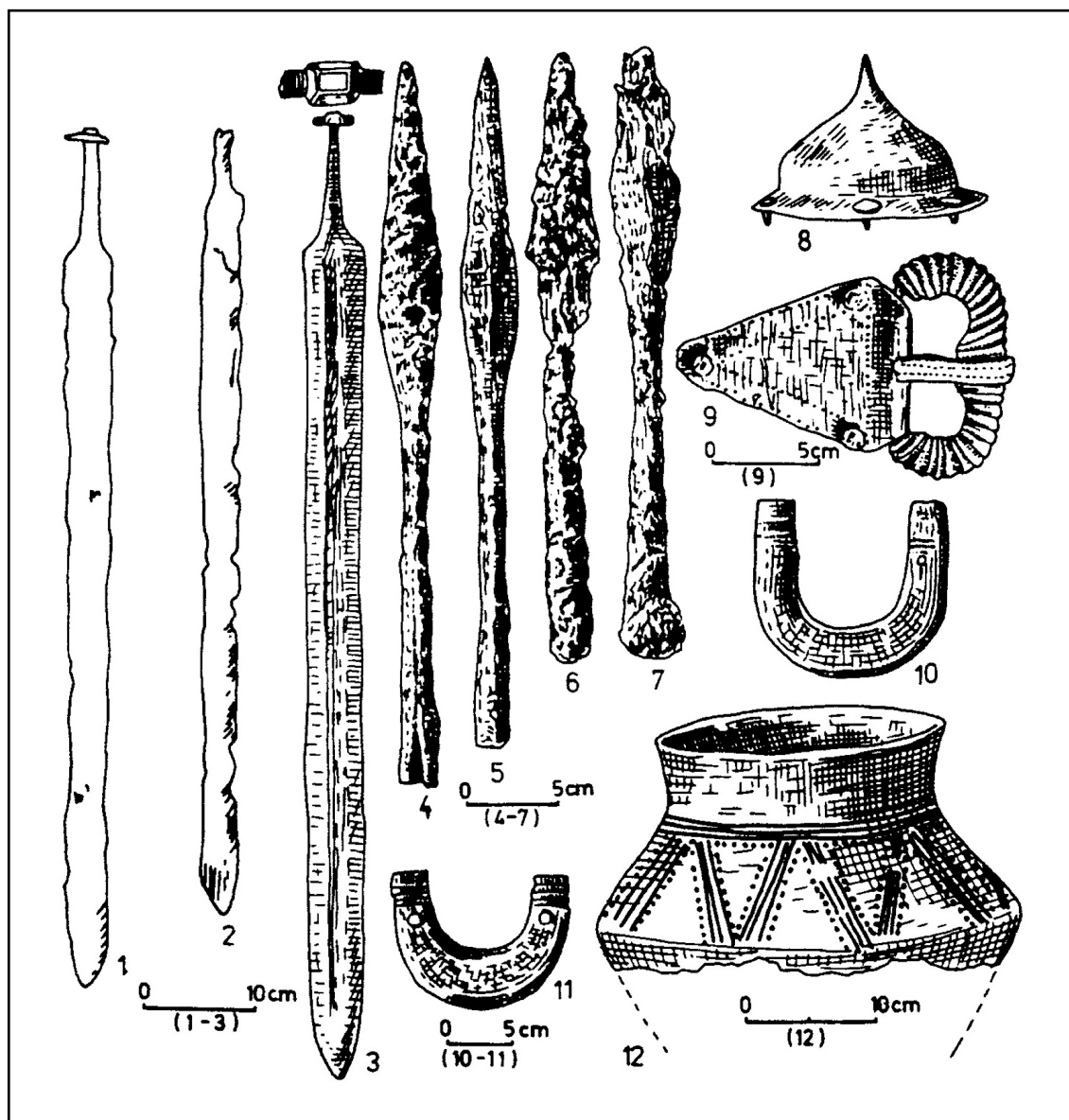

Рис. 28. Вещи из находки в Глувцице/Гловис (Machajewski 1992).

Назовем находки в Поморье, такие как погребение Глувцице (Głowczyce/Glowiss) на побережье (рис. 28) и речная находка в Фридрихсталь (Friedrichsthal), в нижнем течении Одера (рис. 29) (Machajewski 1992: 77, 78, гус. 4; Эпоха меровингов 2007: № 0.1).¹⁵ В Восточной Пруссии известны уже упоминавшиеся захоронения воинских предводителей с парадными мечами и конским убором в некрополе Варникам/Первомайское (рис. 3), на южном берегу Вислинского/Калининградского залива (Кулаков 1990: 62, № 17; Кулаков 1997; Kulakov 2005: 139, 140). В Экриттен/Ветрово,

¹⁵ По непонятным причинам эта находка, времени не ранее 500 г., в каталоге (Эпоха меровингов 2007) помещена в разделе «Начало эпохи Великого переселения народов».

на противоположном берегу Самбийского полуострова, также найдено «вождеское» погребение с золотой фольгой от декора меча (Ehrlich 1931: 30, Abb. 14; Кулаков 1990: 81, № 68, табл. 25, 2).

Погребения V в., явно связанные с воинской элитой, обнаружены у балтов близ устья Немана, на могильнике Видгирай. Здесь отсутствуют привычные для таких памятников парадные мечи и предметы профессионального вооружения, зато в погребениях представлены скрамасаксы с портупейной гарнитурой, шпоры и престижные серебряные фибулы с позолотой (Šimenas 2006). Удивляет отсутствие подобных погребений на куршском побережье Литвы и Латвии, тем более что позднее, с вендельского времени, здесь функционирует известный военноторговый центр в Гробине. Возможно, это

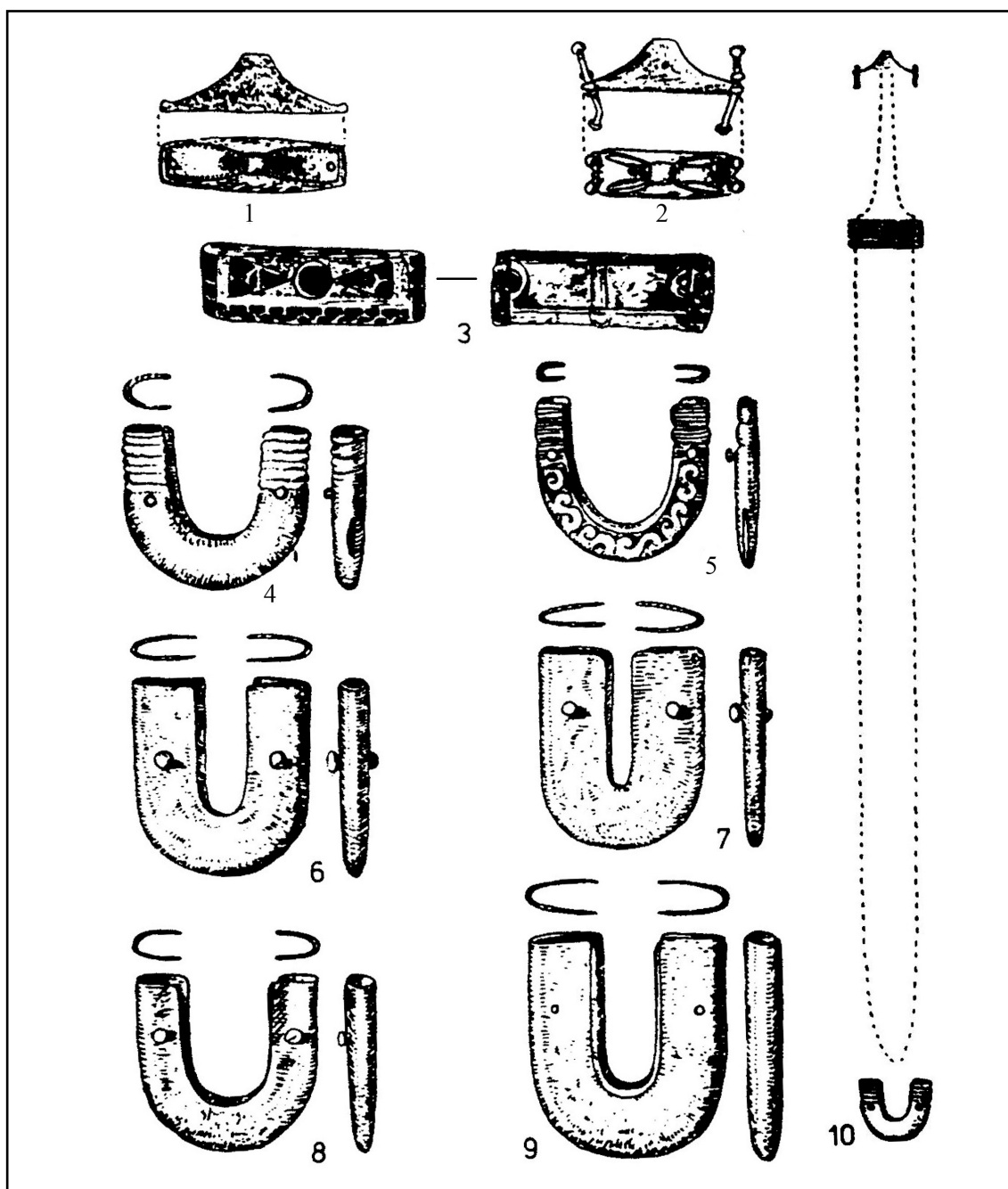

Рис. 29. Вещи из погребения Фридрихшталь (Machajewski 1992).

связано с обезлюдением данного сектора балтийского побережья в конце позднеимского времени и в эпоху переселения народов (Žulkus 2000: 92—97), когда постепенно исчезают западнолитовские могильники римского времени, содержащие погребения с каменными венцами (о них см.: Таутовичюс 1980: 81; Žulkus 2000: 89—96). Однако немногочисленные материалы V—VI вв. на куршском взморье известны, по крайней мере, в его литовской части, в частности, на могильниках Аукштакемай/Оберхоф (Nowakowski 1999: 110, 112—114), Вилькичай/Вилкитен (Bliujienė 2003: 125, fig. 2) и Сленгай (Žulkus

2000: 97). При этом на Аукштакемай/Оберхоф найдена северонемецкая фибула, близкая типу Брейтенфурт (Reich 2006: Abb. 6: 3), которая, скорее всего, попала сюда морским путем.

Как мы увидим далее, в западной и северо-западной Эстонии погребения с престижными мечами найдены на о. Сааремаа (Пайю: рис. 45:7, 8), на берегу Моонзундского пролива (Лихула, Киримяэ: рис. 45: 6 и 48) и близ устья Финского залива (Прооза: рис. 45: 1—5). На противоположной стороне Финского залива, в Суоми-Варсинаис и западной части Усимаа, воинские погребения также представлены двумя группами. Одна такая группа ло-

кализуется у основания полуострова Гангут-Ханко (Pihlman 1990: Kuva 2; Пихлман 1992: рис. 1: 7), вторая находится несколько севернее, на территории современной провинции Сало/Ускела (Pihlman 1990: Bild 2; Пихлман 1992: рис. 1: 5).

В Померании эти находки явно связаны с присутствием скандинавского элемента, в то время как в Пруссии и Литве они принадлежат, скорее, балтам-эстиям или видивариям, а на эстонском и финляндском побережье —

финнам. Таким образом, к середине VI в. формируется морская трасса от Атлантики до Финляндии; она приобретает особое значение в связи с военной активностью авар и славян, перерезавших с 560—570-х гг. среднеевропейские коммуникации (подробно Vierck 1967; 1970; 1981). В этом контексте и следует рассматривать сведения письменных источников о скандинавской торговле мехом, а также первые археологические свидетельства появления скандинавов в Северной России.

4. Финляндия на Восточном пути

В Фенноскандии, помимо Норвегии, Норрланда и Лапландии, есть еще один регион добычи пушнины: это современная Средняя и Южная Финляндия. Предполагается даже, что пушная охота вызвала еще в римское время волну переселения прибалтийских финнов из Эстонии в Финляндию (Salo 1968: 238—240). По мнению филологов, Юго-Западная Финляндия и Остерботния известны в античной письменной традиции уже с римского времени. Это полуостров *Aeningia = Feningia* Плиния (Svennung 1974: 67—70). Так ли это, сказать трудно: на карте балтийского региона можно легко найти и другие территории, имеющие форму выступа и заселенные в древности финнами — такие, как, например, западная Эстония с Моондзунским архипелагом или северо-западная часть Курземе. Последняя трактовка, кстати, и принята русскими исследователями (см., напр.: Mačinsky 1974; Мачинский, Тиханова 1976: 63; 64; Шукин 1994: 240; Shchukin et al. 2006: 7). Считается также, что *Sitonum gentes* Тацита, соседящие со свионами и управляемые женщинами (Germania XLV.9), соответствуют населению Суоми или Остерботнии, то есть юго-западного и западного побережья Финляндии (Svennung 1974: 220—243). Впрочем, близкие по созвучию этнонимы зафиксированы и в других регионах финского мира. Вспомним хотя бы современных сету российско-эстонского пограничья в районе Изборска.

Как бы то ни было, скандинавское влияние в Финляндии фиксируется по археологическим материалам уже с римского времени: назовем, в частности, привилегированную могилу с римскими импортами в Лайтила-Соукайнен (Laitila-Soukainen) (Kivikoski 1954). Кстати, по Х. Фирку, основной побудительной причиной установления финско-

скандинавских контактов была добыча меха (Vierck 1970: 388).

Рассмотрим ситуацию в южной половине Финляндии в эпоху переселения народов и возможную роль этого региона в меховой торговле. Археологические памятники интересующего нас времени из Южной и Средней Финляндии финские археологи относят к ранней фазе эпохи переселения народов (400—550/600), древности последующей эпохи (550/60—800) характеризуются как принадлежащие поздней фазе переселения народов (Kivikoski 1973: 10) или как «меровингские» (напр., Сегер 1984).

Напомним, что в эпоху переселения народов в южной половине Финляндии существуют три зоны расселения (рис. 30) (Сегер 1984):

1. Суоми-Варсинаис, с западной оконечностью области Уусимаа (далее — Суоми). С точки зрения демографии это ведущий регион, со стабильной демографией, сравнительно плотным земледельческим населением (Сегер 1984: 100, 105, 106). В Суоми погребения с оружием располагаются почти исключительно в шхерах и на небольших речках, что может объясняться соображениями безопасности (Сегер 1984: 105). На прилегающих Аландских островах могильники известны с VI в. (Kivikoski 1968: 91).

2. Сатакунда — южная часть Тавастланда-Хяме (далее — Сатакунда). Здесь наблюдается постоянный рост населения в течение всего железного века, количество могильников все время возрастает. Это указывает на внутреннюю колонизацию, связанную с развитием промыслов, требующих передвижки населения (Сегер 1984: 100, 106). Восточная часть Хяме, по мнению финских исследователей, отличается самобытностью и скорее тяготеет к восточноевропейским культурным типам (Корпела 2006: 76).

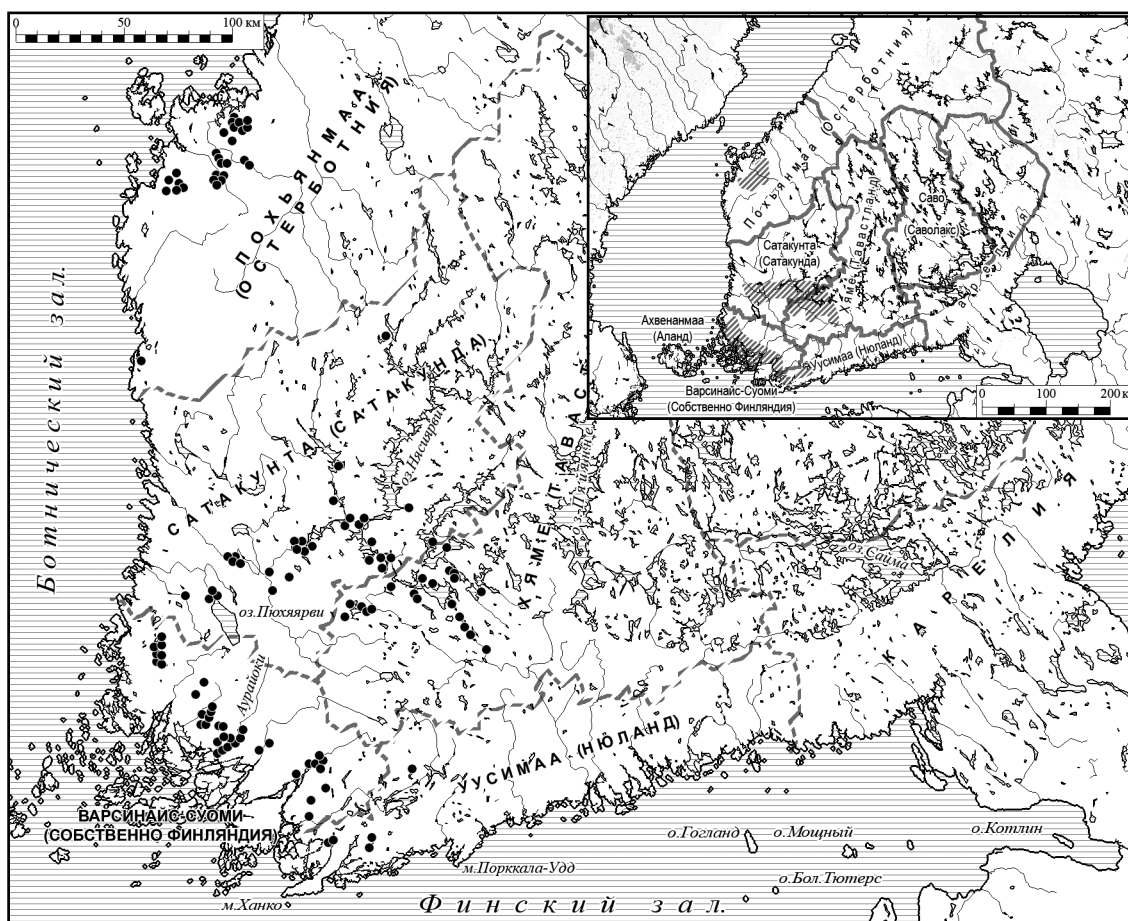

Рис. 30. Памятники эпохи переселения народов в Финляндии (по Pihlman 1990; врезка — по Schauman-Lönnqvist 1999).

3. Остерботния. Этот регион, составляющий часть исторической области Похьямаа, пережил демографический расцвет в эпоху переселения народов, сменившийся впоследствии резким демографическим спадом. Возможно, упадок связан с социально-экономическими причинами, такими, как кризис в торговых контактах с внутренними областями Финляндии (Pihlman 1992: 90), или же с военной угрозой, а может быть, даже и с уже упоминавшейся юстиниановой чумой (Seger 1984: 100, 101, 107).

Все три региона характеризуются одинаковой материальной культурой и погребальной обрядностью (Schauman-Lönnqvist 1999: 65). Во всех трех регионах имеются зоны концентрации погребений с оружием (Pihlman 1990: Bild 2; Pihlman 1992: рис. 1). Здесь нередко встречается «профессиональное» оружие: умбоны и рукояти-манипулы щитов, мечи, в том числе меч с навершием «саксонского» типа Фрелсгарден-Либенау (рис. 31) (Tenhola-Eastarby; Kivikoski 1973: Taf. 55: 502; Menghin 1983: 307; A.I.1.c.3: о них см. ниже), известен воинский ритуал преднамеренной порчи оружия (см., напр.: Hackman 1905:

Abb. 15: 2, 4, 5, 16: 1, 18: 2, 3, 19: 1, 21: 10. Kivikoski 1973: Taf. 34: 286; Hirviluoto 1976: fig. 1: 5). Население Финляндии быстро реагирует на инновации в военной технологии в Балтийском регионе. Так, в V в. здесь распространяются двушипные копья, копья на длинной втулке с листовидным пером и умбоны с шипом, а в первой половине VI в. — умбоны, напоминающие меровингские, с кнопкой на шипе (Pihlman 1990: 307—308; Kuva 25—26). Высокая степень милитаризации и наличие могил предводителей с престижными мечами германской традиции (Menghin 1983: Abb. 36: 40) свидетельствуют о существовании здесь военно-политических структур, схожих со скандинавскими, то есть малых варварских «королевств», которые и контролировали финскую территорию (Ramqvist 1991: 48; 1992: 23, fig. 7; Wyszomirska-Werbart 1992).

По количеству престижных находок выделяются два региона: Сало в Варсинайс-Суоми и Южная Остерботния (Schauman-Lönnqvist 1999: 66), видимо, соответствующие каким-то центрам власти. Особенно привлекают внимание две могилы с золотыми вещами, Гюлдинт

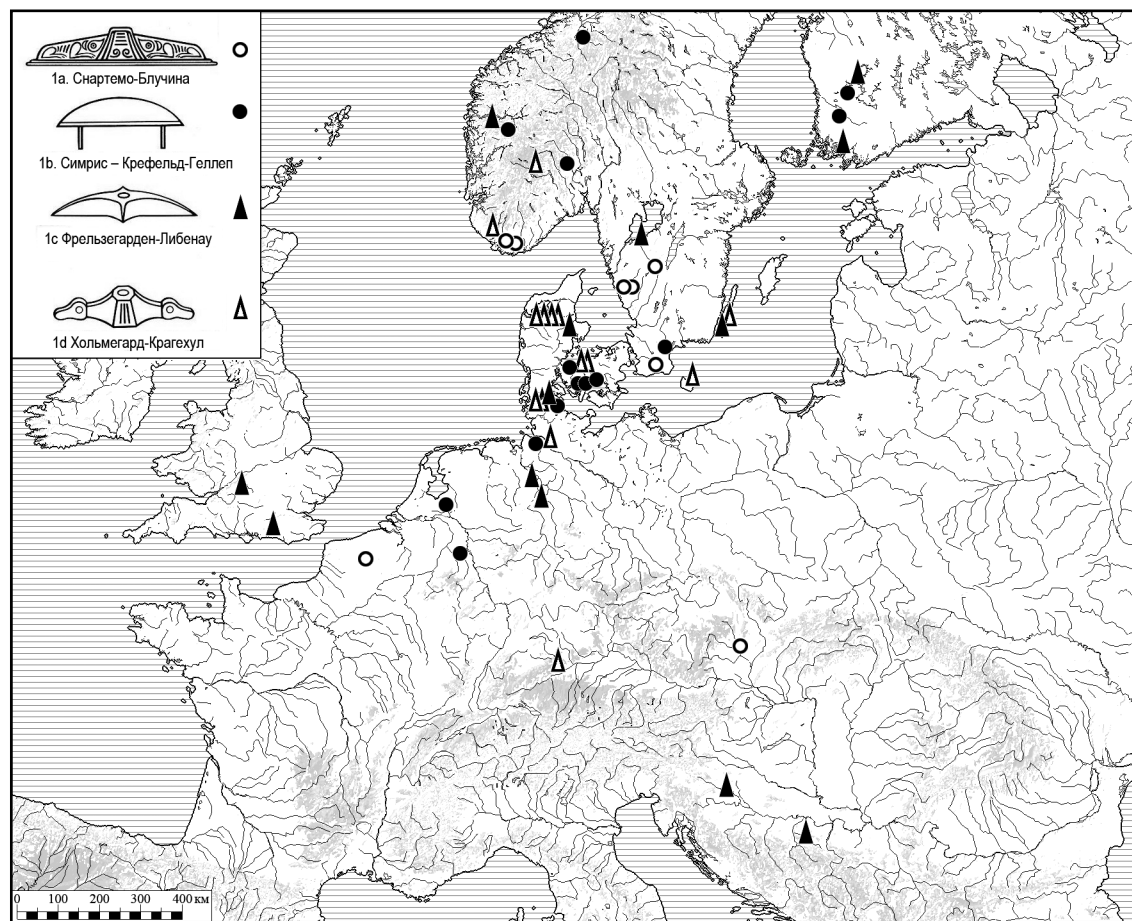

Рис. 31. Распространение наверший меча типов Фрельзегаарден-Либенау и Симрис-Крефельд-Геллеп (по Menghin 1983).

(Gulldynt) и Киристимяки (Kiristimäki), курган 151 в Остерботнии (Schauman-Lönnqvist 1992: 235). Следует отметить и находки «дружинных» мечей VI в., с кольцами, вмонтированными в навершии. Такого рода мечи воины получали от предводителя в момент вступления на службу, они являются несомненным доказательством существования профессиональных воинских элит. В Остерботнии известно две находки таких наверший, в Сатакунде-Хяме — четыре. Их нет для VI в. в Суоми (там известны только более поздние формы, начала VII в.: Müller-Wille 1999: 8, Abb. 10), но такие навершия с кольцами есть на Аланде в Стенхаген, в кургане 22 (Schauman-Lönnqvist 1992: 234).

Самые ранние навершия с кольцами, найденные в южной Англии (Petersfinger, Faversham), датированы концом V в. (Evison 1967; Fischer 2007: 21). С VI в. навершия с кольцами распространяются в первую очередь в юго-восточной Англии и в Мерovingском королевстве, от Сены до Везера (Fischer 2007: carte 1). В мерovingских погребениях мечи с кольцами в навершии характерны начиная со второй трети VI в. (см. Legoux, Périn, Vallet

2004: № 93). К числу наиболее ранних находок относится меч из «вождеского» погребения Крефельд-Геллеп 1782, датированного второй четвертью VI в. (Franken 1996: Bd. I, Abb. 192, Bd. II., 899, 900, Kat. V.4.8). Считается, что в раннем VI веке такие мечи распространяются и в южной половине скандинавского региона. Они в это время известны в Дании, в Скании, в южной Норвегии, на Борнхольме, на Готланде и в Свеаланде (Müller-Wille 1999: 8, Abb. 8; Fisher 2007: carte 1). Надо, однако, учитывать два обстоятельства. Во-первых, наиболее ранние финляндские находки, как и большинство скандинавских (Fischer 2007: 21), относятся все же к несколько более позднему вендельскому времени, видимо, не ранее второй трети — середины VI в. Во-вторых, датировка скандинавских древностей VI в., предложенная А. Норгард-Йоргенсен (см., напр., для Готланда: Nørgård-Jørgensen 1992; для Борнхольма: Jørgensen, Nørgård-Jørgensen 1997; в целом для скандинавских погребений с оружием: Nørgård-Jørgensen 1999) и принятая в цитируемой работе М. Мюллер-Вилле (1999), вряд ли может считаться единственно возможной. Особое сомнение вызывают

относимые к первой половине VI в. пряжки меровингской традиции (Nørgård-Jørgensen 1992: fig. 4: GU 3; Jørgensen, Nørgård-Jørgensen 1997: fig. 54: GU3; Nørgård-Jørgensen 1999: Abb. 110: GU3), которые на континенте надежно датируются временем не ранее последней трети VI в. (ср. Legoux, Périn, Vallet 2004: № 148, 149: 157—159, 184).

Для эпохи переселения народов по археологическим данным выявлены достаточно сильные связи Свеаланда и Норрланда с Финляндией, прежде всего с Остерботнией. О них свидетельствует, например, распространение здесь вещей первого звериного стиля, скандинавских типов вооружения и убора.

Вещи первого звериного стиля, появившиеся в Финляндии под скандинавским влиянием (Erä-Esko 1965; Kivikoski 1973: № 226, 227, 231, 232, 259, 333, 329, 331, 288, 335, 334), отмечены во всех трех регионах расселения финнов, а также и на Аландских островах (Erä-Esko 1965: fig. 1). Всего на 1992 г. зафиксирована 31 находка вещей звериного стиля, из них 29 происходят из погребений (рис. 32) (Schaumann-Lönnqvist 1992: 232, 235, 238: Karte 10). Украшения звериного стиля попадают довольно далеко на восток, на о. Тютерс и на северную Ладугу (см. ниже), а также на север, в финскую Лапландию, как свидетельствует случайная находка рельефной фибулы в Рованиеми (Schaumann-Lönnqvist 1992: Anhang 3: № 31: Karte 10). Последняя находка, видимо, имеет прямое отношение к германо-лапонским контактам и к меховой торговле.

Среди вещей первого звериного стиля надо назвать рельефные фибулы (Erä-Esko 1965: pl. 3—6, 10), производившиеся в Хельгё, а возможно, и в других ремесленных центрах Свеаланда, встреченные в Остерботнии (Holmqvist 1972: fig. 105, 108, 111, 112, 114, 116, 117). Другим проявлением звериного скандинавского стиля являются пряжки с зооморфным вытянутым щитком (рис. 33: 4, 5) (см., напр.: Hackman 1905: Fund 22, Abb. 6: 20; Erä-Esko 1965: pl. 2: 11; 9: 39; Kivikoski 1973: Taf. 38: 329, 331; ср. Franzén 2007: fig. 1, 2, 17; Quast 2003: Abb. 4: 4).¹⁶ Необходимо назвать и Т-образные фибулы с зооморфными головками (рис. 33: 1, 7), явно восходящие к скандинавским прототипам (Kivikoski 1973: Taf. 26:

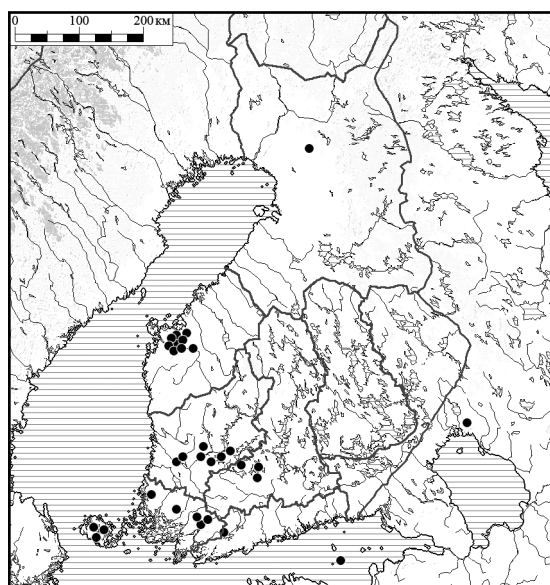

Рис. 32. Находки скандинавских вещей первого звериного стиля в Финляндии и на сопредельных территориях России (по Schaumann-Lönnqvist 1992).

226: ср. Эланд; Aberg 1919: Abb. 38: и более широко: Reichstein 1975: Taf. 37: 2, 6; 38: 4; 51: 8; 72: 2). Металлические «пуговицы» из средней Швеции, типичные для VI в. и особенно для его первой половины, есть в Остерботнии и в Тавастланд-Сатакунде (Lamm 1972: fig. 37: 41; Erä-Esko 1965: pl. 11—13; Erä-Esko 1986: Abb. 4b, 7b, c, 13), отдельные их типы изредка появляются и в Суоми (Lamm 1972: fig. 38: 50).

Шведские по происхождению булавки эпохи переселения народов и вендельского времени, особенно типичные для Свеаланда, и также, по крайней мере частично, изготовлявшиеся в Хельгё, известны в Остерботнии, в меньшей степени в Суоми (Waller 1972: fig. 8, 9, 11; Waller 1996: fig. 2a, b, d). Добавим сюда поясные гарнитуры эпохи переселения народов, в виде пластины с подвесным кольцом (как на рис. 51), известные в Финляндии (Vierck 1967: 58, Abb. 2: 1), Эстонии (см. ниже), на Готланде периода VI:1 (см., напр.: Nerman 1935: Barshaldershed № 11, Taf. 15: 171; Lilla-Bjerges, № 13: Taf. 16: 185; ср. также Waller 1996: pl. 8: I, 1—2.), в Норрланде (см., напр., Ramqvist 1990: fig. 49), в Свеаланде (см., напр., Waller 1996: pl. 1: 6; 4: 104; 8: 2) и в устье Вислы, на могильнике Пруц Гданьский 5 (Quast 2004: Abb. 17: 5). Видимо, к числу скандинавских элементов надо причислить и крючки-застежки с крупными кнопками (Kivikoski 1973: Taf. 39: 347), параллели которым имеются, например, на Готланде, на Эланде и в Свеаланде (напр., Nerman 1935: № 178: Taf. 51: 532; Stenberger 1933: fig. 43; Menghin 1983: 203: № 7) и даже в восточной

¹⁶ Впрочем, похожие зооморфные пряжки имеются не только в Скандинавии. Близкая параллель пряжке Вякхюрё-Кирстиньяки (рис. 33: 4) происходит также с прусского могильника Ротебуде (Quast 2003: Abb. 4: 3). Известны зооморфные пряжки и в Византии, хотя они и несколько отличаются (Quast 2003: Abb. 4: 1).

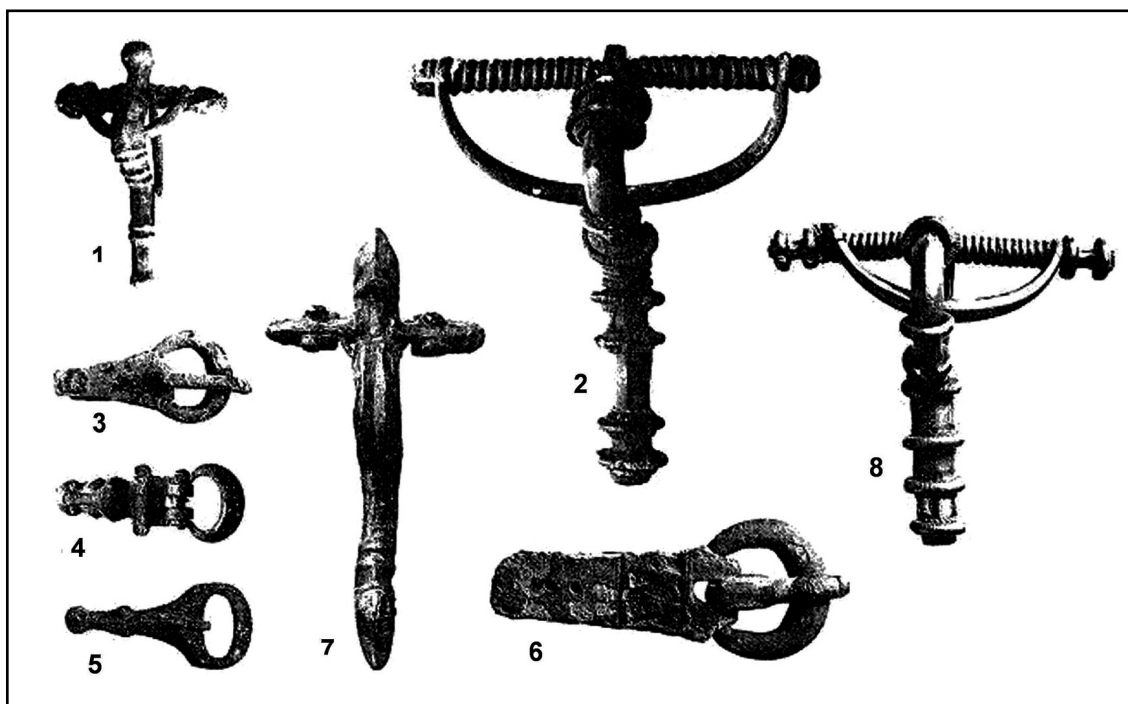

Рис. 33. Некоторые инородные вещи эпохи переселения народов в Финляндии (Kivikoski 1973). 1 — Вяяхюрё-Валлинмяки (Vähäkyrö-Vallinmäki, № 199); 2 — Кокемяки-Кёёникямяки (Kokemäki-Köönikämäki, № 197); 3 — Маалаhti-Юнкайсбрэннан (Maalhti-Junkaisbrännan, № 322); 4 — Вяяхюрё-Кирстинмяки (Vähäkyrö-Kirstinmäki, № 331); 5 — Лайтила-Пярккё (Laitila-Pärkkö, № 329); 6 — Маалаhti-Лилтелсар (Maalhti-Liltelsar, № 328); 7 — Муурилла-Эйяля (Muurilla-Äijälä, № 226); 8 — Турки-Корпполайсмяки (Turki-Korppolaismäki, № 198).

Англии (Vierck 1967: Abb. 2: 8), а также характерные гребни типа Томас 3: «скандинавской» серии, с выемками у основания выступа (Kivikoski 1973: Taf. 40: 361: ср. Ramqvist 1992: pl. 73).

Скандинавское происхождение имеет и ряд двупластинчатых и арбалетных фибул эпохи переселения народов, найденных в Финляндии. Это, например, дериваты скандинавских Т-образных (Kivikoski 1973: Taf. 27: 223, 227), арбалетные литые фибулы с кнопкой и расширенной спинкой (рис. 33: 1) (Kivikoski 1973: Taf. 24: 199; 26: 214; 27: 222; ср. Готланд; Straume 1987: Taf. 88: 3; Almgren, Nerman 1923: Textfig. 167), арбалетные литые с расширенной ножкой (Kivikoski 1973: Taf. 25: 207: ср. Готланд; Bitner-Wróblewska 2001: Pl. 10: 2), двупластинчатые с выступами на головке и на ножке (Kivikoski 1973: Taf. 26: 221; ср. Готланд; Nerman 1935: № 56, 92: Taf. 7: 46, 50; Straume 1987: Taf. 88: 1), двупластинчатые с полукруглой головкой и подтреугольной ножкой (Kivikoski 1973: Taf. 26: 213; ср. Готланд; Nerman 1929: Abb. 3: 26), арбалетные с коротким приемником и рифленной спинкой (Kivikoski 1973: Taf. 24: 201; ср. Эланд; Åberg 1919: Abb. 67).

Гривны с заходящими концами типа Андерссон R 300 (Andersson 1995: 946—94), найденные, в частности, в Старгарде

и Хаммерсдорфе (см., напр.: Эпоха меровингов 2007: IV.1: IV.4; Кулаков 1998: 99: рис. 5), найденные в Финляндии (см. список: Moora 1938: 339; Kivikoski 1973: № 254), также могут быть скандинавскими по происхождению. Эти гривны скандинавского типа в римское время появились в Скандинавии и в Северной Германии и отсюда распространялись в Балтийском бассейне (Moora 1938: 322—332; Lincke 1939; Аун 1992: 138—139; Abegg-Wigg 2008: 31—34). В Восточной Прибалтике речь чаще всего идет, конечно, о местных дериватах, которые, тем не менее, отражают скандинавско-южнобалтийскую моду. Эти гривны переживают эпоху переселения народов и существуют по VII—IX вв (см., напр.: Андудляй, погр. 319; Lincke 1939: Abb. 9).

Что касается пребывания скандинавов на территории Финляндии, то с ними связывают здесь грунтовые трупосожжения ранней фазы эпохи переселения народов. Такие сожжения считаются готландскими (Kivikoski 1968: 85). Позднее, в период 550—800 гг., ингумации в Сатакунде также связываются с иммигрантами из Швеции (Kivikoski 1968: 103). Однако массового переселения германцев на территорию Финляндии не происходит, о чем свидетельствует хотя бы разница в традициях домашней архитектуры

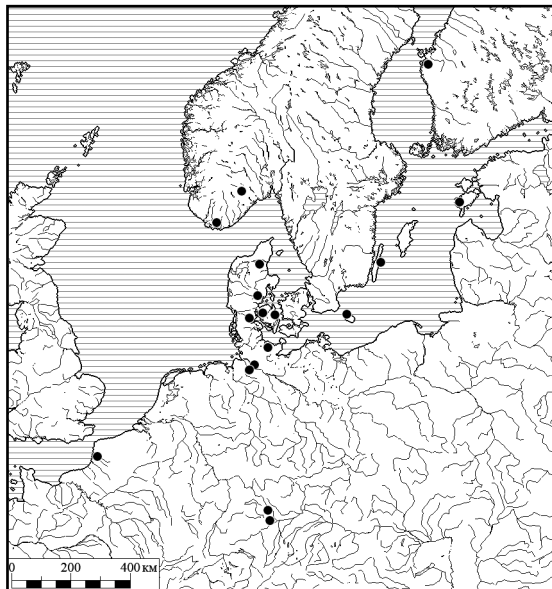

Рис. 34. Распространение наверший меча типа Кнарремозе (по Wetmann, Hahne 1994).

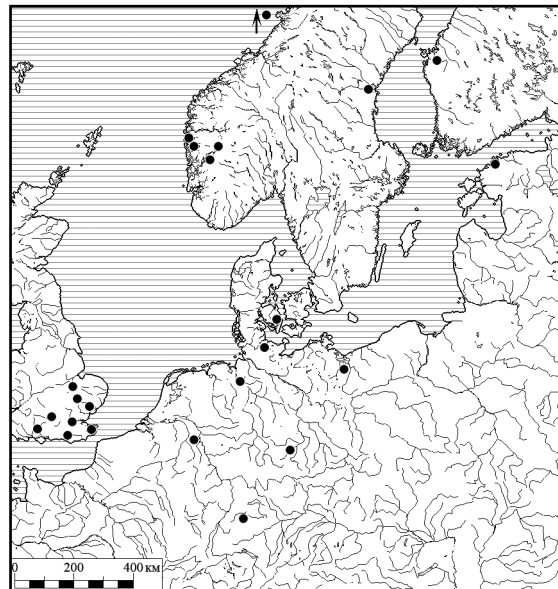

Рис. 35. Распространение наверший меча типа Брайтхемптон/Сигпи (по Wetmann, Hahne 1994).

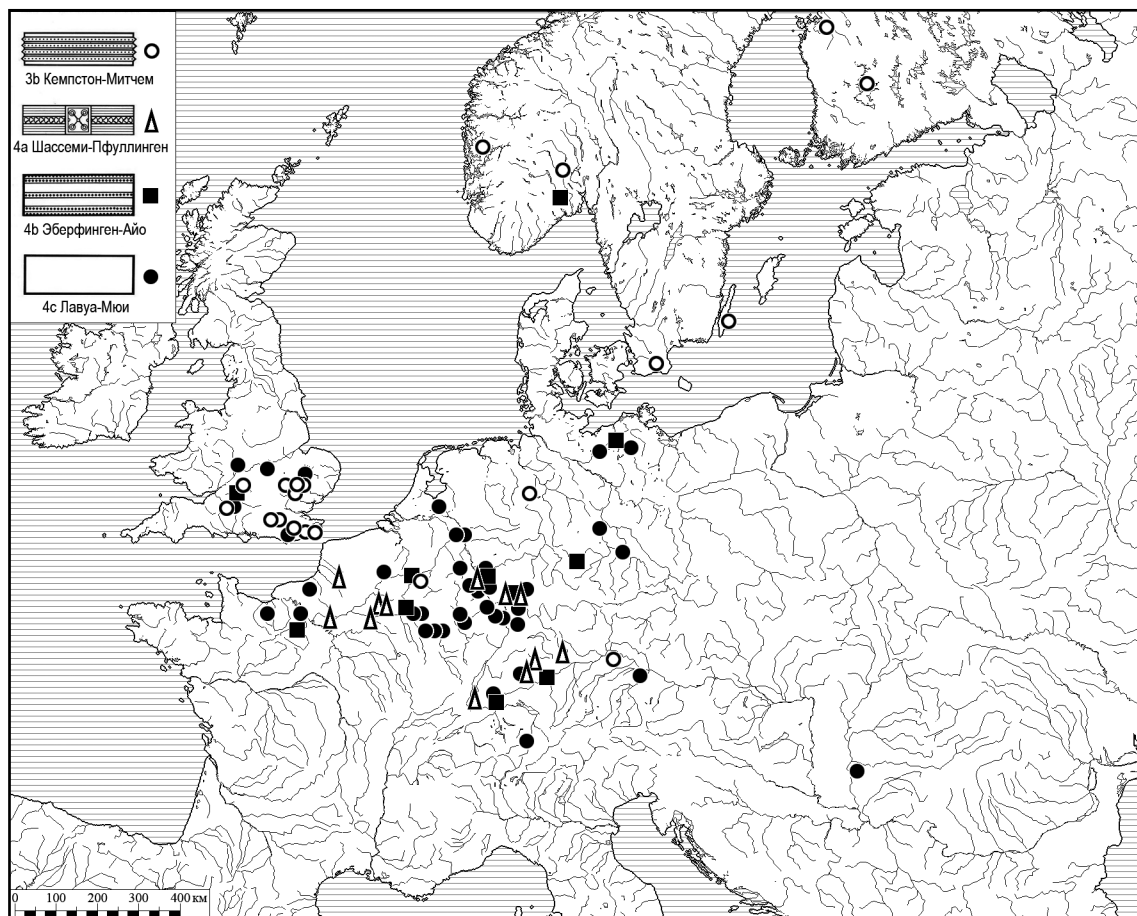

Рис. 36. Распространение устей ножен меча типа Кемпстон-Митчем (по Menghin 1983).

(Ramqvist 1991: 61—66). Нет, разумеется, и никаких признаков скандинавского политического лидерства в Финляндии в интересующий нас период (Kivikoski 1968: 102). Но в любом случае, как бы ни оценивать

роль скандинавов, их присутствие здесь очевидно.

Несколько иную географию распространения, чем украшения и детали убора, имеют найденные в Финляндии детали «парад-

ных» мечей V — раннего VI в. Так, скандинавское навершие меча V в. типа Кнарремозе (или Хольмегард-Крагехул по Menghin 1983) (рис. 34), найденное в Юнскарбраана (Junskarbränna) в Остерботнии, распространяется не в Норрланде и Свеаланде, а на Эланде, на Борнхольме, в Ютландии, на о. Фюн, в Шлезвиге, редко в Южной Норвегии, на о. Сааремаа (см. ниже), в Северной Галлии и на Верхнем Дунае (последние список и карта распространения: Vemmann, Nahne 1994: 564, Abb. 45). Навершие мечей V — раннего VI в., типа Симрис-Крефельд-Геллеп (рис. 31), известные в Сатакунде (Menghin 1983: Karte 1, Liste A, I, 1b: 10, 13), также более типич-

ны для южной Скандинавии. Они единично представлены в Скании, но их довольно много в Норвегии и в Дании, особенно на о. Фюн, известны они в также устье Эльбы и на нижнем Рейне (Menghin 1983: Karte 1: Liste A, I).

Навершие типа Фрельзегарден-Либенау (рис. 31), датированные V в., известны в Суоми и в Сатакунде (Menghin 1983: Karte 1: Liste A, I, 1 с, 3, 6). Их единичные находки отмечены на Эланде, в юго-западной Швеции, южной Норвегии и в Ютландии. Одна находка известна в Шлезвиге, две на нижнем Везере и две в южной Англии. Такая география распространения позволяет предположить их саксонское происхождение.

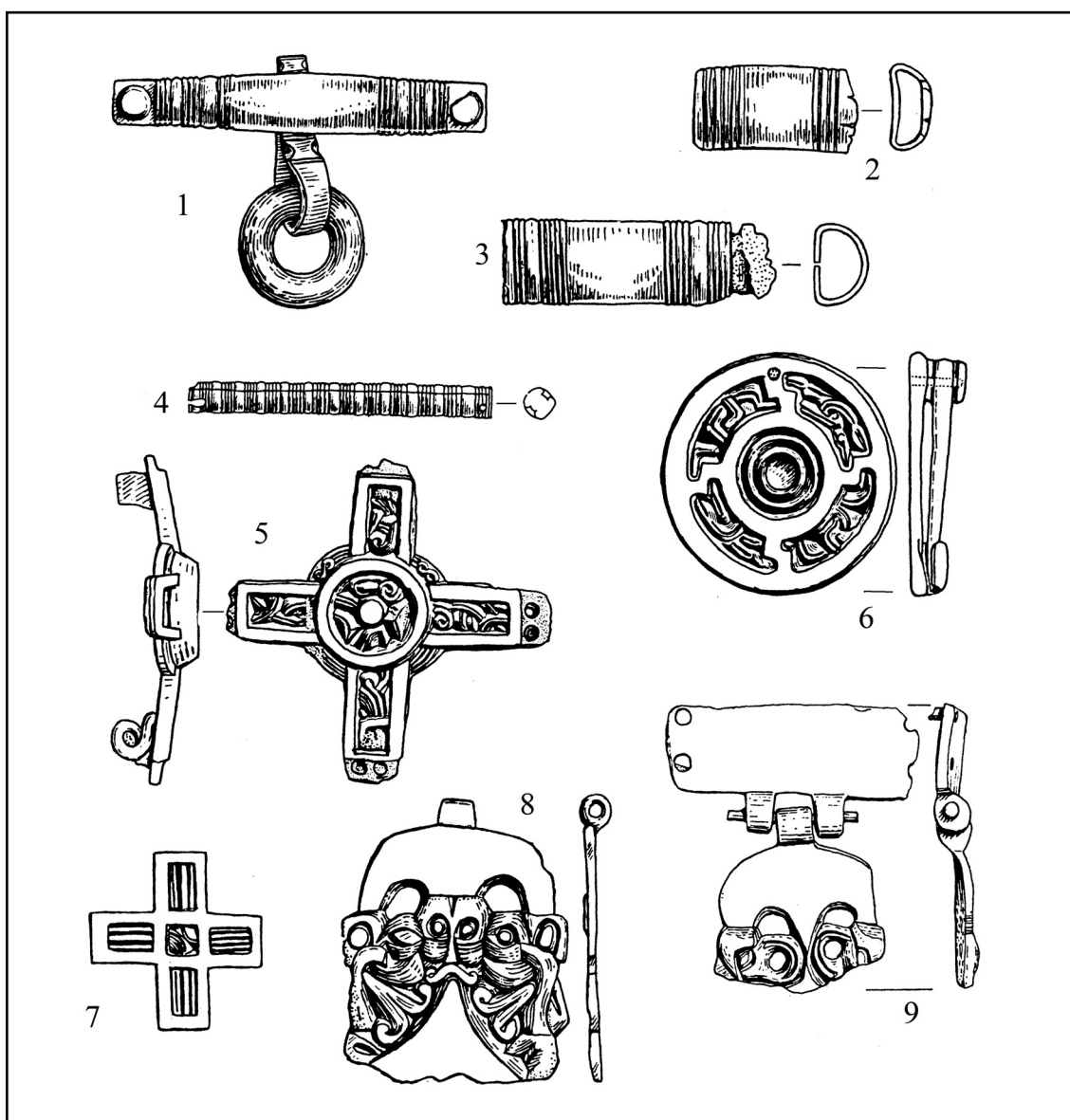

Рис. 37. Англо-финские и англо-скандинавские параллели VI в. (Vierck 1967).

1, 3 — Лойма (Loima), Сатакунда; 2 — Алфристон, Сассекс; 4 — Литтл Вилбрэхэм, погр. 26/27; 5 — Хельгё, сооружение 1; 6 — Ипсвич, Суффолк, погр. 124; 7 — Эстри, Кент; 8 — Бегинтон, Уорикшир; 9 — Асум (Åsum), Скания.

Навершие типа Брайтхемптон/Сипли (рис. 35) конца V — первой половины VI в. из Лагпелткангас, в Остерботнии, имеет единичные параллели в Эстонии (см. ниже), в Норрланде, на о. Фюн, в Шлезвиге, в Мекленбурге, в Тюрингии, Саксонии. Но в основном эти навершия распространяются в Южной Норвегии, меровингско-аламанской зоне от Северной Галлии до Верхнего Дуная, и в юго-западной Англии (Menghin 1983: Karte 2: Liste A, I.1.2b: 24; последние список и карта распространения: Vemmann, Nahne 1994: 565, Abb. 46). Мне представляется, что эти навершия связаны, в первую очередь, с англо-саксами.

Наконец, устья ножен типа Кемпстон-Митчем (рис. 36), позднего V — раннего VI в., попадающие в Остерботнию и Сатакунду (Menghin 1983: Karte 12: Liste B, I, 3b: 37, 41), известны по единичным находкам на Эланде, в Скании, в Саксонии и на верхнем Дунае, а также в северной Галлии и в южной Норвегии, но больше всего их в южной Англии (Menghin 1983: Karte 12, Liste B, I).

Таким образом, «парадное» оружие финнов в эпоху переселения народов указывает на ориентацию их воинской элиты на престижные стандарты не Свеаланда и Норрланда, а южной Скандинавии и Северного моря. О той же ориентации свидетельствуют и детали металлической поясной гарнитуры в виде металлических каннелированных втулок, времени около 500 г., найденные в Сатакунде и имеющие прямые англо-саксонские параллели (рис. 37) (Vierck 1967: 54—56, Abb. 1: 1—3; Kivikoski 1973: Taf. 39: 343, 344). Скорее всего, эта престижная воинская мода распространялась в рамках контактов по морскому североевропейскому пути, о котором уже шла речь.

С тем же путем связаны и известные в Финляндии «континентальные» вещи общемеровингского стиля позднего V—VI вв. Это пряжки с прямоугольным и трапециевидным основанием язычка (Kivikoski 1973: Taf. 38: 325; 65: 573; Erä-Esko 1986: 80—81, Abb. 13, 14), рубчатые пряжки (Erä-Esko 1986: 80—81, Abb. 16с, 17а), симметричные равноплечие фибулы (Erä-Esko 1986: 5V—VI2, Abb. 2). Отметим, наконец, находки солидов в Финляндии. Это монеты Феодосия II (Vöyri-Gulldunt: Kyhlberg 1986: 46) Льва I (Isokyrö-Pukkila: Kyhlberg 1986: 46), Зенона (Vöyri-Gulldunt: Kivikoski 1973: Taf. 34: 284) и Валентиниана III (Vöyri-Gulldunt: Erä-Esko 1986: Abb. 12) из Остерботнии.

В южной и западной Финляндии в заметном количестве встречены и вещи, про-

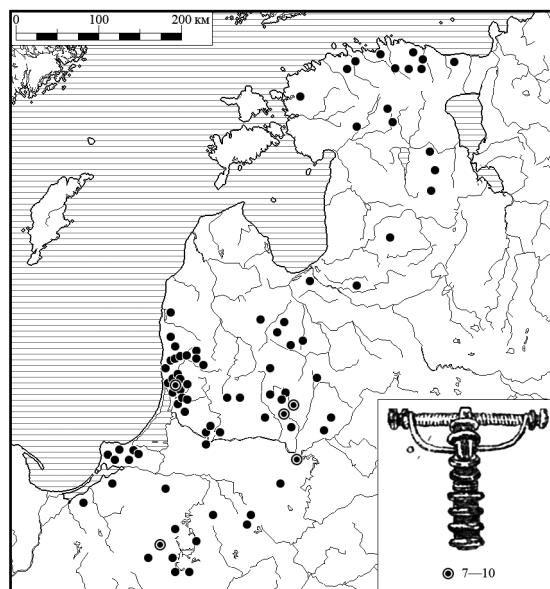

Рис. 38. Распространение фибул с кольцевым декором в Прибалтике (по Bertašius 2000).

исходящие с территории Восточной и Юго-Восточной Прибалтики. Прибалтийские влияния особенно сильны в Суоми, к югу от р. Аурайоки (Пихлман 1992: 88). Назовем в первую очередь фибулы с кольцевой гарнитурой, позднего V—VI вв. (рис. 33: 2, 8) (Kivikoski 1973: 41, № 197, 198; о них см. Moora 1938: 132—144). Подобные фибулы распространялись из Пруссии и с куршского побережья (рис. 38) (см. карту: Кулаков 2003: рис. 91), скорее всего, морским путем, как предлагал в качестве возможной гипотезы Х. Моора (Moora 1938: 134—135; Аун 1992: 140). Много их в приморских могильниках Курземе, в частности, в Руцаве (Moora 1929: Taf. 8: 6), а также в Литве (напр.: Moora 1938: 133, Abb. 24: 4). Фибулы с кольцевой гарнитурой есть в Земгалии, например, в могильнике Кюры на Тервете (Атзасис 1977: 433), единично они отмечены в устье Западной Двины, например, на могильнике Плявниекалнс под Ригой (Moora 1929: Taf. 9: 10; LA 1974: 41: 4. att). К северу от Западной Двины эти фибулы иногда встречаются на р. Гауе (Странте), затем появляются в Эстонии. В областях Уганди и в Ярвемаа (Järvamaa-Nurmekund-Mohu) известно 3 находки, 1 находка отмечена в Западной Эстонии, в области Ланемаа. Больше всего таких фибул в северо-восточной прибрежной части Эстонии, в Вирумаа (Bartašius 2000: Abb. 6), причем здесь есть ранние варианты (прототипы) еще римского времени (напр., Moora 1938: 133: Abb. 22: 2). К сожалению, после работ Х. Мооры данные фибулы не были предметом специального типологического изучения.

Похоже, что в Финляндии эти фибулы распространялись со второй половины V — рубежа V—VI вв. (Pihlman 1990: Kuva 28).

Балтские фибулы со звездчатой и лопатковидной ножкой (рис. 21) также известны в Суоми, Сатакунде и Остерботнии (Bitner-Wróblewska 2001: fig. 11; fig. 27). Эта группа хорошо изучена (Bitner-Wróblewska 2001: 59—76), что избавляет меня от подробного описания их типологии, хронологии и зоны распространения. Интересно отметить, что балтские фибулы типа Долъкайм/Коврово (рис. 23) попадают только в Остерботнию и Сатакунду (Bitner-Wróblewska 2001: fig. 7).

Помимо фибул, в Финляндии известны и балтские булавки с коленчато изогнутым навершием (Kokemäki-Köönikänmäki, tumulus VII: Hackman 1905: № 29, Abb. 5: 9; Kivikoski 1973: Taf. 36: 249; Pernyö-Päärvis: Kivikoski 1973: 66, Taf. 47: 439, «латвийский тип V—VII вв» по Э. Кивикоски). Такие же булавки известны, например, в Великушкес (Седов 1987: табл. 125: 2; The Selonians 2007: № 577, 578), в Кентскалнс (Stubavs 1976: tabl. 5: 37—43), в Скерстайни (LA 1974: tabl. 41: 25), в Мошкенай (The Selonians 2007: № 817), в Юдонис (The Selonians 2007: № 581, 582).

Известны в Финляндии и пластинчатые браслеты с продольными рельефными валиками (напр.: Kivikoski 1973: Taf. 33: 262; 50: 454). Такие браслеты широко распространены у прибалтийских финнов и у балтов (Moora 1929: Taf. 26: 4; Moora 1938: 440—445). Они появляются здесь уже в позднеримское время (см., напр.: находки в Реола: Моора 1962: рис. 3: 8; Кохтла-Ярве 1: Шмидехельм 1955: рис. 32: 9; Ябара: Шмидехельм 1955: рис. 20: 9) и существуют в начале средневековья. Известны они и позднее, в древностях культуры смоленских длинных курганов и роменской культуры.¹⁷ Эти браслеты часто имеют гравированный декор (напр., Aspelin 1884: 343, fig. 1850, 1851; Graudonis 2001: fig. 5: 5, 6; 9: 5, 6; Graudonis 2003: 20: 5, 6; LA 1974: pl. 37: 34; 41: 32, 34; Kazakevičius 1993: pav. 187: 2, 23: 191: 2; Stubavs 1976: tabl. 3: 8; Vaitkunskienė 1995: fig. 2). Есть, однако, и гладкие браслеты (Kazakevičius 1993: pav. 102: 10—13; 187: 11, 17; Kuncienė 1983: pav. 4: 3; Graudonis 2003: att. 46: 6; LA 1974: 41: 28 att.; Tamla, Jaanits 1977: Abb. 2: 9). Узкие манжетообразные браслеты характерны в первую очередь для Земгалии и северной Литвы

¹⁷ Например, на могильниках Слобода Глушица, Ярцево, Новотроицкое, Волинцево. Пользуюсь случаем поблагодарить Е. Р. Михайлову, которая указала мне эти поздние параллели.

(Атгазис 1980: рис. 5), хотя в Прибалтике они распространяются шире.

В Финляндии в нескольких погребениях эпохи переселения народов встречаются удила с трехчастными грызлами (напр.: Maalahti-Junkaisbrännan, Kaaria-Ristimäki: Hackman 1905: Abb. 15: 2; Kivikoski 1973: Taf. 42: 387; 70: 632). Этот тип идентифицирован С. Ю. Каргопольцевым как балтский (Каргопольцев 1994: 76; Каргопольцев 2000: 159). Эти удила действительно известны у балтов с римского времени и широко распространены в эпоху переселения народов, они попадают в V—VI вв. на Готланд, в Норрланд, Финляндию. Однако их дата может быть шире, чем эпоха переселения народов, поскольку на аламанском некрополе Клепсау такие удила представлены в контексте последней трети — конца VI в. (Koch 1999: 189—191, Abb. 11: a). В Карелии они встречаются и позднее, в эпоху викингов (Казанский 1999: 410).

Подводя некоторый итог, можно отметить, что набор прибалтийских и шведских импортов теснее всего связан с женским костюмом, возможно, это свидетельства перекрестных браков между знатными семьями Финляндии, Эстонии, Норрланда и Свеаланда (Schauman-Lönnqvist 1992: 227), а также, возможно, Пруссии, куршского побережья и Латвии. В то же время воинская престижная культура финнов ориентируется, судя по находкам парадных мечей, не на среднешведские, а на южно-скандинавские и англосаксонские воинские элиты, которые, в свою очередь, подражают военной культуре меровингской знати.

В Финляндии для эпохи переселения народов археологически отмечены и контакты с Восточной Европой. В Остерботнии найдена пряжка, типичная для древностей Прикамья (рис. 33: 3) (Maalahti-Lilltelsar: Kivikoski 1973: 54, № 322; ср., напр.: Голдина, Водолаго 1990: табл. 24: 5, 6, 14, 15), пока единственная уральская вещь V—VI вв. в северо-восточной Прибалтике.¹⁸ Подобные вещи полностью отсутствуют в Скандинавии и южной Прибалтике. Помимо Приуралья, эти пряжки также известны в бассейне Верхней

¹⁸ Напоминает уральские и еще одна пряжка эпохи переселения народов (рис. 33: 6) (Maalahti-Lilltelsar, Kivikoski 1973: Taf. 38: № 328). Она имеет вытянутый щиток, сужающийся к концу, как это типично для уральских пряжек (ср., напр.: Голдина 1985: табл. 6: 9, 12, 13; Голдина, Водолаго 1990: табл. 24: 9, 10). Однако точные параллели финляндской пряжке пока назвать сложно.

Волги, на Унже, в погр. 1, и в слое могильника Попово (Рябинин 1989: рис. 4: 2, 7), в бассейне Клязьмы, на Хотимльском могильнике, в погр. 6 (Горюнова 1961: рис. 56: 20) и в районе современного Нижнего Новгорода, на Безводнинском могильнике, в погр. 151 (Краснов 1980: рис. 39: 21). Кроме того, как мы увидим ниже, вещи пермско-уральского облика есть в русской Карелии.

В Финляндии известно также 6 находок так называемых топоров центральнорусского типа, из них два отнесены к VI в. (Kivikoski 1973: 58, № 367). В лесной зоне России такие топоры действительно бытуют в V—VII вв., см., напр.: Новленский мог., погр. 1 (Горюнова 1961: рис. 58: 13), Сарское (Леонтьев 1996: рис. 45: 5), Воротыньск, городище мощинского типа (Негматуллин и др. 2005: рис. 133: 25), Мощинское городище (Никольская 1959: 59, рис. 24: 4, 5), Заречье 4: погр. 24 (Ахмедов, Белоцерковская 1996: рис. 22: 3). В Литве такие топоры также известны в контексте V—VII вв., в частности, в Цегельне, Рекучае, Таурапиласе (Казакиявичюс 1988: 78—80). Однако в Белоруссии, Латгалии, Польше, Литве подобные топоры продолжают существовать и в VIII—XI вв. (Казакиявичюс 1988: 80—81; Malonaitis 2002: 170, Abb. 3). Очень поздно, до XI—XII вв. включительно, известны такие топоры и у поволжских финнов (см., напр.: Голубева 1987: табл. 43: 5; 44: 22; Голубева 1987а, табл. 52: 11, 19).

Однако в Приуралье прибалтийско-финские вещи не попадают (Kivikoski 1968: 104). Иными словами, археологически фиксирует-

ся некое движение с востока на запад, а не наоборот. Видимо, прав Г. С. Лебедев в том, что инициатива в налаживании контактов «Запад-Восток» принадлежала не скандинавам, а восточным финнам (Лебедев 2005: 463). Финские археологи видят в подобных находках доказательство активности торговцев из Прикамья, достигавших территории Финляндии (Эря-Эско 1986: 170). Однако на сегодняшний день нет никаких оснований говорить о существовании в среде уральских финнов V—VI вв. профессиональных торговцев. Скорее уж можно предположить, что какие-то группы восточнофинских охотников-промысловиков с востока уже в V в. проникали очень далеко на Запад.

Но как бы там ни было, Южная и Западная Финляндия выступает как важный стратегический пункт на «Восточном пути», являющемся продолжением трансевропейской морской магистрали, начинавшейся на Атлантике (см. выше). Здесь сталкиваются разные импульсы, идущие как с Запада, так и из Восточной Европы, отмечено присутствие как скандинавов, так и, возможно, выходцев из лесной зоны России. Таким образом, население Финляндии вполне могло оказаться вовлеченным в меховую торговлю VI в., описанную у Иордана. Напомним, что, по мнению финских археологов, процветание прибрежных регионов Суоми и Остерботнии в эпоху переселения народов зиждилось на их посреднической роли в торговле с внутренними областями Финляндии, откуда поступали, в частности, меха (Пихлман 1992: 90).

5. Эстония, северная Латвия и коммуникации эпохи переселения народов

Рассмотрим теперь регион расселения прибалтийских финнов к югу от Финского залива, то есть территорию современных Эстонии и латвийской Видземе. В эстонской археологии принята периодизация, где выделяется позднеримский железный век (200—450 гг.) и эпоха переселения народов (450—600 гг.) (см. Quast 2004: Abb. 1).

Нас интересует, в первую очередь, роль этих территорий в контактах между Скандинавией и лесной зоной современной России в эпоху великого переселения народов. Сразу же отметим, что связи этого региона со Скандинавией хорошо прослеживаются уже в доримское и в римское время (Шмидехельм 1955: 212—214). О них свидетельствует, в частности, наличие здесь ладьевидных каменных погребальных кладок

или, скажем, появление эстонских эмалевых фибул в Скандинавии (Ginters 1961; Quast 2004: 249—258; Лебедев 2005: 266). С начала нашей эры известны в северо-восточной Эстонии и болотные находки типа скандинавских, например, в Кунда, где встречены вещи I—II вв. (Lõugas 1985: 58, Abb. 2; Tamla 1995). Судя по документам XIII в., морской путь из Скандинавии проходил от Уплланда вдоль южной кромки Аландских островов и собственно финляндского побережья до мыса Порккала-Удд, затем он поворачивал на юг, до Таллиннской бухты, очень удобного места корабельных стоянок, и шел далее на восток, вдоль южного берега Финского залива (Шаскольский 1954; Корпела 2006: 77; Носов, Хвоцзинская 2007: 14, 15). Вполне вероятно, что формирование этой морской ма-

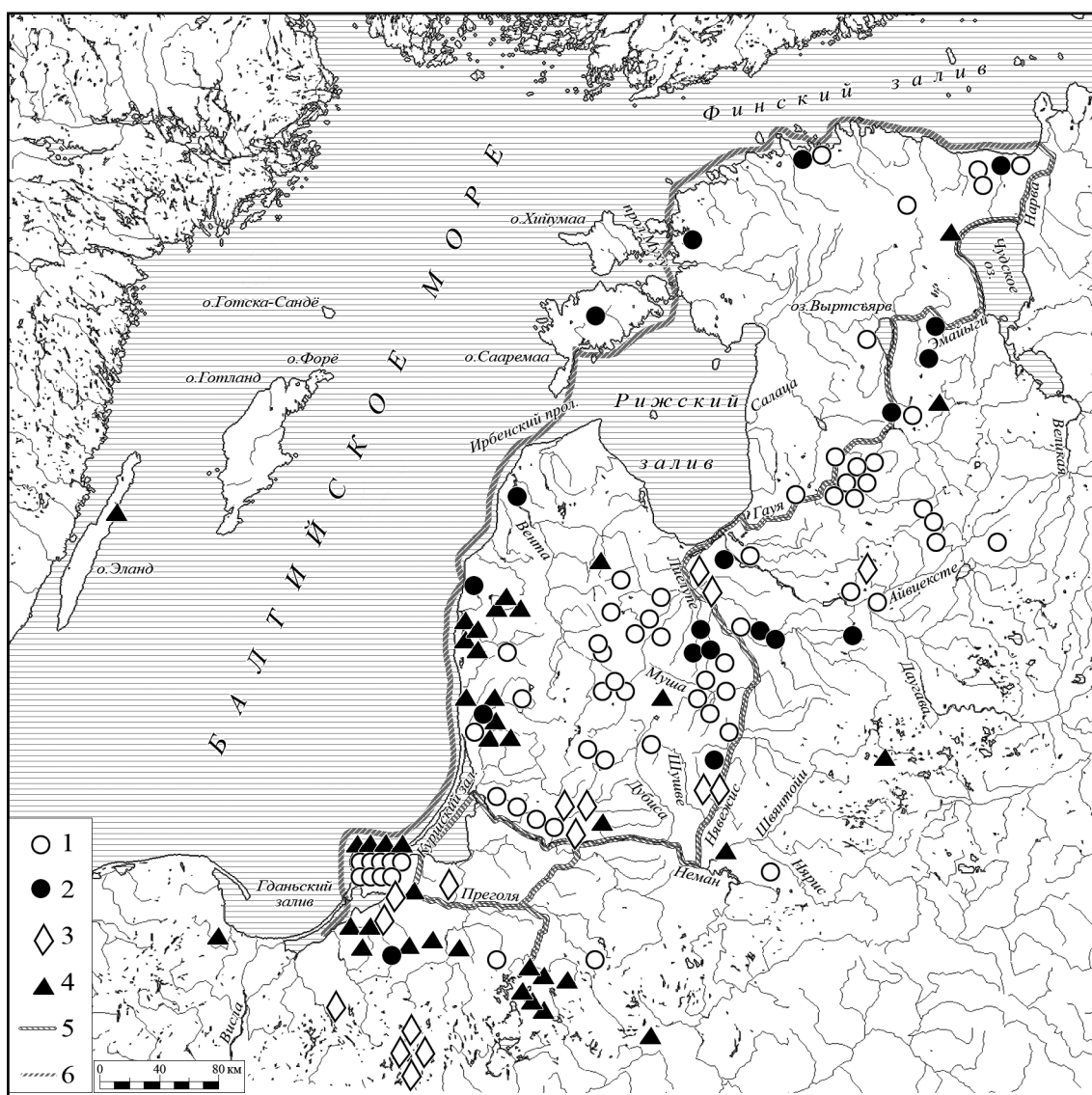

Рис. 39. Торговые пути в Юго-Восточной Прибалтике в римское время и в раннем средневековье (по: Кулаков 2003).

1 — находки гривен с воронковидными концами (I в. н. э., по Х. Янкуну); 2 — находки серебряных гривен с заходящими концами (V — нач. VI вв., по Б. Блинке); 3 — находки фибул со звездчатой ножкой типов II и V (V–VI вв., по А. Битнер-Врублевской); 4 — находки арбалетовидных «звериноголовых» фибул (ок. 550–700 гг.); 5 — речные трассы межплеменных контактов в Прибалтике I — нач. VIII вв.; 6 — каботажный морской путь V — нач. VI вв.

гистралей приходится еще на римское время, по крайней мере, археологические данные не противоречат такому предположению.

Археологические материалы свидетельствуют и о функционировании уже в римское время морского прибрежного пути из Южной Прибалтики в Финский залив (Шмидехельм 1955: 211). Наконец, южную и юго-восточную Эстонию пересекает речная дорога с Рижского залива на Чудское озеро, проходившая по системам рек Гауя и Эмайыги (рис. 39). Для римского времени она реконструируется по распространению торков с воронковидными концами I в. (Kulakov 2000: fig. 1; Кулаков 2003:

рис. 38), «очковых» фибул прусской серии (Pfeiffer-Frohnet 1998: Abb. 1), а также перекладчатых фибул 5 (эстонской) серии (Hauptmann 1998: Abb. 13). Дорога существовала и во II–III вв., как показывает распространение эмалей в Эстонии и в северной Латвии (Корзухина 1978: карта 1).

Что же касается контактов древнего населения Эстонии с лесной зоной России, в частности, с Верхним Подвиньем и Верхним Поволжьем, то они также достаточно хорошо выявляются в археологическом материале уже в раннем железном веке (Шмидехельм 1955: 216). Заслуживают внимания и особенности распространения некоторых типов укра-

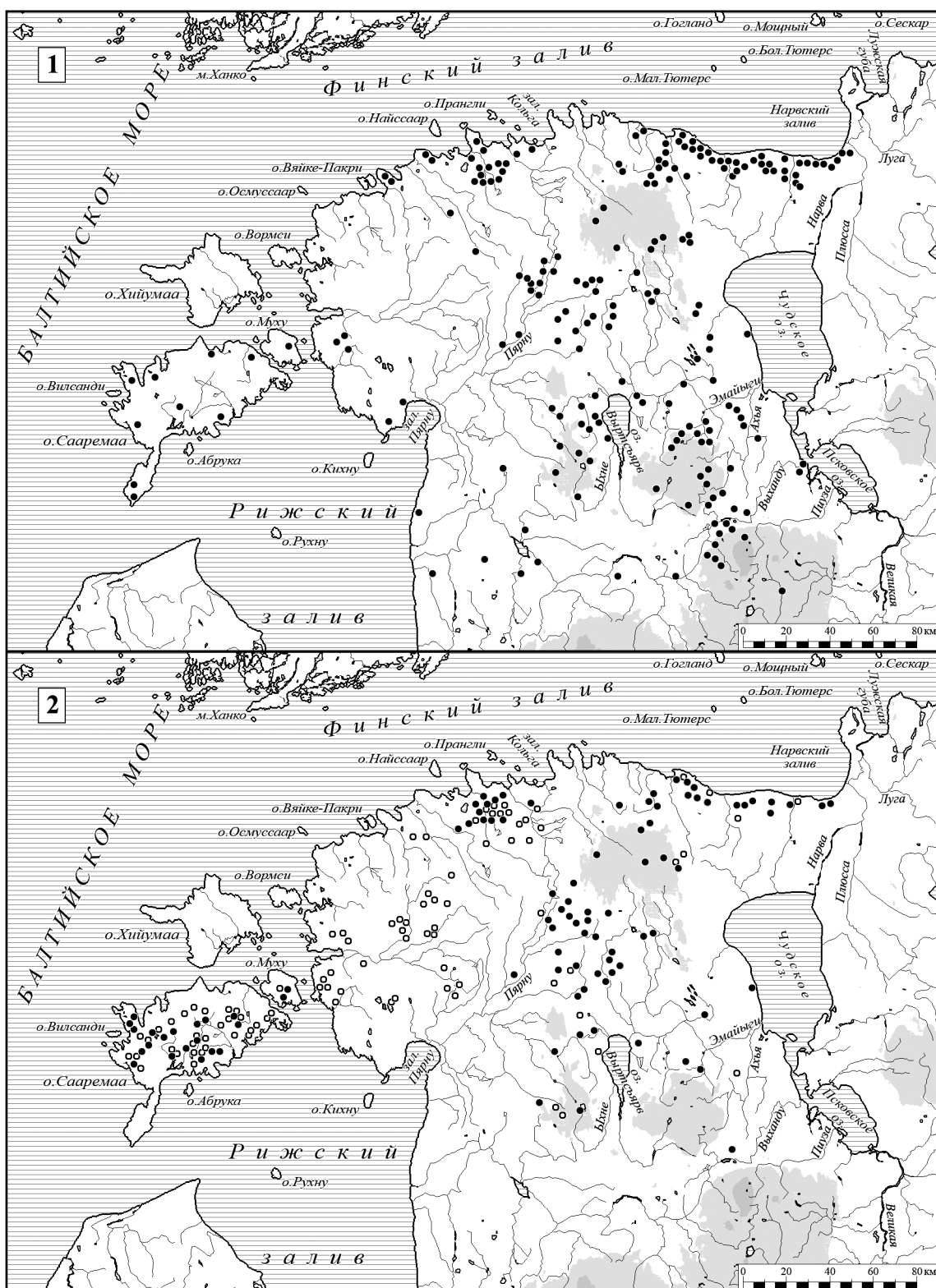

Рис. 40. Погребальные памятники Эстонии с каменными конструкциями (по Laul 1985).

1 — могильники культуры Таранд, римского времени; 2 — каменные могильники с иррегулярной кладкой (чёрные кружки — компактная кладка; белые кружки — плоская вымостка).

шений римского времени с эмальями (сводка: Корзухина 1978), явно указывающие на восточные связи финских племен, проживавших на территории Эстонии.

Финское население Эстонии и Видземе в римское время и в эпоху переселения на-

родов археологически известно в основном по погребальным памятникам. Это коллективные кремации в каменных оградках, так называемые «tarand», а с эпохи переселения — каменные могильники с нерегулярной кладкой, также содержащие коллектив-

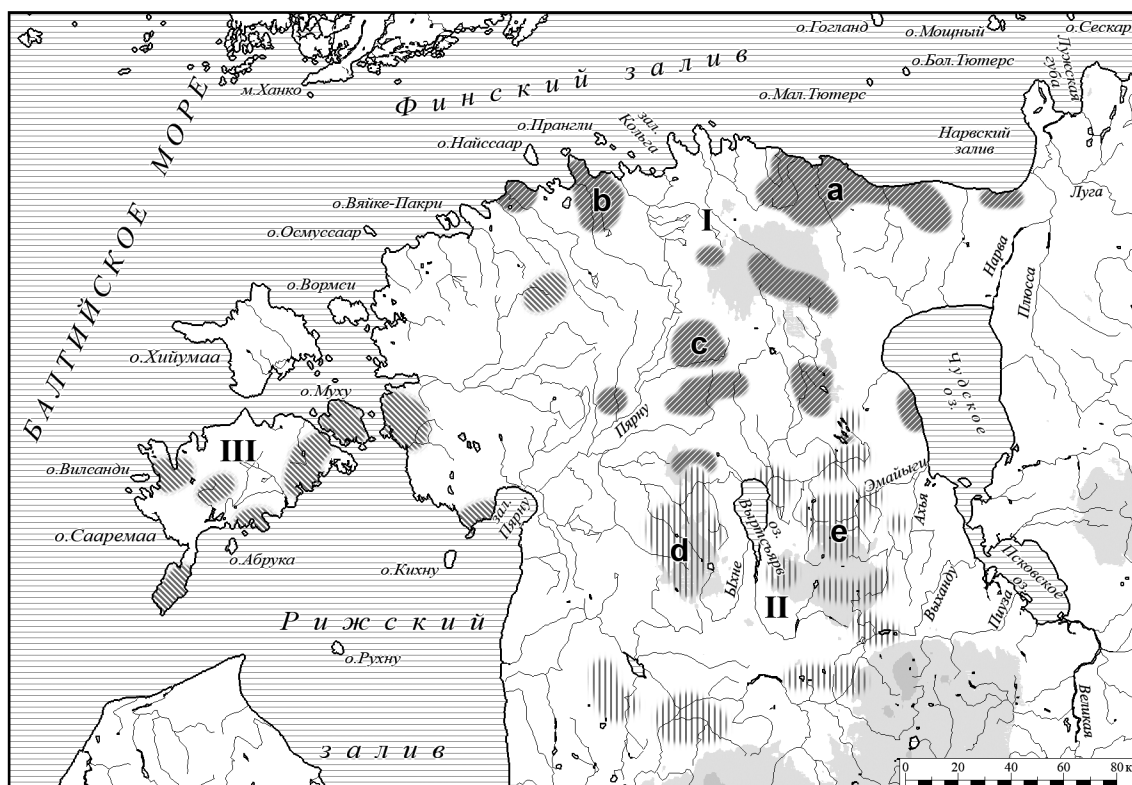

Рис. 41. Культурные области на территории Эстонии в римское время (по: Моора 1956). I — североэстонская область, а — вирумская группа, б — таллиннская группа, с — пайде-тюриская (среднеэстонская); II — южноэстонская область, d — сакаласская группа, e — тарту-выруская группа; III — западноэстонская область.

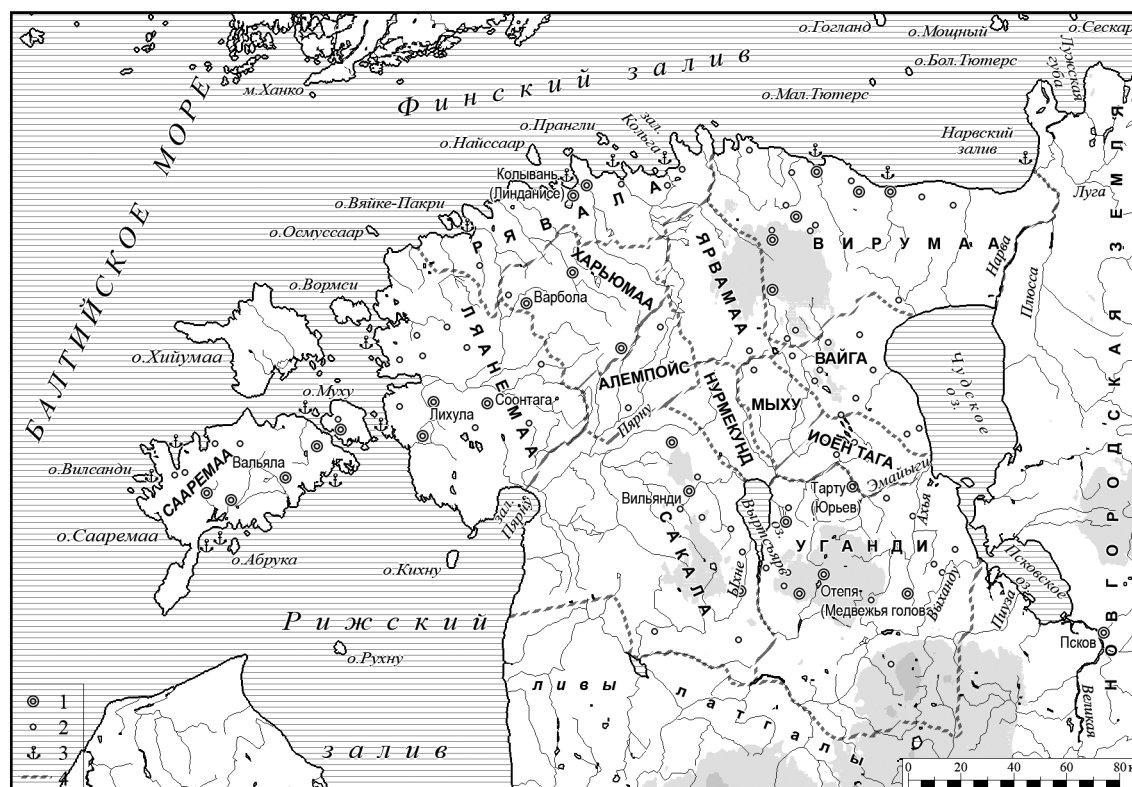

Рис. 42. Области («мааконды») средневековой Эстонии (по: Моора 1954 а). 1 — крупные средневековые городища; 2 — прочие городища; 3 — гавани; 4 — границы маакондов.

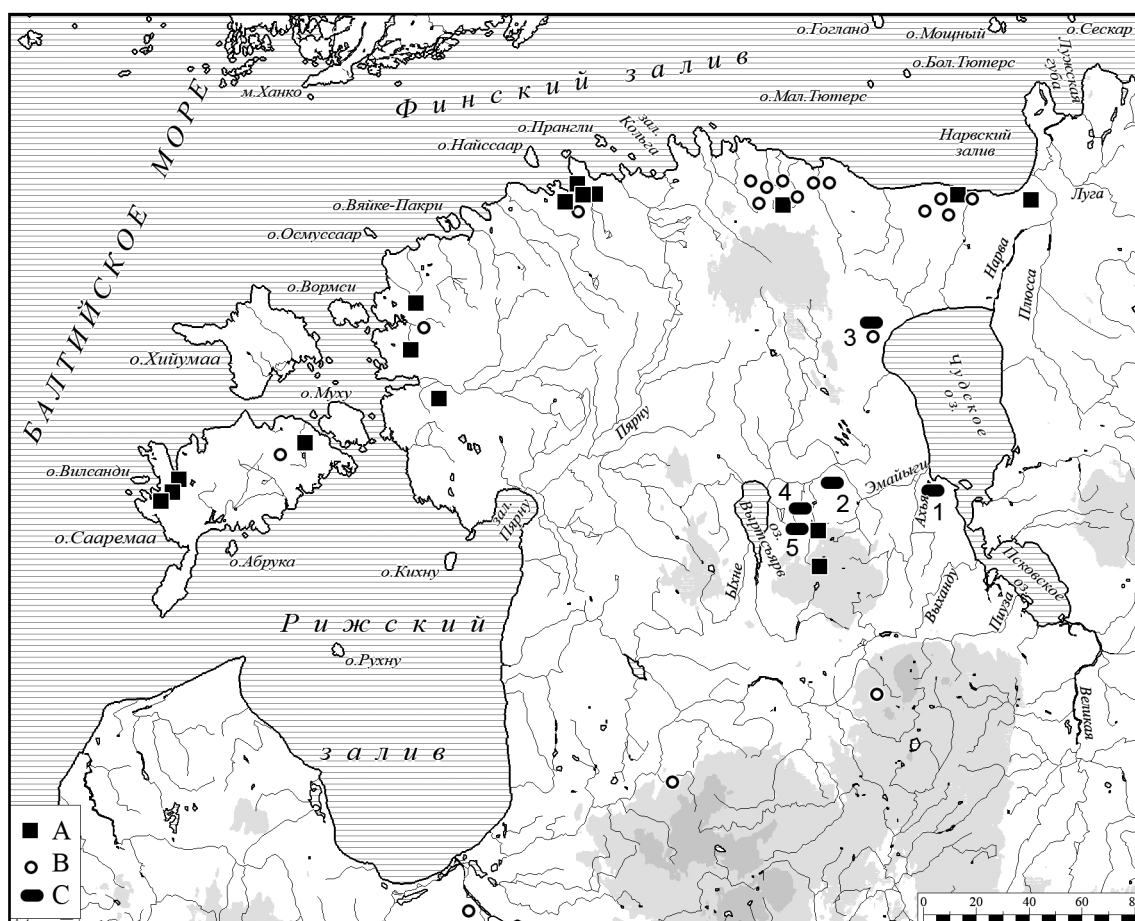

Рис. 43. Распространение скандинавских и балтских вещей в материковой Эстонии в эпоху переселения народов. А — скандинавские вещи (по Quast 2004); В — балтские вещи (по Bitner-Wróblewska 2001); С — клады (по Аун 1992 и Моора 1935); 1 — Криймани; 2 — Кардла; 3 — Пиилси; 4, 5 — Паали 1 и 2.

ные трупсожжения (рис. 40) (Моора 1938: 1—21; Моора 1954а; Моора 1956: 107—122; Laul 1985; Лаул 1985; Laul 2001). Памятники располагаются вдоль водоемов, на супеси, легкой для вспашки, разделенные пустынными залесенными территориями (Лаул 1982: 90—91). Отмечается довольно резкий рост населения в первые века н.э. по сравнению с предшествующим периодом (Моора 1956: 109; Хвощинская 2008: 22). Основные скопления памятников римского времени доживают до эпохи переселения народов (Моора 1954: рис. 1; Моора 1954а: 103—107; Laul 1985: Abb. 3). По мнению Х. Моора, зоны концентрации археологических находок соответствуют каким-то племенным группировкам.

Выделяются две культурные зоны: северная, в Северной и Средней Эстонии, и южная, к югу от линии Тарту-Вильянди, включая Северную Латвию (Моора 1954а: 103; Хвощинская 2008: 22). Слабее выделяется западноэстонская зона (см. карту: Шмидехельм 1955: рис. 54). Возможно, это связано с тем, что повышение среднегодовой зимней температуры в римское время способствова-

ло развитию земледелия в восточной и средней Эстонии, отсюда и демографический рост в этих регионах. В то же время в западной половине Эстонии происходит переувлажнение почв, не способствующее земледелию (Лаул 1982: 90). В частности, для о. Сааремаа считается, что культура местного населения в течение всего железного века была жестко ориентирована на деятельность, связанную с морем, а не с земледелием (Mägi 2006: 62).

В северной зоне для римского времени выделяются следующие группы памятников (рис. 41):

— «Таллиннская группа» по Х. Моора, самая «бедная» и самая маленькая (Моора 1954а: 103—105), в северо-западной Эстонии в районе современной Таллинна, соответствующей исторической области Рявяла (см. рис. 42) (Rävåla,¹⁹ об археологии этого региона см. Lang 1996). Могильники здесь неболь-

¹⁹ Здесь и далее названия земель «маакондов» (рис. 42) даны, естественно, по более поздним источникам и употребляются чисто условно.

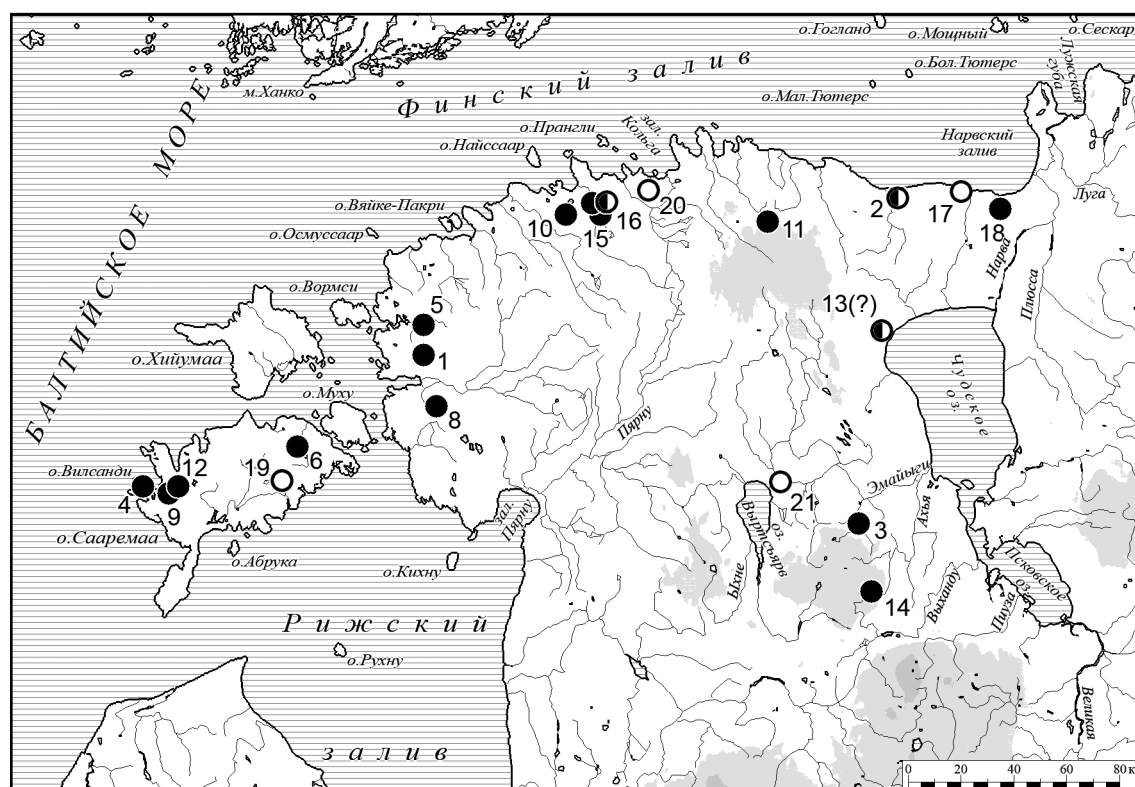

Рис. 44. Находки скандинавских вещей римского времени и эпохи переселения народов в Эстонии (по Quast 2004). 1 — Эхмяя (Ehmlja); 2 — Ябара (Jäbara); 3 — Камбья (Kambja); 4 — Кихельконна (Kihelkonna/Vaike-Vilsandi); 5 — Киримяэ (Kirimäe); 6 — Кунингусте (Kuninguste); 7 — Лagedи (Lagedi); 8 — Лихула (Lihula); 9 — Люманда (Lümanda); 10 — Мойгу-Пеетри (Moigu-Peetri); 11 — Оявески (Ojaveski); 12 — Пайю (Paju); 13 — Пиилси (Piilsi); 14 — Пиккярви (Pikkjärve); 15 — Прооза (Proosa); 16 — Саха (Saha); 17 — Тойла (Toila); 18 — Тюрисмяэ (Türsamäe); 19 — Вальяла Тонья (Valjala Tonja); 20 — Валкла (Valkla); 21 — Вереви-Сандимярди (Verevi-Sandimärdi). Белые кружки — римское время, черные кружки — эпоха переселения народов.

шие, что отражает демографические реалии. Группа имеет свою специфику в уборе (Моора 1956: 112).

— **«Вирумааская группа»** по Х. Моора (Моора 1954а: 103; Моора 1956: 11, 112), в северо-восточной Эстонии, в восточной половине исторической области Вирумаа (Virumaa),²⁰ сравнительно хорошо изученная, с многочисленными погребальными памятниками с богатым инвентарем (Шмидехельм 1955; 1956). Помимо трупосожжений в каменных оградках, здесь, на могильнике Ябара, зафиксированы трупоположения в каменных ящиках, а также каменные круги, в том числе с материалом начала н.э. (Шмидехельм 1955: 38—42). Группа отличается большим количеством эмалевых украшений, особенностями в разнообразном фибульном костюме и в орудиях труда (Моора 1954а: 104; Шмидехельм 1955: 195). Особым богатством

отличается инвентарь позднеимского времени, III—IV вв. (Шмидехельм 1955: 195). Выделяется несколько микрорегионов расселения, некоторые возникают в римское время (Шмидехельм 1956: 176—178).

— **«Пайде-выруская группа»** (Моора 1954а: 103, 104) в средней Эстонии, в области Ярвамаа-Нурмекунд-Мыху (Järvamaa-Nurmekund-Mohu) в средней Эстонии; здесь очень мало эмалей, набор фибул меньше, чем в Вирумаа (Моора 1956: 113). Однако по ряду признаков (в частности, по фибулам) «пайде-выруская группа» близка памятникам Вирумаа (Шмидехельм 1955: 198—202).

Южная зона в римское время отличается от севера характерными перекладчатыми фибулами и ножными браслетами, а также своеобразной керамикой, здесь мало перстней (Моора 1954а, 103). Выделяются следующие группы:

— **Группа в области Уганди** (Ugandi, называемая балтами *Igaunia*, *Ungaunia*, по р. Гауя) (см. Laul 2001), на юго-востоке Эстонии. Здесь типичными являются перекладчатые и дискообразные фибулы, «нож-

²⁰ Кажется, что благодаря работам петербургских археологов, сейчас зону вирумааской группы можно значительно расширить на восток, вплоть до Копорья (см. ниже).

ные» браслеты и др. (Моора 1956: 113, 114). Сейчас в юго-восточной Эстонии известно 106 каменных могильников, они существуют здесь до середины I тыс. н. э., а также есть и грунтовые могилы с трупосожжениями (Laul 2001: 263, 264).

— **Группа в области Сакала**, к западу от озера Выртсъярв и южнее совр. г. Вильянди. Это группа не очень многочисленная, представленная каменными могильниками с оградками и имеющая свои особенности в материальной культуре (Вассар 1956: 203—216). Памятники концентрируются на Сакальской возвышенности, в то время как территория на восточном берегу Рижского залива остается пустой (Вассар 1956: 208, рис. 42).

— **Группа в Северной Латвии, Видземе, на р. Гауе**. Эта группа также представлена характерными могильниками с каменными оградками (Моора 1956: 114, 115; Laul 2001: 265). Она доживает до раннего средневековья, как свидетельствуют находки в Ошбирзес (LA 1974: pl. 40: 8—12) и в Попес межс (Popes mežs: LA 1974: pl. 40: 7, 20). На нижней Гауе уже в римское время финны соседят с балтским населением (Моора 1956: 121).²¹

Западная зона в римское время является наименее заселенной, «депрессивной», из-за неплодородных почв (Моора 1954 а: 105, 106; Моора 1956: 115). В области Лянемаа (Länemaа), в Западной Эстонии и на о. Сааремаа сравнительно немногочисленные памятники римского времени очень рассеяны, что, несомненно, отражает демографию региона. Ряд каменных могильников, таких, как Карусте, все же известен на Сааремаа (Вассар 1956: 190—196). Как и в Северной Курземе, заселенной в римское время финнами, на Сааремаа каменные могильники не имеют четких прямоугольных оградок (Моора 1956: 121). Зато отчетливо зафиксированы каменные круги, как на могильнике Карусте, датированном I—II вв. (Вассар 1956: рис. 33, 34). Отмеченный здесь обряд трупоположения генетически восходит к традициям раннего железного века

(Вассар 1956: 196). Ряд находок римского времени известен и в Лянемаа, в частности, «уплощенные» курганы с каменными концентрическими кругами или прямоугольными оградками, коллективные могильники с прямоугольными оградками практически отсутствуют. В римское время в западной Эстонии происходит переход от кремаций к ингумациям (Вассар 1956: 197, 198).

В позднеримское время в Эстонии появляется мало новых могильников с каменными оградками: видимо, это соответствует какому-то демографическому спаду (Laul 1985: 74), который, похоже, был преодолен в V—VI вв. При этом надо иметь в виду, что памятники эпохи переселения народов в Эстонии идентифицируются сложнее, чем для предшествующего периода, поскольку выразительных датированных вещей, в первую очередь предметов убора, на могильниках меньше (Моора 1956: 123). С конца IV в. могильники с оградками постепенно вытесняются каменными могильниками с нерегулярной кладкой (рис. 40) (Лаул 1985: 61, 62; Laul 2001: 266, 272; Хвощинская 2008: 22).

При этом сохраняется довольно высокая концентрация населения северной и средней Эстонии в таких территориальных группах, как Рявяла, Вирумаа и Пайде-тюриская. Судя по количеству каменных могильников, быстро возрастает население в Западной Эстонии, в Ланемаа и на о. Сааремаа. Зато происходит резкий демографический спад в южной зоне, в Уганди и в Сакала (Laul 1985: 76, Abb. 8). Впрочем, и здесь в середине I тыс. появляются новые могильники без упорядоченной каменной кладки — такие, как Ляэтса или Кьюла (Laul 2001: 266).

С эпохи переселения народов, помимо деградации каменной конструкции могильников (Laul 2001: 266), отмечаются и другие изменения в погребальном обряде. В отдельных случаях в краевых насыпях могильников появляются трупоположения, что более характерно для Северной и Западной Эстонии (Laul 2001: 267). На эстонских коллективных могильниках четче выделяются «семейные» участки, чаще встречается оружие, по крайней мере, в Западной и Северной Эстонии (Mägi 2006: 59—62). Считается, что в V—VI вв. происходит какая-то социальная перестройка, распадаются племена, и на их месте появляются территориальные образования, сформировавшиеся из разноплеменных элементов (Моора 1954 а: 113—118; Моора 1956: 123; Вассар 1956: 217). Так это или нет, проверить трудно, но некое «перераспределение» археологических находок

²¹ Археологи стран Прибалтики традиционно употребляют для римского времени и эпохи переселения народов этнонимы эпохи развитого средневековья: латгалы, земгалы, курши, пруссы, жемайты, ливы и пр. Это примерно то же самое, что рассуждать о полянах или кривичах в римское время. Напомним, за некоторыми исключениями (сёлы, возможно, курши), эти средневековые названия никакими источниками ранее IX—XI вв. не зафиксированы. Поэтому я использую эти названия только для обозначения исторических регионов — Пруссия, Латгалия и т. д.

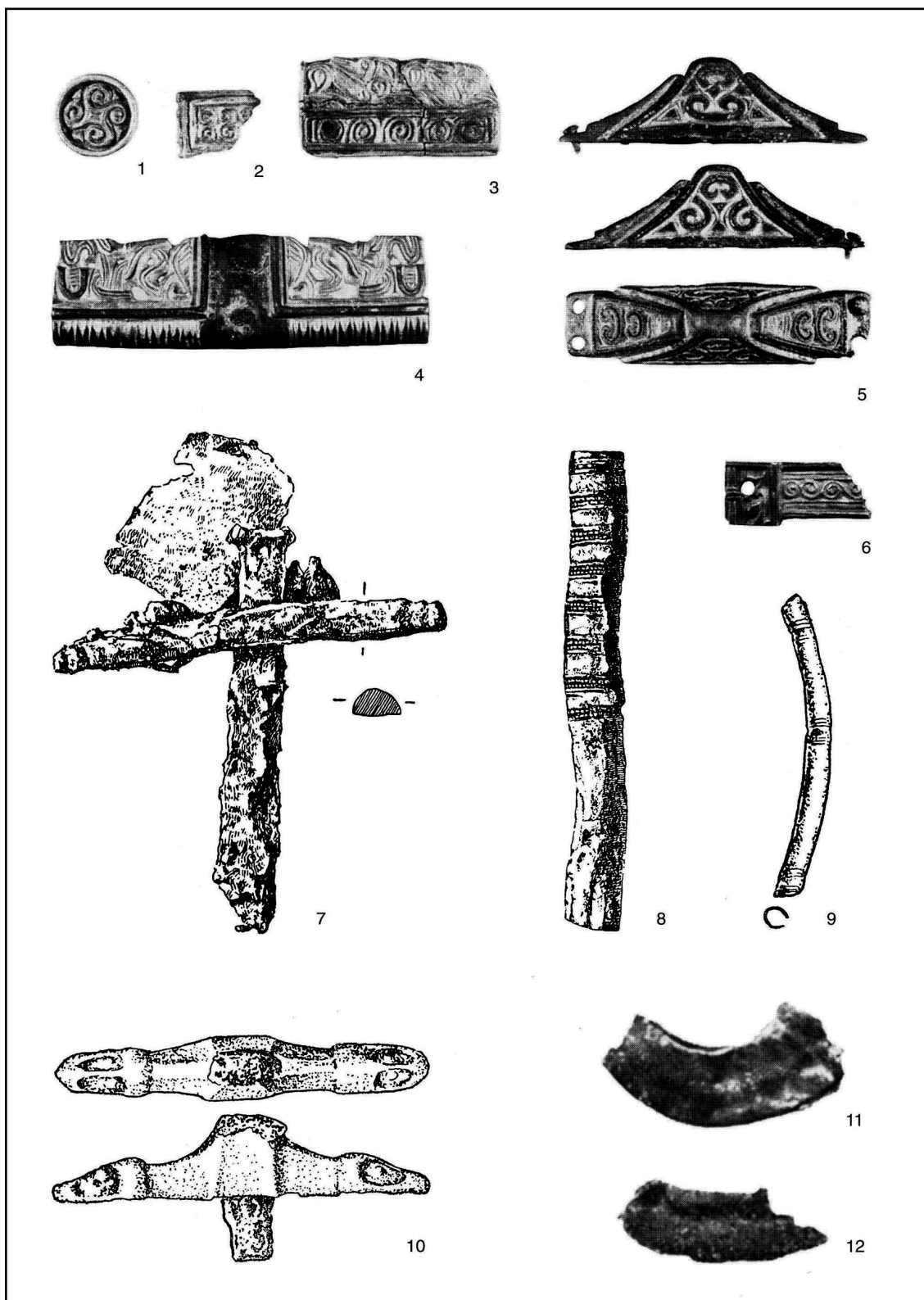

Рис. 45. Детали мечей скандинавского происхождения, найденные в Эстонии (Quast 2004).
1—5 — Прооза; 6 — Лихула; 7, 8 — Киримяз; 9, 10 — Пайю; 11 — Лагеди; 12 — Оявески.

на эстонской территории в эпоху переселения народов налицо.

Рассмотрим на этом фоне распространение в Эстонии в V—VI вв. скандинавских (рис. 43—44) и балтских вещей (см. сводку

скандинавских находок в Эстонии: Quast 2004: 274—276, Abb. 21; балтских вещей см. Moora 1929; 1938; Bitner-Wróblewska 2001). Те и другие типы находок, как и в Финляндии, могут характеризовать степень проникновения ино-

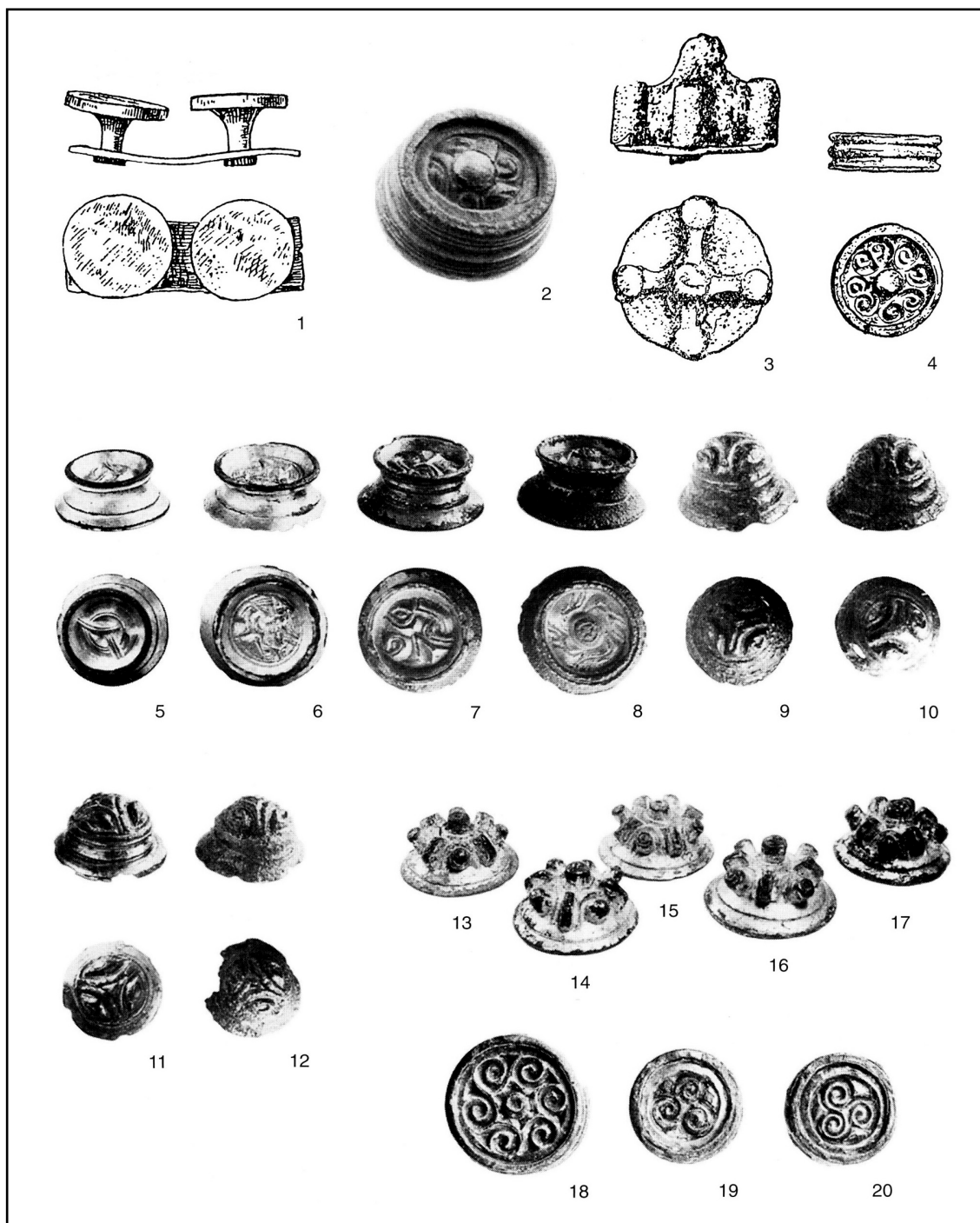

Рис. 46. Застежки-«пуговицы» скандинавского происхождения, найденные в Эстонии (Quast 2004).
1 — Ябара Б; 2 — Эхмяя; 3, 4 — Пайю; 5—20 — Прооза.

родных элементов в регион в эпоху переселения народов.

Памятники о. Сааремаа представляют собой наиболее западную из североэстонских групп. Как уже говорилось, остров был слабо заселен в римское время. Зато здесь очень многочисленны раннесредневековые каменные могильники (Вассар 1956: 202; Laul 1985: 76, Abb. 8; Mägi 2006: fig. 1), отмечены каменные «домики мертвых» (Mägi 2006: 53, 54).

Это, несомненно, свидетельствует об увеличении населения Сааремаа в раннем средневековье (Моора 1956: 123). Культура Сааремаа с V в. приобретает самобытные черты (Вассар 1956: 202). Один из могильников, в Пайю, на западном побережье, скорее всего, отражает существование здесь какого-то центра власти. По крайней мере, здесь отмечены находки «парадного» оружия, свидетельствующие о формировании воинских элит. Это на-

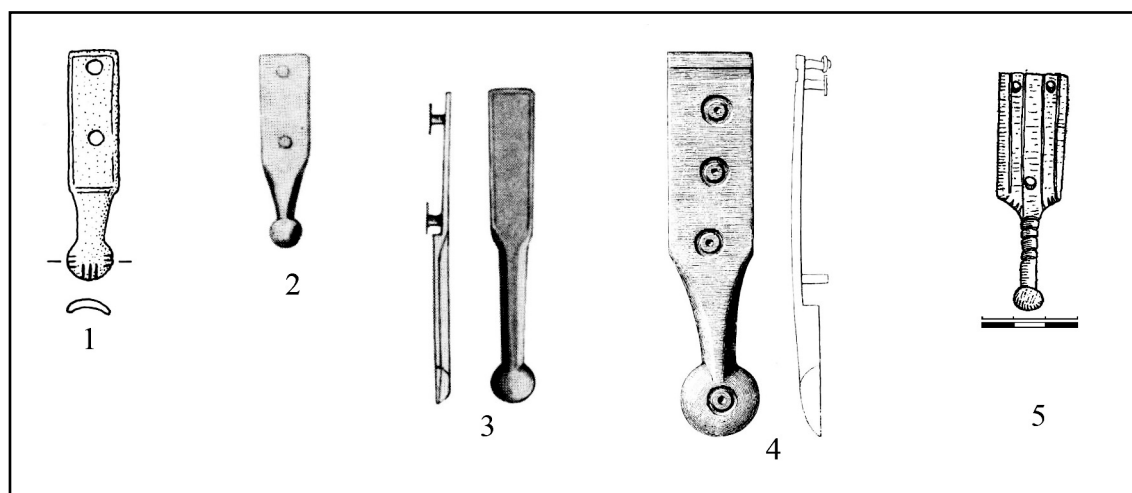

Рис. 47. Наконечники поясов «готландского» типа (1—4 — Quast 2004; 5 — Митрофанов 1978).

1 — Кунигусте; 2, 3 — Стора Хестнес (Stora Hästnäs); 4 — Готланд; 5 — Лабенщина.

вершие меча уже упоминавшегося южноскандинавского типа Кнарремозе (рис. 45: 9, 10) (Tamla, Janits 1977: Abb. 2: 8; Quast 2004: 261, № 12, Abb. 14: 10). Встречены здесь и другие скандинавские вещи, как, например, пряжки с заостренной передней частью кольца (Tamla, Janits 1977: Abb. 3: 5; Mägi 2006: fig. 5), имеющие параллели на Готланде периода VI:1 (Nerman 1935; Lilla-Bjerges, № 13: Taf. 14: 161; Stora Hästnäs, № 116: Taf. 13: 162), скандинавские «пуговицы» среднешведского или готландского происхождения (рис. 46: 3, 4) (Tamla, Janits 1977: Abb. 1: 8; Quast 2004: № 12, Abb. 13: 3, 4).

Интересно, что в той же части острова найдены две золотые монеты, остающиеся пока единственными для Эстонии: солид Феодосия II из Вилсанди (Vaik-Filsandi) (Кропоткин 1961: № 1507) и солид Валентиниана III в Пайю (Кропоткин 1961: № 1514). Из той же части острова, а именно из Люманда, происходит и единственная в Эстонии трехпалая фибула дунайской традиции, дериват типа Сокольнице (Tallgren 1926: Abb. 42; Quast 2004: 265, Abb. 18: 1).

В противоположной, восточной части острова, в Кунигусте (Kuninguste) найден ремешковый наконечник (рис. 47: 1) (Quast 2004; № 6, Abb. 15: 1), имеющий параллели на Готланде (рис. 47: 4) (Quast 2004: Abb. 15: 2—4), в кургане 2 могильника Хегом в Норрланде (Ramqvist 1992: pl. 75: 19), близ устья Вислы в вельбаркском могильнике Пруц Гданьский-5 (Quast 2004: Abb. 17: 1) и, как мы увидим ниже, в Рвяля. Мне также известна находка похожего наконечника в Белоруссии (рис. 47: 5) (см. ниже). Скандинавское происхождение этих наконечников, предполагаемое Д. Квастом, представляется несо-

мненным (Quast 2004: 263). Типичные готландские, по Б. Нерману, наконечники позднего V в. были найдены еще в ряде пунктов на Сааремаа, в Пила, Уппа, Иллпа (Pila, Uppa, Ilpla; Nerman 1929: Abb. 25—28).

Попадают на Сааремаа и западнобалтские вещи, такие, как фибулы с кольчатой гарнитурой из Пайю и Лепна (рис. 38) (Tamla, Janits 1977: Abb. 10: 1; Mägi 2006: fig. 5) или же фибулы типа Доллькайм/Коврово (рис. 23) (Bitner-Wróblewska 2001: fig. 7, № 380; Mägi 2006: fig. 5).

Напомним, что слабую заселенность Сааремаа в предыдущую эпоху эстонские археологи объясняют его малой пригодностью для развития земледелия. Можно предположить, что рост населения здесь в эпоху переселения народов и появление на Сааремаа какого-то центра в Пайю объясняется не успехами аграрной экономики, а выгодным положением Моонзундского архипелага на морских торговых путях эпохи переселения народов. Это заставляет более критично относиться к точке зрения У. Несмана (см. выше) о незначительной роли трансбалтийских контактов.

Все сказанное относится и к западной части материковой Эстонии, к области Лянемаа. Она также была слабо заселена в римское время, и многочисленные каменные могильники раннего средневековья фиксируют демографический рост начиная с эпохи переселения народов (Laul 1985: 76, Abb. 8; Mandel 1995; Mandel 2003). Как и на Сааремаа, здесь появляются «престижные» предметы вооружения. Это, в частности, детали скандинавского меча из грунтового могильника в Кирымяз (рис. 45: 7, 8) (Quast 2004: № 5, Abb. 14: 7—9), а также на могильнике Лихула (рис. 45: 6) (Quast 2004: № 8, Abb. 14: 6). В целом оружие (ко-

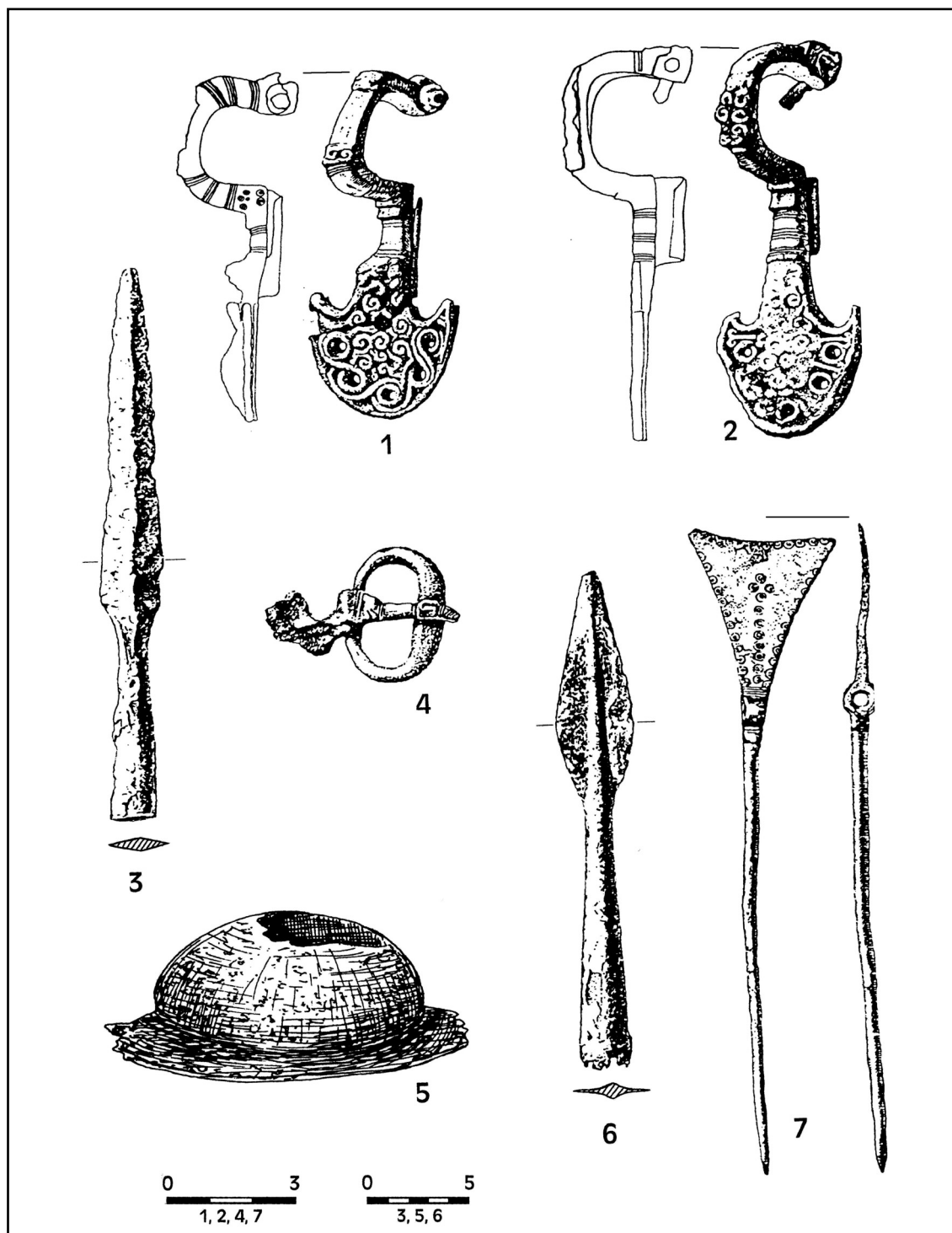

Рис. 48. Погребение в Киримяэ (Bitner-Wróblewska 2001).

пья, умбоны щитов) и конское снаряжение хорошо представлены на могильниках Лихула, Киримяэ (рис. 48) и Эхмья (см. подробнее Mandel 2003).

На каменном могильнике в Лихула найдены скандинавские пряжки с заостренным кольцом (Mandel 1976: Taf. 6: 6; Mandel 2003: Taf. 2: AM 478, 6); скандинавские ременные наконечники типа, найденного на Сааремаа (Mandel 1976: Taf. 6: 9, 10; Mandel 2003:

Taf. 2: AM 478, 106), удила с трехчастными грызлами (Mandel 1976: Taf. 6: 12; Mandel 2003: Taf. 2: AM 478,170), вещи первого звериного стиля (Quast 2004: 261, № 8, Abb. 14), уже упоминавшиеся детали скандинавского меча (рис. 45: 6). Отметим и находку скандинавской «пуговицы» в некрополе Эхмья (рис. 46: 2) (Ehmja «Vartemägi»: Mandel 2003: Taf. 6: AM 554, 752; Quast 2004: № 1, Abb. 13: 2), где также найдены удила с трехчастны-

ми грызлами (Mandel 2003: Taf. 6: AM 554, 286, 287). Известны в Лянемаа и гривны типа Андерссон R 300 (Moora 1938: 339, 341), а также типично западнобалтские вещи, такие, как фибулы типа Доллькайм/Коврово и фибулы с перфорированной лопатковидной ножкой (рис. 48: 1, 2) (Киримяэ: Bitner-Wróblewska 2001: fig. 7, 11d, № 352) и фибулы с кольцевой гарнитурой (Киримяэ: Tallgren 1926: Abb. 9).

Все эти находки концентрируются вдоль берега Моонзундского пролива, что свидетельствует об их связи с морскими коммуникациями. Видимо, в районе Киримяэ-Лихула закрепляется какая-то милитаризованная группа, с отчетливыми следами скандинавских и балтских импульсов в материальной культуре, которая и контролирует пролив.

На южном побережье Финского залива, в Рявяла (Laul 1985: 76, Abb. 8) в эпоху переселения народов еще функционируют некоторые могильники с оградками, как, например, могильник в Курна, где известны вещи и более позднего времени (Шмидехельм 1995: 145). Но в целом, похоже, доминируют каменные «аморфные» могильники. Концентрация «престижных» элементов воинского убора на некоторых могильниках, например, Прооза (могильник с оградками III—V вв. и каменный могильник V—VI вв.), к востоку от Таллинна на р. Пирита (Lang 1996: 176—197), явно свидетельствуют о кристаллизации воинских элит. Интересно отметить, что это «парадное» вооружение, как и некоторые металлические элементы убора, отчетливо фиксируют контакты со Скандинавией. Так, на могильнике Прооза (Quast 2004: № 15) были обнаружены 16 скандинавских металлических «пуговиц» (рис. 46: 5—20), скорее всего, происходящих из Свеаланда или с Готланда (Deemant 1977: Taf. 7: 4—7; Selirand, Deemant 1985: 244, 246, 247, Abb. 4—7, 8: 1; Седов 1987: 17; Lang 1996: tav. 50: 4—15; Quast 2004: 257—261), скандинавские зооморфные пряжки, напоминающие находки в южной Швеции и в южной Норвегии (Deemant 1977: Taf. 7: 1; Selirand, Deemant 1985: 249, Abb. 10; Lang 1996: tav. 50: 16; Quast 2004: 258, 259), декор меча (Selirand, Deemant 1985: 248, 249, Abb. 8: 4, 9), крестообразная гарнитура (Selirand, Deemant 1985: 249, 250, Abb. 11; Lang 1996: tav. 50), подобная найденной в Хельгё (Vierck 1967: Abb. 1: 5), а также в южной Норвегии и южной Швеции (Quast 2004: 258). Отметим также элементы декора меча, в частности, навершие (рис. 45: 5) уже упоминавшегося типа Брайтхемптон-Сигли (Selirand, Deemant 1985: 248, Abb. 5; Lang 1996: tav. 50: 17), которое, как

и в Финляндии (см. выше), указывает на дальние меровингско-англосаксонские связи.

Эстонские археологи полагают, что в данном случае речь идет о скандинавской колонии второй половины V — первой половины VI вв. (Selirand, Deemant 1985: 251). Такое предположение кажется вполне вероятным, особенно если учесть роль Таллиннской бухты на морских путях из Скандинавии в Прибалтику (см. выше), а стало быть, и притягательность региона Рявяла для скандинавов. Непонятно, правда, почему гипотетические скандинавские колонисты решили погребать своих умерших по местному обряду. Может быть, это всё же местная финская группа, усвоившая элементы престижной культуры? Отметим, что, как и в Финляндии, детали «парадной» воинской группировки соответствуют южноскандинавским и северо-морским стандартам, в то время как металлические «пуговицы» указывают скорее на Готланд и среднюю Швецию.

На могильнике Хагери Микури (Hageri Mikuri) зафиксированы два каменных концентрических круга (Tallgren 1922: Abb. 18), подобные известным в скандинавских и вельбаркских некрополях римского времени (тип 3 по Р. Волонгевичу: Wołagiewicz 1986: 67: Abb. 6: 3) а также на о. Сааремаа и в Лянемаа (Вассар 1956: 196, 197, рис. 33, 34). Здесь, среди прочих вещей, обнаружен характерный ремешок наконечник (Tallgren 1922: Abb. 17: 3), подобный найденному на о. Сааремаа.

Возможно, к эпохе переселения народов относятся и многовитковые перстни, имеющие скандинавские прототипы, из Лагеди (Quast 2004: № 7, Abb. 10: 9), Мойгу-Пеетри (Quast 2004: № 10, Abb. 10: 3), Саха (Quast 2004: № 16, Abb. 10: 8), Виимси (Lang 1996: joon. 58: 1—3, 5, 6), а также бутероль ножен меча из Лагеди (Quast 2004: № 7, Abb. 14: 11). Впрочем, многовитковые перстни широко распространены в Прибалтике и в римское время, а фрагмент бутероли из Лагеди недостаточно выразителен. Стоит назвать и гривны с заходящими друг на друга концами типа Андерссон R 300 (см. выше), происходящие из Уури (Uuri, Krsp. Kuusalu: Moora 1938: 339) и из Виимси (Lang 1996: joon. 56: 2). Конечно, эта гривна может быть и южнобалтийской по происхождению, но в целом вещей, происходящих из балтской среды, найдено в Рявяла не так много. Это, например, фибулы с кольцевой гарнитурой из Прооза (Deemant 1981: Taf. 5: 1, 2; Lang 1996: tav. 49: 1, 4; Bartašius 2000: Abb. 6) или из могильника Виимси (Lang 1996: joon. 55: 1—4), а также фибулы, близкие типу Доллькайм/Коврово, из Прооза (Lang

1996: joon 66: 1, 2). Интересно отметить присутствие на могильнике Виимси фибулы явно южнобалтийского происхождения, с лопатковидной ножкой и кнопкой (Lang 1996: joon. 55: 5). Подобные фибулы с кнопкой известны для ранней фазы эпохи переселения народов, скорее всего, для периода D2, в Померании (ср. Bitner-Wróblewska 2001: pl. 37: 1).

В северо-восточной Эстонии, в области Вирумаа, в начале средневековья демографическая ситуация по сравнению с римским временем существенно не меняется (Шмидехельм 1956: 179, 180). Здесь, в частности, в нижнем течении р. Прутсе, некрополи с трупосожжениями в каменных оградках также «доживают» до эпохи переселения народов (Шмидехельм 1955: 225), хотя с V в. на них доминируют индивидуальные погребения, в том числе труположения в краевой насыпи могильников (Ябара, Пада, Кохтла-Ярве: Шмидехельм 1955: 110, 126, 127, 134, 135, рис 55; Шмидехельм 1956: 178). В редких случаях, как на могильнике в Оявески, погребения в каменных оградках совершались и в последующее время, вплоть до VIII—IX вв. (Шмидехельм 1955: 144, 145). Иногда, как, например, на могильнике Ябара С, сложно сказать, совершались ли здесь захоронения в эпоху переселения народов или же найденные в оградках предметы этого времени представляют собой жертвоприношения более позднего времени (Шмидехельм 1955: 73, 89, 90).

Вещи скандинавского происхождения эпохи переселения народов в Вирумаа менее выражены, чем в более западных группах, нет здесь и «престижных» воинских погребений, свидетельствующих о выделении воинской элиты. На могильнике Ябара к скандинавским вещам эпохи переселения народов отнесены многовитковый пластинчатый перстень и металлические заклепки (Quast 2004: № 2. Abb. 10: 1, 2; 13: 1). Подобный пластинчатый многовитковый перстень происходит и из могильника Тюрсамяэ (Quast 2004: № 18, Abb. 10: 10). В Оявески, возможно, в курганном погребении найден язычок антропоморфной пряжки и фрагмент бутероли ножен меча (рис. 45: 12), оба, по Д. Квасту, относятся к числу скандинавских вещей эпохи переселения народов (Quast 2004: № 11, Abb. 12: 3; 14: 12). Это единственные вещи, которые в Вирумаа могли бы свидетельствовать о наличии элементов «дружинной» воинской культуры. Гривны типа Андерссон R 300 найдены в Лиимала (Liimala, Krsp. Lügänuuse: Moora 1938: 325, 340, 341,

Abb. 41: 4) и в Пагари (Pagari, Krsp. Jõhvi: Moora 1938: 339). Возможно, к эпохе переселения народов относятся, хотя бы частично, болотные находки в Кунде и Алулинна (Aspelin 1884: fig. 1732—1740; Lõugas 1985: 57; Tamla 1995). Они, во всяком случае, очень напоминают скандинавские воинские жертвоприношения (об их воинском характере см. Пkjær 1995).

Датировать эти эстонские находки трудно, но подобные вещевые «клады» типичны для южного побережья Балтийского моря в V—VI вв., точнее, для региона Мекленбурга (Schwaan, Demmin: Geisslinger 1967: 98—107, Karte 16: № 382, 383, 388), а также для Готланд (Äfversta: Tillväxten 1902). В Средней Эстонии, в области Ярвамаа (Järvamaa), к северо-западу от территории Вайга, в Рикассааре найден клад из 54 копий и 7 боевых ножей, отнесенный к VI в. (Mandel, Tamla 1977; Tamla 1995). Наконец, в Восточной Эстонии такой же клад найден в Игавере (Tamla 1995). Подобный клад известен и в Латгалии, в Подвинье: Мукакална (Mūkukalna) (копья, топоры, сельскохозяйственные орудия, дата около 500 г.: Urtans 1977: № 21). Такие же находки известны и в Курземе: в Вецмокас (Vecmokas) (топоры, копья, украшения, сельскохозяйственные орудия, его дата VI в.: Urtans 1977: № 26), в Русиши (копье, шпоры, сельскохозяйственные орудия, удила, украшения, дата — около 500 г.: Urtans 1977: № 22), Коку Муйжа (Koku muiža/Dobelsberg) I и II (многочисленные копья, топоры, орудия труда, меч: Aspelin 1884: fig. 1848—1862; Moora 1929: 71—78; Urtans 1977: № 18, 19). Выстраивается как бы цепочка кладов железных изделий: Мекленбург — Готланд — Курземе — Латгалия — Эстония.

Зато в Вирумаа достаточно хорошо представлены балтские вещи. Фибулы типа Шонварлинг, частые в Пруссии и западной Литве, отмечены на могильнике Кохтла-Ярве 1 (Bitner-Wróblewska 2001: fig. 3, № 356). Интересно, что в Прибалтике этот тип не распространяется к северу от Западной Двины, он редок даже в Курземе (рис. 22). В Вирумаа эти фибулы, видимо, попадают морским путем. Фибулы с кольцевой гарнитурой известны, в частности, в Тырма (Шмидехельм 1955: рис. 37: 7), Ябара В (Шмидехельм 1955: рис. 17: 8), Кохтла-Ярве 1 (Шмидехельм 1955: рис. 32: 7) (всего 7 пунктов в северо-восточной Эстонии: Bartašius 2000: Abb. 6). Здесь также обнаружены балтские фибулы типа Доллькайм/Коврово (Bitner-Wróblewska 2001: fig. 7), фибулы с перфорированной лопатковидной ножкой (Bitner-Wróblewska 2001: fig. 11 d) и одна фибула с расширенной

звездчатой ножкой (Оявески: Bitner-Wróblewska 2001: fig. 11 b, № 365). Среди других находок балтских вещей необходимо отметить булавки с коленчато изогнутым навершием (Оявески: Шмидехельм 1955: рис. 36: 3). Наконец, в Вирумаа, в Кейла (Укснурми) найдены удила с трехчастными грызлами (Aspelin 1884: 330, fig. 1744) (о них см. выше).

Как и в Финляндии, для Вирумаа археологически фиксируются связи с населением лесной зоны России. Правда, найденные здесь восточные вещи относятся либо к римскому периоду, как эполетообразное украшение пьаноборского типа из Ябара (Шмидехельм 1955: рис. 24: 1), либо ко времени не ранее развитого VII в., как неволинский «геральдический» наконечник пояса из Оявески (Шмидехельм 1955: рис. 25: 3). Вещи же эпохи переселения народов восточного происхождения пока в Вирумаа не найдены. К VI—VII вв. обычно относят топоры «центральнорусского» типа из болотной находки в Кунде (Lõugas 1985: 58, Abb. 2: 6—12), но, как уже отмечалось для финляндских находок, их дата шире (см. выше).

Итак, на материалах Северной и Западной Эстонии четко видны контакты с Южной Прибалтикой и Скандинавией, скорее всего, поддерживавшиеся морским путем. Показательно, что скандинавские импорты, а также памятники, отражающие появление воинских элит, отмечены прежде всего для наиболее западных территорий: Сааремаа, Лянемаа, Рвяяла. В то же время в Вирумаа, судя по археологическим памятникам, игравшему большую роль в римское время, скандинавское влияние выражено гораздо слабее. Военизированные группы с элементами престижной скандинавской культуры концентрируются вдоль эстонского побережья: Прооза, Пайю, Лихула, Киримяэ. Как уже говорилось выше, это очень напоминает ситуацию в польском Поморье (Глувчице, Фридрихшталь) или в Восточной Пруссии (Варникам/Первомайское, Экриттен/Ветрово), где также зафиксированы подобные военизированные группы V—VI вв., привязанные к побережью. К сожалению, состояние хронологии эстонских древностей пока не позволяет зафиксировать момент, когда появляются памятники с культурными элементами воинской элиты. Пока что создается впечатление, что их возникновение — середина V в. — более или менее совпадает по времени с выдвиганием регионов Готланд и Свеаланда на ведущие места в трансбалтийских связях.

Рассмотрим теперь ситуацию в южной Эстонии и в Видземе. Этот регион важен для нас потому, что здесь проходили, как мы увидим, важные речные пути, связывающие Балтику (точнее, Рижский залив) с системой озер Псковщины.

Лучше всего изучена Юго-Восточная Эстония, соответствующая исторической области Уганди времени крестовых походов (Laul 2001). Здесь в начале средневековья происходят очень важные изменения: количество каменных могильников резко сокращается в V в. (Laul 2001: 272), грунтовые погребения с каменными конструкциями концентрируются в западной части Уганди, ближе к озеру Выртсъярв, а на востоке области распространяются длинные курганы (Аун 1992: рис. 1). Сразу же подчеркнем, что до появления длинных курганов эта часть Уганди, с песчаными почвами, малопригодными для земледелия, была заселена слабо. Отмечено, что длинные курганы явно ориентируются на бассейн Чудского и Псковского озер (реки Кяэпа, Ахья, Выханду, Пиуза) (Лаул 1982: 92, 93). В принципе, дерново-подзолистые почвы юго-восточной Эстонии подходили для подсечного земледелия, но не способствовали развитию животноводства, поэтому подсека еще долго оставалась здесь ведущей формой земледелия (Laul 2001: 275, 276).

Южная Эстония в течение всего римского времени и средневековья являлась зоной финно-балтских контактов. В Уганди хорошо фиксируются связи с Видземе и Земгалией. Оттуда в Эстонию поступают цветные металлы, заимствуются типы украшений — арбалетные фибулы, гривны с заходящими концами, браслеты с треугольным сечением, типичные для балтов на территории Латвии (Аун 1992: 156, 157; Laul 2001: 272, 275). При этом балтские импорты в начале средневековья концентрируются в зоне каменных могильников, их гораздо меньше в зоне длинных курганов, которые с эпохи переселения народов распространяются в Юго-Восточной Эстонии (Аун 1992: 157). В латышском языке названия *Igaunia*, *Igeunis*, *Ungaunia* означают Эстонию и эстонцев, как в финском *Virolainen*, то есть житель Вирумаа (Попов 1973: 74). Эти языковые данные позволяют предположить, что традиционно контакты населения Эстонии с балтами осуществлялись через Уганди, а с Финляндией — через Вирумаа. О последнем обстоятельстве свидетельствуют и находки в Финляндии вещей римского времени, происходящие из Северо-Восточной Эстонии (Шмидехельм 1955: 222).

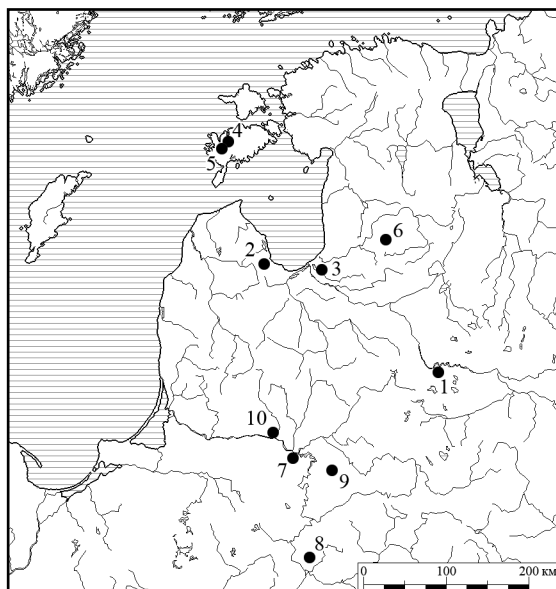

Рис. 49. Находки монет последней трети IV — первой половины VI вв. в Прибалтике к востоку от Немана и на сопредельной территории Белоруссии.

1 — Браслав; 2 — Энгуре; 3 — Разас; 4 — Вилсанди; 5 — Пайю; 6 — Яунземе; 7 — Каунас; 8 — Гродно; 9 — Кашетос; 10 — Вилюона.

Интересно отметить, что в Эстонии балтские фибулы встречены только в могильниках с каменными конструкциями или в кладах с этой территории, но ни разу надежно не зафиксированы в длинных курганах. Это застежки типа Доллькайм/Коврово (Unipiha: Bitner-Wróblewska 2001: fig. 7; Laul 2001: joon. 45: 5), арбалетные фибулы со звездчатой ножкой (Pikkjärve I, Virunika: Bitner-Wróblewska 2001: fig. 11 в; Laul 2001: joon. 44), в том числе «звездчатые» с чешуйчатым декором, редкие за пределами Самбии (Pikkjärve I: Bitner-Wróblewska 2001: fig. 12; Laul 2001: joon. 46: 1), арбалетные фибулы с лопатковидной перфорированной ножкой (Unipiha: Bitner-Wróblewska 2001: fig. 11 d; Laul 2001: joon. 46: 4), летто-литовские дериваты фибул типа Сенсбург/Мронгово (Pikkjärve I: Bitner-Wróblewska 2001: fig. 16 d; Laul 2001: joon. 46: 2). Попадают сюда, скорее всего, из Восточной Литвы и редкие центрально-европейские фибулы типа Прага (Laul 2001: joon. 45: 3; о них см. Schulze-Dörrlamm 1986: 600—605).

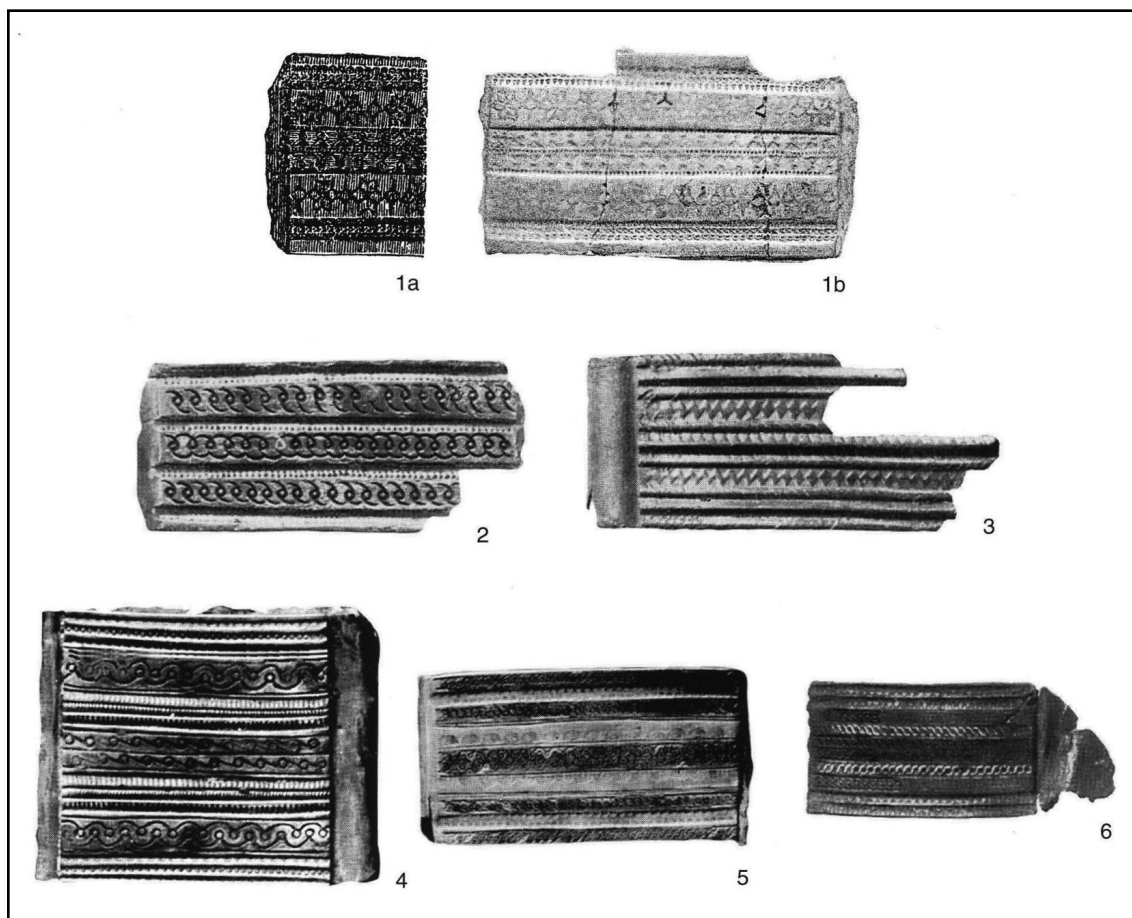

Рис. 50. Параллели находке деталей ножен меча из Пиккярви (Quast 2004).

1 — Пиккярви (Pikkjärve); 2 — Холтан (Holtan); 3 — Эвре Вейен (Øvre Veien); 4, 5 — Нюдам (Nydam); 6 — Крагехул (Kragehul).

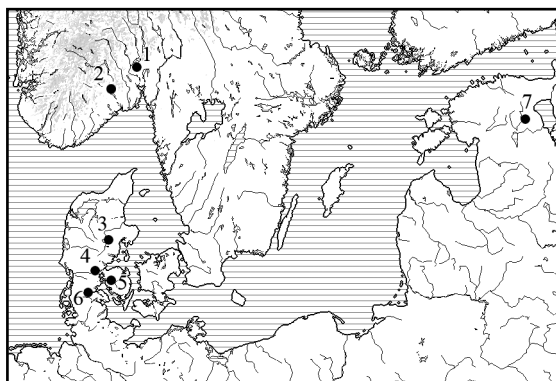

Рис. 51. Распространение деталей ножен меча, аналогичных находке в Пиккярви (по Quast 2004).

1 — Эвре Вейен (Øvre Veien); 2 — Холтан (Holtan); 3 — Даллеруп (Dallerup); 4 — Эйсбол (Ejsbøl); 5 — Крагехул (Kragehul); 6 — Нюдам (Nydam); 7 — Пиккярви (Pikkjärve).

Балтские фибулы с кольцевой гарнитурой известны в Уганди по находке в составе одного из двух кладов, обнаруженных в Паали (Аун 1992: табл. 53: 3, 5), где они соседствовали с балтийскими фибулами периода Е, или пятой балтийской фазы по А. Битнер-Врублевской, то есть VI—VII вв. Возможно, эти фибулы поступали в южную Эстонию через Земгалию (ср., например, уже упоминавшуюся фибулу в некрополе Плявниекалнс, под Ригой: Моора 1929: Taf. 9: 10; LA 1974: 41.4.att.). Возможность попадания фибул с кольчатой гарнитурой в Южную Эстонию через Гаюю подтверждает и находка такой фибулы в Странте (см. выше). Видимо, в эпоху пересе-

ления народов, как и в предшествующее время (см. выше), работала речная дорога по Гаюе (Моора 1938: 646, Abb. 91). Возможно, с функционированием речного пути по Гаюе в эпоху переселения народов связан и малоизвестный клад в Яунземи (Jaunzemju), где якобы найдены монеты с 337—350 по 395—408 гг. (рис. 49) (Кропоткин 1961: 103, № 1504; LA 1974: 62, № 16, 124 att.).

Известны в зоне каменных могильников Уганди и вещи скандинавского происхождения, сравнительно недавно изученные Д. Квастом (Quast 2004). Это, в первую очередь, декор ножен меча, обнаруженный в Пиккярви (Pikkjärve) (рис. 50: 1), параллели которому отмечены в Дании, в меньшей степени в южной Норвегии (Quast 2004: 243—248, № 14, Abb. 4) (рис. 50: 2—6; 51). В этой же зоне находятся и уже упоминавшиеся два клада в Паали. Клад Паали 2/Камбья, найденный севернее каменной стенки ограды могильника, содержал гарнитуру пояса скандинавского типа (рис. 52: 1) (Аун 1992: табл. 54; Quast 2004: 263, 264, № 3, Abb. 16). Эта гарнитура имеет, как отметил Д. Кваст, хорошие параллели в готландском материале периода VI: 1 (рис. 52: 2—5) и в устье Вислы, а также в Финляндии, Свеаланде, Норрланде (см. выше). В том же кладе найдена пряжка с удлиненным зооморфным щитком (ср. Nerman 1935; Lilla-Bjerges: № 14, Taf. 13: 143) и заостренным кольцом (о них см. выше, по поводу находок в Пайю). Наконец, из кла-

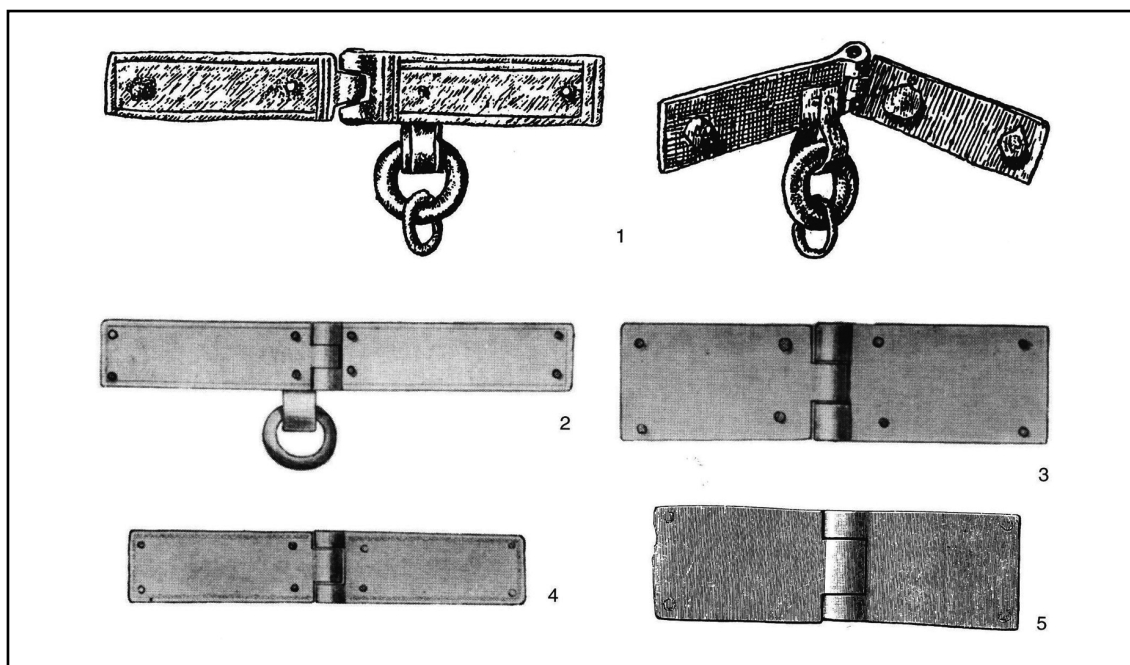

Рис. 52. Скандинавская поясная гарнитура из Эстонии (1) и ее готландские параллели (Quast 2004).

1 — Камбья; 2 — Барсхалдерсхед; 3, 4 — Энгес; 5 — Хавор.

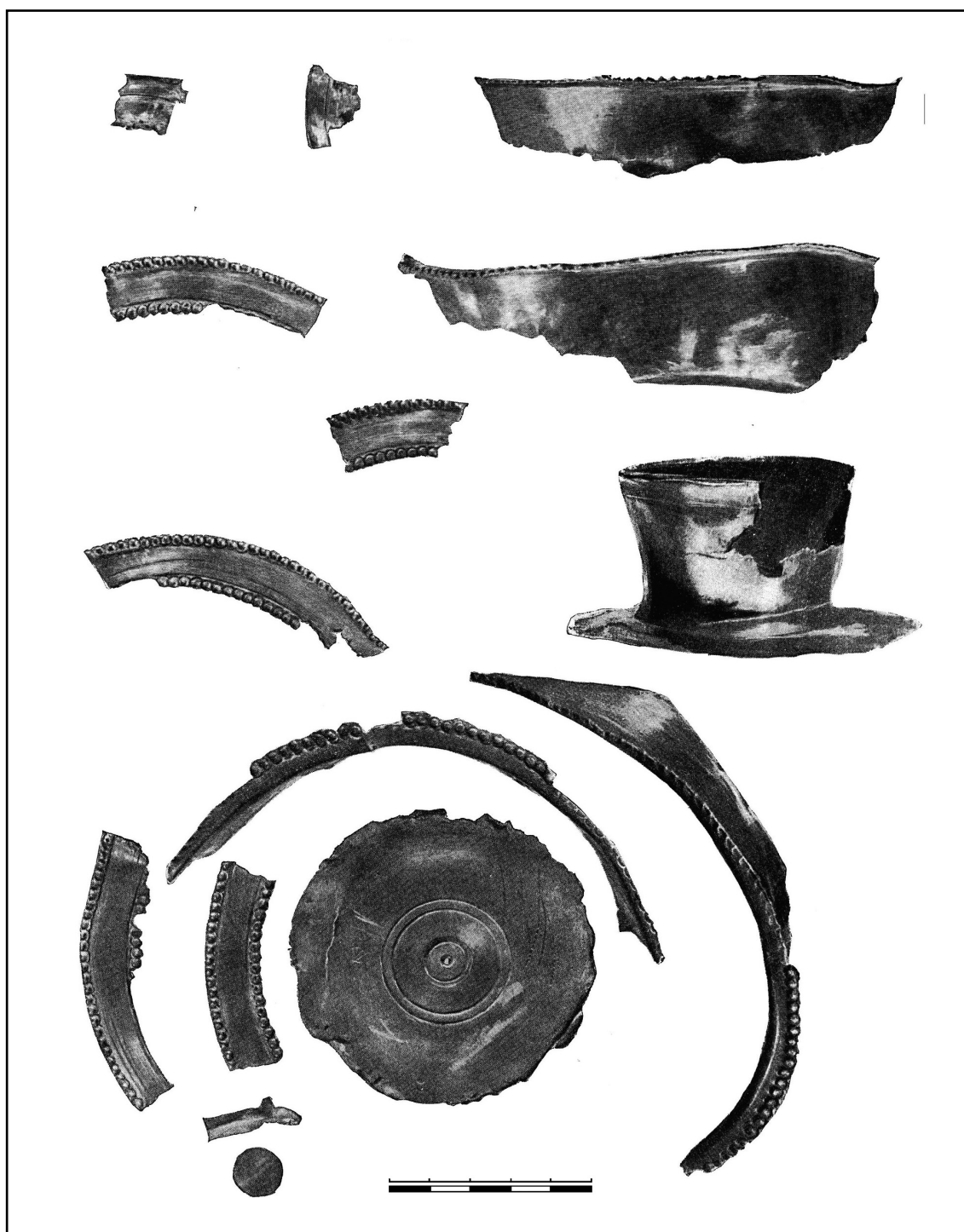

Рис. 53. Фрагменты ранневизантийского сосуда из Криймани (Кропоткин 1970).

да 1 в Паали, найденного под камнем, на территории каменного могильника, происходят гривны скандинавско-южнобалтийского типа Андерссон R 300 с заходящими концами (Аун 1992: табл. 51: 4, 5).

Особое внимание надо уделить группе кладов, найденных на северной окраине Уганди, в земле Иоентага и на южной границе земли Вайга (последнее название лингвисты ассоциируют с водью древнерусских летопи-

сей: Моора 1954 а: 117). В первую очередь назовем находку в Криймани, в нижнем течении р. Эмайыги, где под кучей камней были обнаружены обломки византийского серебряного сосуда (Кропоткин 1970: № 746; Аун 1992: 142). Это чаша на ножке с «жемчужным» орнаментом по бортику (рис. 53). Еще один сосуд, аналогичный по форме чаше из Криймани, был найден в Варнья, к северу от устья Эмайыги (Аун 1992: 142).

Серебряные и бронзовые чаши с «жемчужным» орнаментом на довольно высокой ножке известны в контексте как V в. (см., напр.: погребение гуннского времени Павловка, на Дону: Кропоткин 1970: № 74, или одно из погребений могильника Брени в Пикардии: Kazanski 2002: pl. 52: 2, 59: 3, 66: 6), так и развитого VI в. (см., напр.: могила 118 некрополя Виминациум 2 в Сербии: Ivanišević et al. 2006: pl. 15). Подобные сосуды, но на низком поддоне, известны в погребениях позднего IV — первой половины V вв. (Засецкая 1993: № 6, 182). В.В. Кропоткиным было высказано предположение, что чаша из Криймани происходит из каменного могильника. Однако в эстонских каменных могильниках металлическая посуда неизвестна, зато в значительном количестве встречаются предметы убора из недорогих цветных металлов, которых вроде бы нет в Криймани. Поэтому предположение М. Аун о том, что речь идет все-таки о кладе, мне представляется более обоснованным (Аун 1992: 143).

В Кардла, на р. Эмайьги, в 11 км к северо-востоку от Тарту, на территории каменного могильника, найден клад под камнем, в котором присутствуют гривны и браслеты, в том числе скандинавско-балтийские гривны с заходящими концами, одна из них золотая (Moora 1938: Abb. 40: 2; Аун 1992: 138, 139). Такие гривны попадали сюда с юга, из Латвии, как показывают, в частности, находки в Пилтене, в Западном Курземе (Moora 1938: 341, Abb. 40: 1), в Салгале, Маз-Роти (Maz-Roķi) под Елгавой (Moora 1938: 341), в Плявниекалнс на Западной Двине (Moora 1929: Taf. 20: 1) или в Кишукалнс в восточной Латгалии (Urtans 1977: 153, № 27).

Странный клад найден в 1930 г. в Пиилси, близ северо-западной оконечности Чудского озера (Moora 1935). Отметим, что в этом районе, кажется, нет ни захоронений типа «Таранд» с каменными оградками, ни каменных могильников (Шмидехельм 1956: рис. 29). Он зарыт, как считается, в первой половине — середине V в., на это четко указывает находящаяся в нем фибула со «звездчатой» ножкой типа V (Moora 1935: Abb. 5: 3; Bitner-Wróblewska 2001: 188, № 370). Из того же клада происходит гривна скандинавского типа с лопастью (Moora 1935: Abb. 7: 1; Quast 2004: 275, № 13)²² и гривна с расширенными заходящими концами типа Страгард-Хаммерсдорф (Moora 1935:

Abb. 5: 1; Moora 1938: 339), Но в то же время в этом кладе найдена ранняя эмалевая подковообразная фибула (Moora 1935: Abb. 8; Корзухина 1978: 79, № 166) и северэстонская «глазчатая» фибула (Moora 1935: Abb. 6: 5; 10: 1), типичные, как отметил Х. Моора, для Вирумаа римского времени (Moora 1935: 295; о «глазчатых» фибулах см. Nowakowski 1998). Может быть, это клад ремесленника, где древние вещи представляют собой лом для переплавки? По крайней мере, так предполагает В. Новаковский (Nowakowski 1998: 122). Но в этом кладе нет обычных для такого рода кладов орудий труда, полуфабрикатов, заготовок и пр.

Сокрытие кладов под камнями характерно для северогерманской традиции с эпохи бронзы и до эпохи викингов. Особенно отчетливо эта традиция выступает на о. Борнхольм (Geisslinger 1967: 32, 33). Но такие клады под камнями в эпоху переселения народов известны и в других частях циркумбалтийского региона, например, в Померании (Godłowski 1981: 92). Разломанная (видимо, в ритуальных целях) серебряная посуда римского происхождения также достаточно хорошо известна в балтийских кладах скандинавской традиции (см. выше) (рис. 5). В Эстонии, правда, основная часть кладов связана с каменными могильниками, что скорее свидетельствует об их принадлежности местному финскому населению, как полагает М. Аун (Аун 1992: 143). Однако присутствие в их составе скандинавских вещей и помещение вещей под камни позволяет всё же предполагать некое скандинавское влияние, выразившееся в характере формирования и способах сокрытия этих кладов.

Наконец, помимо кладов, упомянем находку к северу от Эмайьги, на территории Ионетага, в Игавере (Igavere). Здесь в болоте были найдены пять втульчатых топоров (Tamla 1995: 103), которые могут иметь широкую дату. Мы уже говорили о возможных скандинавских и южнобалтийских параллелях эстонским болотным находкам.

Создается впечатление, что клады скандинавско-южнобалтийского облика V — (раннего?) VI в., а также болотная находка в Игавере, сосредоточенные в районе р. Эмайьги и западного побережья Чудского озера, связаны с какой-то трассой. Думается, что это речная дорога, которая вела от Рижского залива через рр. Гауя и Эмайьги на Чудское озеро и далее на р. Нарову. Ее маркируют для эпохи переселения народов также гривны с заходящими концами и летто-литовские дериваты арбалетных фибул типа Сенсбург/Мронгово

²² Такие украшения с лопастями в скандинавском контексте известны уже в периоды C1-C2, то есть в III в.: см., напр., Шаров 2006: 193: рис. 14 (погребение 8 на могильнике Вальстенарум, на Готланде).

D (Kulakov 2000: fig. 1; Кулаков 2003: рис. 38), находки позднеримских монет (рис. 43 и 50). Такая дорога, кстати, реконструируется уже для римского времени (см. выше) (рис. 39).

Все эти балтские и скандинавские элементы не попадают в зону длинных курганов в Восточной Уганди. Зато здесь, как мы увидим далее, явно выступает некий «южный», преположительно, славянский элемент. Похоже, что в Уганди проходит какая-то граница, отмеченная распространением скандинавских и южнобалтийских элементов, с одной стороны, и «южных», с другой. Граница эта, конечно, условная, поскольку «южные» вещи, например, пальчатые дунайские фибулы, попадают в Западную Эстонию (см. выше), а южнобалтийские (в прибалтийско-финской переработке) и скандинавские, как мы увидим далее, — на территорию длинных курганов.

Несколько хуже известна ситуация в Видземе, в бассейне Гауи, но в целом данные по этой территории подтверждают вышеизложенные наблюдения. Это регион также входит в зону коллективных могильников с каменными конструкциями (LA 1974: 59.att.). В целом материал выглядит здесь более бедно, чем в римское время, но это может быть лишь следствием состояния исследований. Вещи эпохи переселения народов (в Латвии она соответствует среднему железному веку: Bitner-Wróblewska 2001: fig. 1) встречены, насколько мне известно, на финских могильниках с каменными конструкциями в Попес Межс, Триката, Рауна, Странте. В это же время на нижней Гауе засвидетельствованы балтские курганные могильники с ингумациями. Возможно, идет подвижка балтского населения на север, на территорию финских племен (Моора 1956: 123).

Скандинавские вещи известны здесь и в предшествующий период. Так на каменном могильнике Яун Тевенес (Jaun-Tēvenēs) обнаружена позднеримская скандинавская гривна с лопастями (Aspelin 1884: fig. 1825; Moora 1929: Taf. 18: 1; Quast 2005, Abb. 9: 5). Гривна эпохи переселения народов, с заходящими концами известна на нижней Гауе в балтском курганном могильнике Симтени (Simtēni: LA 1974: 41.14 att.). Этим пока исчерпывается список известных мне скандинавских вещей на Гауе.

Попадают в финские каменные могильники Видземе и западнобалтские вещи. Это фибула типа Доллькайм/Коврово, найденная в Рауне (Moora 1929: Taf. 4: 8; Bitner-Wróblewska 2001: fig. 7, № 374), фибула литовского варианта того же типа Доллькайм/Коврово в Попес Межс (Bitner-Wróblewska 2001: fig. 9, ср. LA 1974: pl. 40: 7), уже упоминавшаяся фибула с кольцевой гарнитурой в Странте (Aspelin 1884: fig. 1775; Moora 1929: Taf. 9: 1) и фибула, скорее всего, балтский дериват скандинавского типа Сенсбург-Мронгово в Трикате (Moora 1929: Taf. 9: 3). Эти западнобалтские вещи являются доказательством функционирования пути по Гауе в эпоху переселения народов. По этому пути скандинавы и балты, скорее всего, и проникали в V—VI вв. в глубь прибалтийско-финских земель, вплоть до Чудского озера.

Итак, для финских территорий в Эстонии и Северной Латвии фиксируется два направления проникновения скандинавских импортов и культурных импульсов, а возможно, и их физических носителей. Первое — это морской путь вдоль побережья, мимо Сааремаа и через Моонзунд и далее вдоль берега Финского залива. Видимо, с его активизацией в эпоху переселения народов и следует связывать рост населения на Сааремаа, в Лянемаа и в Рявяла, мало пригодных для земледелия (см. выше). Второе направление — речной путь из Рижского залива по Гауе и Эмайыги на Чудское озеро и Нарву. На первом направлении вдоль побережья фиксируется наличие неких групп с престижным вооружением и элементами скандинавской материальной культуры (Пайю, Лихула, Киримяэ, Прооза). На втором направлении, в Уганди, те же элементы и то же скандинавское престижное оружие (Пиккярви, Паали) могут свидетельствовать о кристаллизации здесь каких-то милитаризованных образований. Некоторые клады в бассейне Эмайыги, в первую очередь Криймани и Кардла, могут иметь вотивный характер, и в этом случае они вписываются в традицию северогерманских жертвоприношений.

Интересно, что оба реконструируемых пути сближаются в одной точке — в Северо-Восточной Эстонии. Постараемся проследить, имели ли они продолжение на востоке.

6. Острова восточной части Финского залива, Ладога и первые археологические свидетельства контактов со Скандинавией

Рассмотрим редкие скандинавские находки в регионе, откуда начинается система речных путей Восточной Европы (рис. 54). В первую очередь привлекают внимание острова восточной части Финского залива. Их цепочка начинается с островов Гогланд, Большой и Малый Тютерс, восточнее находятся острова Мощный/Лавенсаари, Малый, Сейскари и Котлин, с которого в погожие дни видно устье Невы. Эти острова занимают крайне важное стратегическое положение на коммуникациях Финского залива (Лебедев 1989; Лебедев 2005: 267, 268) и были, вне всякого сомнения, освоены еще в допарусную эпоху (Svennung 1967: 18; Лебедев 2005: 269). Острова, и ныне являющиеся закрытыми военными объектами, археологически исследованы очень слабо.

До Второй мировой войны там работали финские археологи, а в последние годы и петербургские исследователи. Древности эпохи переселения народов были зафиксированы на о. Большой Тютерс и, кажется, на о. Мощный/Лавенсаари.

На острове Большой Тютерс древности эпохи переселения народов найдены в урочище Каунисмяки, в бухте на восточном берегу острова, у северного края дюны при

осыпи песка, на участке почти 1 км в длину и 400—500 м в ширину. Место находки удалено от берега примерно на 300 м. В свое время на этом месте рос лес, после вырубки которого всё и занесло песком. В 1896 г. в песке была найдена равноплечная или «рельефная» позолоченная фибула со звериным узором (рис. 55), которая поступила в музей при посредничестве торговца древностями. В 1909 г. в Каунисмяки рядом с местом находки фибулы обнаружены черепки глиняных сосудов, пережженные кости, угли и обожженные камни. Последние упомянутые находки были обнаружены в окрестностях небольших слегка возвышающихся куч песка. А. Хакман вместе со студентом А. Европеусом сняли план местности, а также исследовали участок примерно $7 \times 4,5$ — $5,5$ м. На этом месте были два залегающих друг над другом слоя угля. Находки встречались в различных местах и состояли из глиняных черепков, обожженных костей и углей. А. Хакман и А. Европеус исследовали также одну песчаную кучу, в которой был только на вершине горелый слой; в остальном холм состоял из чистого песка. Курганами песчаные кучи не были. В 1926 г. в песке, примерно в 160 м к северу от наход-

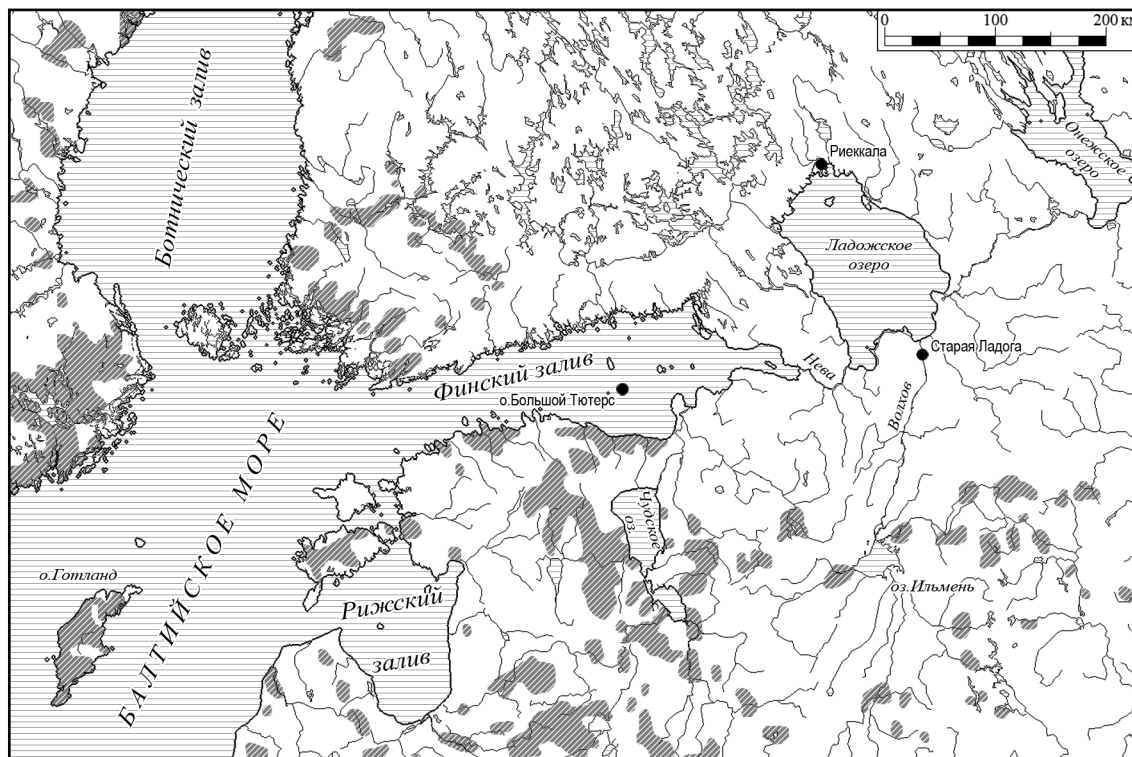

Рис. 54. Карта наиболее ранних находок скандинавского облика на Северо-Западе России (по Callmer 2000). Штриховкой отмечены места концентрации населения в VI-VII вв.

Рис. 55. Рельефная фибула с о. Большой Тютерс (Erä-Esko 1965).

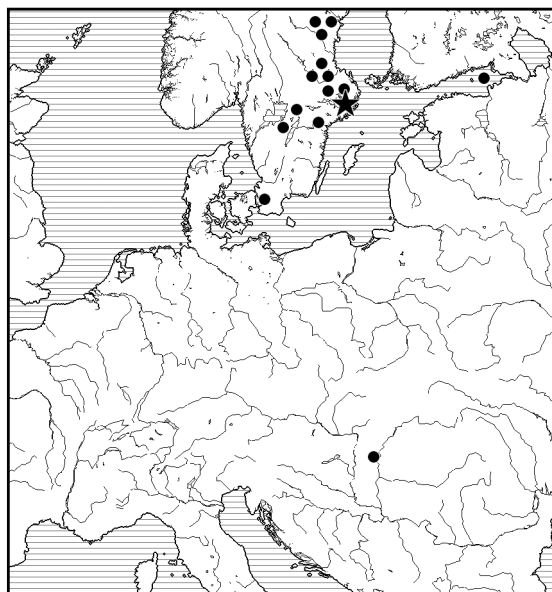

Рис. 56. Карта распространения рельефных фибул, близких найденной на о. Большой Тютерс. Звездочкой помечено ателье в Хельгё (по Magnus 2007).

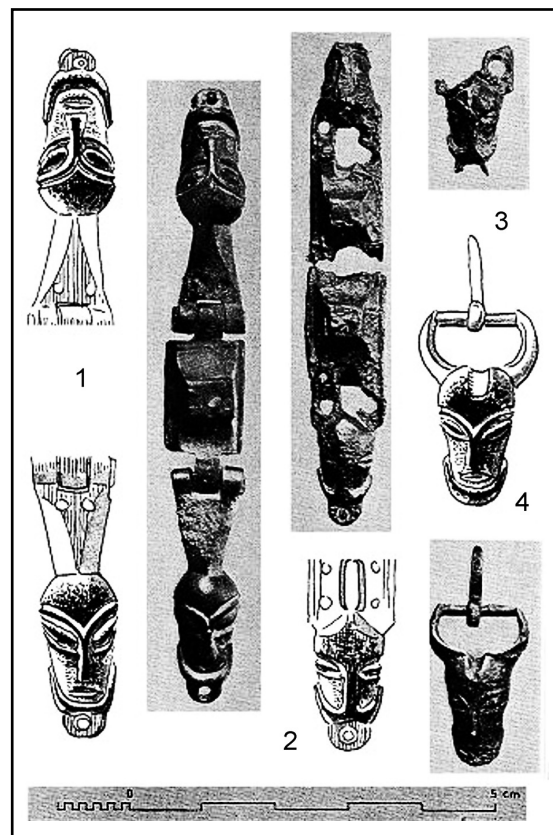

Рис. 57. Скандинавские вещи с о. Большой Тютерс (Erä-Esko 1965).

ки фибулы, были найдены бронзовые ременные накладки и пряжки (рис. 57), а также их фрагменты и обломки костей. А. Хакман посетил это место в 1927 г. и на следующий год провел раскопки на месте находки вещей. Он встретил слой сажи и обгорелых камней, перекрытых кучей песка. Находки в этот раз составили глиняные черепки и жженые кости (Uino 1997: 340; Carpelan, Uino 2003).²³ Предполагается, что здесь находился некрополь с кремациями (Erä-Esko 1965: 116; Лебедев 1989; Лебедев 2005: 268).

Вещи, найденные в этом урочище и, возможно, связанные с некрополем, очень выразительны. Действительно, подобного рода украшения обычно происходят либо из кладов, либо из погребений. Случайно найденная после шторма на галечнике у песчаной дюны Каунисмяки серебряная рельефная симметричная фибула звериного стиля со следами позолоты и черни (рис. 55) (Erä-Esko 1965: № 35, pl. 10; Kivikoski 1973: Taf. 28: 229; Carpelan, Uino 2003: 76, 77), возможно, произведена в Хельгё — такие были распространены в Свеаланде, Норрланде, Остерботнии (рис. 56) (Holmqvist 1972: 248,

²³ Благодарю Е. Р. Михайлову за любезно предоставленный перевод финских публикаций.

249, fig. 116), одна попала далеко на юг, к гепидам в Восточной Венгрии (Magnus 2007). Но на фибуле из Тютерса есть и элементы, не представленные в Финляндии, а только в Швеции и Норвегии (Holmqvist 1972: fig. 112, 115), что позволяет предположить ее скорее среднешведское происхождение. Для датировки этих фибул важны застёжки из упландского некрополя Хаде, отнесенные к середине VI в. (Hade: Magnus 1999: 120, fig. 7: 3, 7: 4). В целом фибулы данного типа появляются, видимо, около 500 г. и используются в течение жизни двух-трех поколений (Magnus 2007: 190). Видимо, в пределах первой половины — середины VI в. и надо датировать фибулу с Тютерса.

Другие вещи, найденные в 160 м к северу: пряжка того же стиля, накладки и трехчастная бронзовая деталь ременной гарнитуры первого звериного стиля (рис. 57) (Egä-Esko 1965: pl. 10: № 36—39; Kivikoski 1973: 55, Taf. 39: 334; Carpelan, Uino 2003: 79—80), — также принадлежат скандинавской традиции. Они имеют параллели в Средней Швеции (Franzén 2007: fig. 11—13).²⁴ Кроме того, в Каунисмяки была найдена лепная керамика финского облика, имеющая аналогии для эпохи переселения народов, согласно Э. Кивикоски, в Сатакунде (Urjala-Niemumäki: Kivikoski 1973: 60, Taf. 42: 392). В целом, такая посуда типична как для Эстонии, так и для Финляндии в эпоху бронзы и железа, что указывает на прибалтийско-финский характер островного населения (Carpelan, Uino 2003: 81—82).

По мнению некоторых археологов, эти находки показывают, что Большой Тютерс в эпоху переселения народов, не позднее первой половины VI в., превратился в базу торговцев или пиратов (Vierck 1970: 388), возможно, скандинавского происхождения, активность которых была направлена на эстонское побережье и устье Нарвы (Kivikoski 1968: 89). Впрочем, другие археологи предполагают несколько иную трактовку материалов Тютерса. Уже говорилось о финском облике лепной керамики Тютерса, что ставит под сомнение скандинавское происхождение островного населения. Что же до украшений скандинавского облика, они получили широкое распространение у прибалтийских финнов, как в Эстонии, так и в Финляндии (см. выше). Из урочища происходит и остеологический материал: определены кости зайца, тюленя, свиньи, овцы/козы.

Такой набор скорее характерен для поселения, чем для некрополя с трупосожжениями. Население Тютерса занималось скорее морским промыслом, охотой и скотоводством, чем пиратством и торговлей (Carpelan, Uino 2003: 84). Одно при этом не исключает другого. Стоит также подчеркнуть, что керамические находки и костные остатки на Тютерсе могут принадлежать не только эпохе переселения народов, но и более раннему времени (Carpelan, Uino 2003: 85).

Следы древнего финского населения зафиксированы и на о. Мощный/Лавенсаари. Здесь известны 32 кургана, три из которых были раскопаны в 1930 году. Это небольшие округлые и овальные сооружения, два из них с каменными кругами нерегулярной кладки (Edgren 1992: kuva 2—7), содержащие погребения по обряду кремации. Финские исследователи с помощью радиоуглеродного анализа отнесли эти захоронения к доримскому и римскому времени и соотнесли их с морскими охотниками Финского залива (Edgren 1992). Однако в 1999 г. один из курганов с сожжениями, раскопанный А. И. Саксой, по данным радиоуглеродного анализа был датирован VI в. (устное сообщение А. И. Саксы), что позволяет говорить о присутствии населения на Лавенсаари в интересующую нас эпоху. Каменные кладки, явно связанные с древним финским населением, но не имеющие хронологической привязки, имеются и на Гогланде (работы Г. С. Лебедева и К. В. Шмелева).

Кажется, в это время античный мир впервые узнал о Неве. Именно так интерпретируют *Vagi Fluvius* Иордана (Иордан, *Getica* 17; Svennung 1967: 14—18; Svennung 1967 a; Мачинский 1984: 9; Мачинский 1986: 4; Мачинский, Кулешов 2004: 50, 51). Трудно при этом представить себе, что величественно спокойная Нева «волнуясь, извергается», как пишет Иордан (в переводе Е. Ч. Скржинской), в море. Поэтому предлагаются и другие атрибуции *Vagi Fluvius*.²⁵ Это может быть, например, Вуокса с бурным водопадом Иматра (Svenning 1967: 14, 15). В средние века Вуокса, связывающая цепь озер от Ладоги до Саймы и, видимо, соединявшаяся с Финским заливом через Хейнийокский пролив, ныне исчезнувший, была полноводнее, по ней проходила водная дорога через Карельский перешеек, от Выборга до Приозерска (Сорокин 1997: 186; Петров, Петрова 2002).

²⁴ Впрочем, одна подобная пряжка имеется и в Византии (Quast 2003: Abb. 4: 2).

²⁵ Из них наиболее фантастичной следует признать идентификацию *Vagi Fluvius* как речной дороги Волга-Кама-Северная Двина: Pekkanen 1980: 82—85.

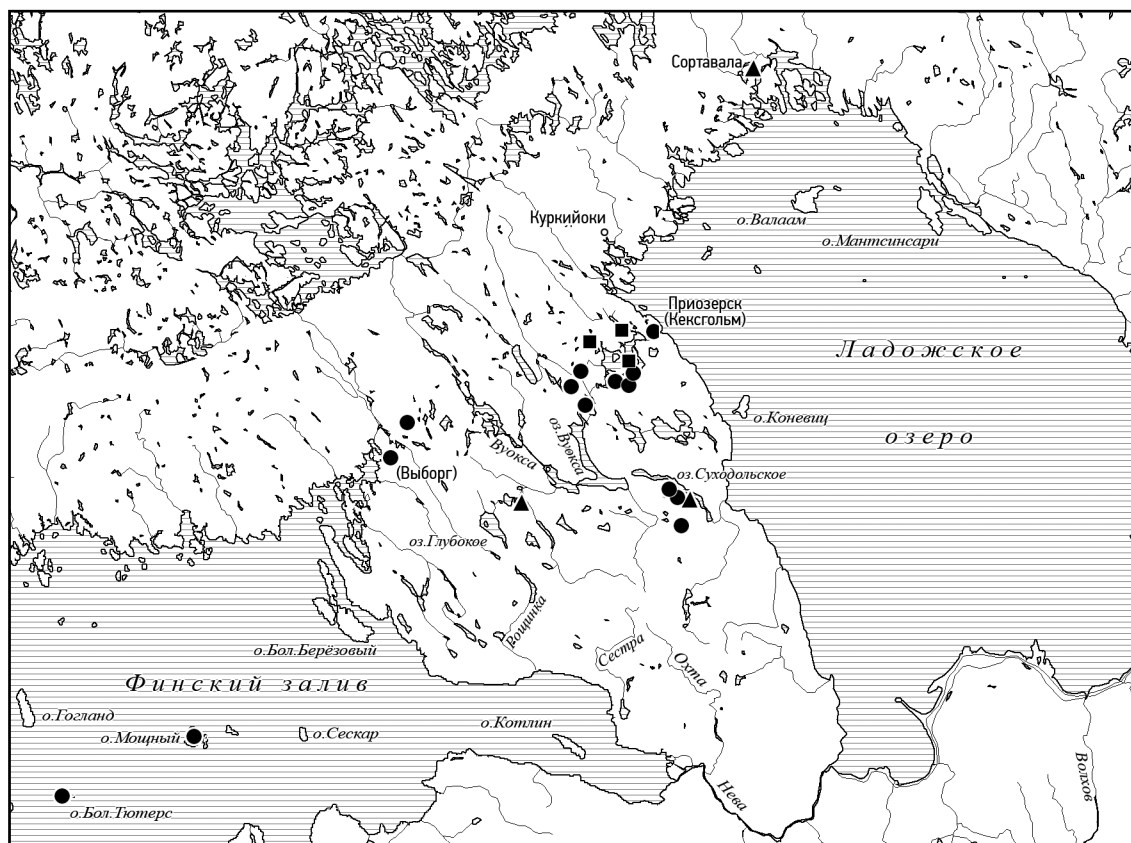

Рис. 58. Раннесредневековые памятники Карельского перешейка (по Uino 1997).

Функционирование пути по Вуоксе в интересующее нас время вроде бы подтверждается археологическими находками VI—VIII вв. (рис. 58), совершенно отсутствующими на Неве (Сакса 2007: 11).

Однако с находками эпохи переселения народов на Карельском перешейке дело обстоит далеко не блестяще (Сакса 2006 а: 142). Часто цитируют топоры «центральнорусского» типа из Карисалми и Калмистомяки (Кочуркина 1981: рис. 2: 2, № 10 и 29), но они, как мы уже видели, имеют более широкую дату. Есть еще топор из Ряйсяля (Кочуркина 1981: рис. 2: 1, № 32), но его дата очень ранняя, топор датируется началом I в. н. э. (Кочуркина 1982: 15) или даже доримским временем (Сакса 1997: 179). В ряде пунктов в районе Выборга найдены продолговатые каменные огнива (Кочуркина 1981: № 19, 27, 28, 30, 32). Однако их дата также очень широка и включает римское время (Кочуркина 1982: 14, 15). Представляется вполне логичным заключение А.И. Саксы, что Карельский перешеек до VII в. был зоной промыслового освоения, после чего началось формирование центров оседлого населения (Сакса 1997: 181; Сакса 2006 а: 142). Впрочем, можно по-

вторить, на Неве для этой эпохи вообще пока ничего нет.

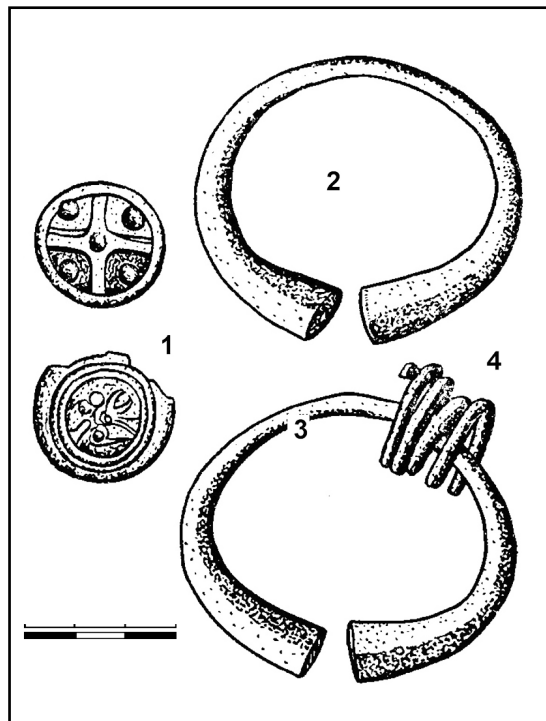

Рис. 59. Вещи из погребения в Нукутталахти (Кочуркина 1981).

Рис. 60. Аграф — «пуговица» из погребения в Нукутталаhti и ее параллели (Erä-Esko 1965).

1 — Гулдинт (Gulldynt); 2 — Нукутталаhti (Nukuttalahti); 3 — Киилия (Kiiliä).

Но как бы там ни было, по Неве или по Вуоксе, носители скандинавских вещей, скорее всего, прибалтийские финны, попадают в VI в. на Ладожское озеро. Наиболее ранним свидетельством их проникновения в лесную зону к востоку от Финского залива является погребение в Нукутталаhti, на острове Риеккала, в северной части Ладожского озера. Место находки располагается на западном берегу залива Нукутта. В 1936 г. были найдены 2 браслета с утолщенными концами, спиральный перстень и две «пуговицы» стиля «Salin I», принадлежавшие раннему VI в. (рис. 59 и 60) (о них подробно

см. Quast 2004). Э. Кивикоски в 1938 г. провела здесь раскопки. На месте находки еще оставалась яма, на дне которой было видно много пережженных костей. Под тонким слоем торфа была зафиксирована небольшая каменная вымостка, состоящая из беспорядочно лежащих камней (ок. 1,5 × 2 м). Она была выложена на скальной основе, камни лежали в один слой. Пережженные кости, около 300 граммов, находились на камнях и в промежутках между ними, предметы (в том числе железное орудие, скорее всего, для обработки дерева и кости, бронзовая спираль, оплавленная бусина из стеклянной массы, кварцевый

скребок) встретились непосредственно под дерном; в районе южной половины погребения был найден кварц, который указывает на поселение каменного века. При обследовании округа Сортавалы в 1989 г. А. Сакса также посетил Нукутталахти. Согласно его сообщению, на той же гряде, южнее была замечена еще одна насыпь (Egä-Esko 1965: 116, 117; Кочкуркина 1981: № 14; Uino 1997: 328, 329; Сакса 2007: 11).²⁶

Браслеты с расширенными концами достаточно типичны для лесной зоны, как и многовитковое кольцо, возможно, имеющее балтские или прибалтийско-финские корни (см. ниже). Зато «пуговицы» явно скандинавские, раннего VI в., одна из них принадлежит варианту I:2 d, распространявшемуся, возможно, из Хельгё в Уппланде (рис. 61) (Lamm 1972: 103, 104, fig. 37). Вторая «пуговица» принадлежит варианту VII, распространявшемуся, помимо Свеаланда, в Остерботнии и в Сатакунде (рис. 60: 1, 3) (Lamm 1972: 118, 119, fig. 41).

Находка была интерпретирована как погребение охотника за мехом («Pelzjägergrab»: Schaumann-Lönnqvist 1992: 235), возможно, местного жителя, поскольку несомненно скандинавскими являются лишь «пуговицы» (Хурре 1979: 141, который излагает точку зрения К. Мейнандера). К этому жителю скандинавские вещи, возможно, попали в результате обмена (Сакса 1997: 181). Какое-то население на северном берегу Ладоги на этот момент могло быть, об этом свидетельствуют находки уже упоминавшихся каменных кресал (Кочкуркина 1981: № 58), а также находка финского ангона второй половины VI—VII вв. в Ритэ, сравнительно недалеко от Ладоги (Кочкуркина 1981: № 70; Кочкуркина 1982: рис. 2: 3, ср. Pihlman 1990: Bild. 13: R3; 27: 11214, 3). Более того, как отмечает А. И. Сакса, в образцах донных отложений озера Кирьявалампи, расположенного недалеко от Риеккала-Нукутталахти, постоянно присутствует, начиная от рубежа VI—VII вв., пыльца ржи, что, несомненно, свидетельствует о наличии здесь постоянного земледельческого населения (Сакса 2006: 63). Для VII в. пыльцевой анализ показал также наличие земледелия и на о. Валаам (Кочкуркина 2006: 248).

Если уппландские вещи попали к местному жителю в результате обмена, то в этом случае находка в Риеккала-Нукутталахти, как и вещи с Тютерса, является свидетельством

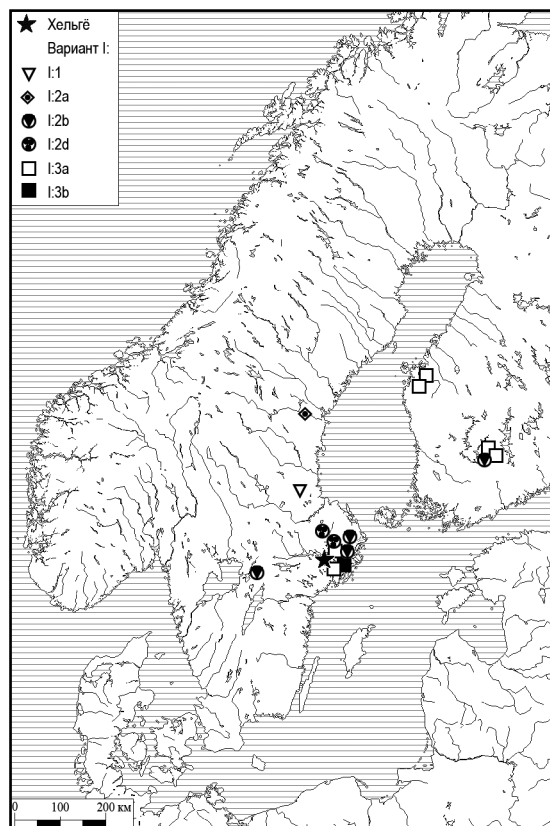

Рис. 61. Карта распространения «пуговиц»-аграфов, близких найденной в погребении Нукутталахти (по Lamm 1972).

скандинавской торговой экспансии VI в. (Vierck 1970: 388). При этом надо учитывать, что западное и южное побережье Ладоги опасны и неудобны для каботажного плавания. То есть, если западное проникновение осуществлялось через Вуоксу, то дальнейшее движение вдоль северного, а потом восточного берега озера представляется наиболее логичным (Сорокин 1997: 186, 187, илл. 1).

Что же касается южного побережья Ладоги, то здесь, похоже, скандинавские элементы появляются позднее — уже в вендельское время. В Ладоге, где, как известно, появление постоянного поселения пока может быть отнесено к середине VIII в.,²⁷ наиболее ранней северогерманской находкой на сегодняшний день является симметричная дуговидная фибула (рис. 62: 1) (Петренко 1984: рис. 2: 4). Она относится к типу Орнес F1, имеет параллели на Готланде (рис. 62: 2—5) и датируется периодом VII:1, то есть 550—600 гг. (Quast 2004: 265, 266). Однако некоторые исследователи полагают, что фибула по парал-

²⁶ При описании этого погребения я использовал переводы с финского, сделанные Е. Р. Михайловой.

²⁷ По Г. С. Лебедеву, более раннее поселение было найдено в урочище Любша, на противоположном берегу Волхова (Лебедев 2005: 460—462). Однако до подробной публикации материала Любши следует воздержаться от каких бы то ни было заключений.

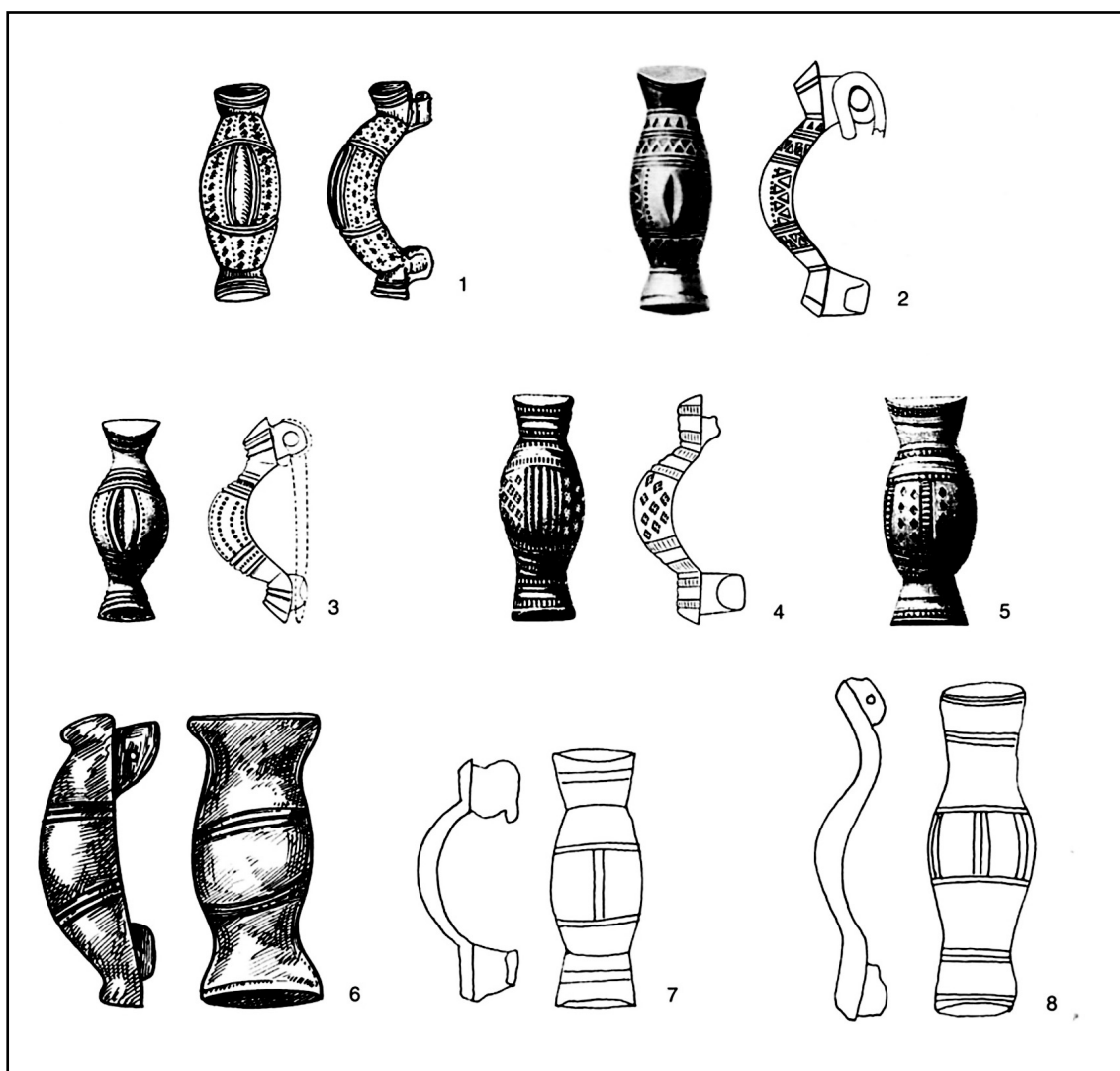

Рис. 62. Симметричные фибулы Северной России и их параллели (Quast 2004).

1 — Ладога; 2 — округ Трекумла (Готланд); 3 — Энес (Готланд); 4 — округ Гретлингбо (Готланд); 5 — Хавор (Готланд); 6 — Изборск; 7 — Вирринг (Ютландия); 8 — Харлев (Ютландия).

лелям в Финляндии скорее относится к VII в. (Волковицкий 2001: 61; Лебедев 2005: 463). Отметим, что, видимо, к раннему вендельскому времени относится еще одна скандинавская вещь. Это какое-то навершие, с изображением Одина, найденное в самом раннем слое Ладожского поселения (Рябинин 1985: рис. 23: 11; из недавних публикаций: Kazanski 2000: fig. 5: 18). Его предложено датировать последней четвертью VI в. (Meinander 1985). Однако навершие, как и вышеупомянутая фибула, могли попасть в Ладогу и позднее, в VIII в., в качестве лома для пререработки на более модные украшения.

Не исключено, что примерно в это же время в Ладоге появляется «южное» население, связанное с культурой длинных курганов, точнее, с ее ранним горизонтом. Я имею

в виду раскопанный в южной части Ладоги С.Н. Орловым могильник с захоронениями кремаций в грунтовых ямах (Kazanski 2000: 33, там же библиография). Небогатый погребальный инвентарь этого могильника содержит вещи, типичные для культуры длинных курганов (рис. 63) (Кузьмин 1995: 13; Kazanski 2000: 33). Возможно, могильник относится к позднему V—VI вв. Действительно, другие введенные в научный оборот грунтовые некрополи с трупосожжениями в Северо-Западной России, такие, как Съезжее (Носов 1984), где найдены «крапчатые» полихромные бусы второй трети V — середины VI в. (о них см. Ivanišević et al. 2006: 76), или Юрьевская Горка (см. ниже), соотносятся именно с этим временем. Такой дате не противоречат и вещи Ладожского могиль-

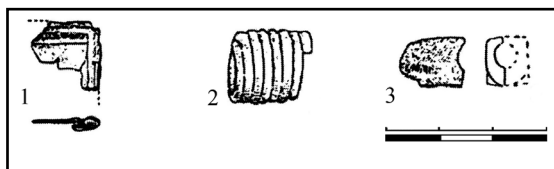

Рис. 63. Вещи из грунтового могильника с трупосожжениями в Ладоге (Kazanski 2000).

ника. Так, синие стеклянные полиэдрические бусы (рис. 63: 3) известны для середины VI в. в Юрьевской Горке (о датировке этого памятника см. подробно ниже), хотя существуют и позднее. Металлические пластинки, возможно, от венчиков-вайнаг (рис. 63: 1) в лесной зоне России хорошо известны уже в позднеримское время, например, на Мощинском городище, а также, не позднее VI в., как в длинных курганах, так и в эстонских каменных мо-

гильниках (Казанский 1999: 407, рис. 3: 2—4, 17; Kazanski 2000: 33), так и в Восточной Литве (Волкайте-Куликаускаене 1986: 158). Спиралевидные трубочки-пронизки (рис. 63: 2) также повсеместно распространены в лесной зоне, как в римское время, так и в раннем средневековье. Надо, правда, учитывать, что и пластинки, и спиралевидные пронизки существуют и позднее, в VIII и, может быть, IX вв., в культуре смоленских длинных курганов (см., напр.: Шмидт 1963: рис. 13: 1—5 б; Енуков 1990: рис. 14: 11—16; 15: 1—5). Сложно установить без визуального осмотра и более или менее точную хронологию синих многогранных бус, эта форма существует долго. Поэтому ранняя дата Ладожского могильника, а стало быть, и присутствие здесь «южного» населения вполне возможны, но пока не могут быть аргументированы.

7. Карелия и русский Север

Памятники эпохи переселения народов на русском Севере, от Белого озера до Онежского озера и Каргополья, в зоне позднекаргопольской культуры, выделяются с трудом, количество надежно датированных находок крайне невелико (Макаров 1997: 25, 26). Еще меньше количество предметов, указывающих на внешние связи лесного населения. Тем не менее, по имеющимся материалам для позднеримского времени и эпохи переселения народов намечаются, в первую очередь, контакты не с балтийским бассейном (рис. 64), а с Приуральем и Прикамьем. Это подтверждает точку зрения, согласно которой для населения русского Севера вплоть до конца I тыс. приоритетными были не западные, а восточные связи (Косменко 2006: 219).

Так, с поселения Водоба II на северном берегу Белого озера происходит птицевидная фигурка уральского происхождения (рис. 65: 8), условно датируемая римским временем и эпохой переселения народов (Макаров 1986: 28, рис. 2: 10). В зоне позднебеломорской культуры, на поселении Сумозеро 15, недалеко от юго-западного побережья Белого моря найдена бронзовая фигурка птицы, приуральского происхождения (Косменко 1996 а: 262, 263, рис. 63: 6). К востоку от Онежского озера, на территории позднекаргопольской культуры, в районе Водлозеро, на поселении Илекса III найдены азелинские лапчатые подвески (рис. 65: 2, 3) (Манюхин 1996: 235, рис. 58: 4, 5) и бляха пермского стиля с медведями (рис. 65: 1) (Манюхин 1996: 235, рис. 58: 1). Подобные изображения медведей (сюжет

«медведь в жертвенной позе») известны на территории Среднего Прикамья и в бассейне Оби. Наиболее близкие аналогии происходят из бывшей Пермской губернии, из коллекции Зеликмана и из устья Оби, с Усть-Полуйского городища (Чемякин 2006: 71, рис. 1). Отметим, что, по имеющимся на сегодняшний день дендродатам, Усть-Полуйское городище датируют I в. до н.э. — I в. н.э. (Чемякин 2006: 71). Если эта дата верна, то «пермская» бляха с поселения Илекса 3 не имеет отношения к нашей эпохе. Зато харинский поясной наконечник (Манюхин 1996: 234, рис. 58: 3), обнаруженный на поселении Илекса V (рис. 65: 4), явно относится к эпохе переселения народов. Подобные поясные наконечники имеются и восточнее, на р. Унже в погр. 2 могильника Попово (Рябинин 1989: рис. 4: 20).

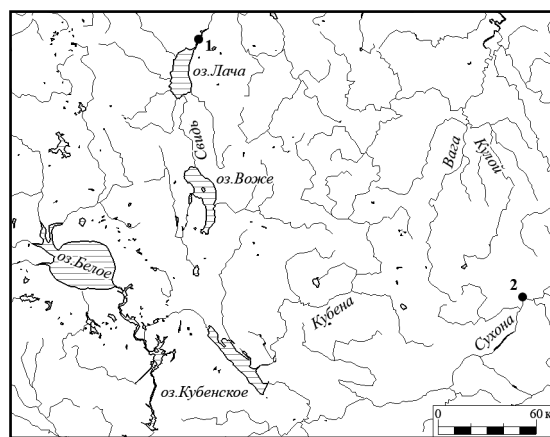

Рис. 64. Памятники русского Севера с вещами «западного» происхождения (по: Макаров 1986). 1 — Надпорожье; 2 — Усть-Царева.

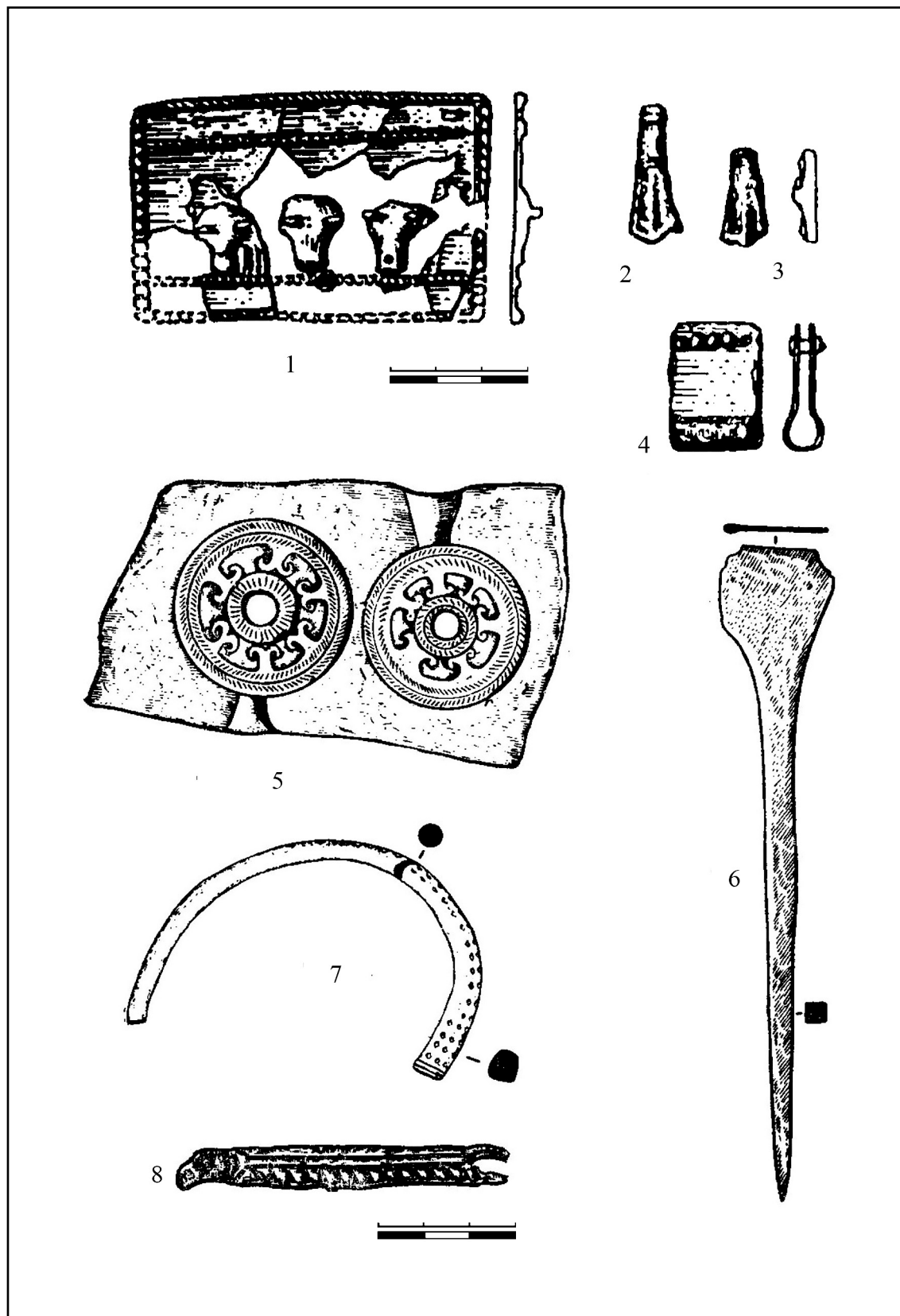

Рис. 65. Предметы с поселений русского Севера (1—5 — Манюхин 1996; 6—8 — Макаров 1986).
1—3 — Илекса III; 4 — Илекса V; 5 — Каргополь; 6 — Усть-Царева; 7 — Надпорожье; 8 — Водоба.

Находка на Унже намечает пути распространения приуральских вещей на Запад через бассейн Верхней Волги. О том же свидетельствует и находка в Каргополе формочки для отливки круглых блях V—VII вв. (рис. 65: 5). Параллели таким бляхам имеются в Среднем Поволжье и Волго-Окском регионе (Макаров 1986: 29, рис. 2: 11). Предполагается, что бронза из Прикамья поступала на русский Север в обмен на мех (Манюхин 1996: 235; Косменко 1996 в: 268, 269). Видимо, с тем же связано и появление поволжских литейных формочек в Каргополе.

Привлекают внимание находки на Безводнинском могильнике. Там такие бляхи происходят из погр. 85, содержавшего хоботковую пряжку V—VI вв., из погр. 142 и, наконец, из погр. 159, сопровождавшегося крестообразной фибулой V—VI вв. (Краснов 1986: рис. 23: 3; 36: 1, 2). На волжском могильнике Холуй такая бляха была найдена в погр. 2, вместе с пряжкой V—VI вв. (Горюнова 1961: рис. 57: 9). Эти закрытые комплексы позволяют отнести данные бляхи, в первую очередь, к V—VI вв. К сожалению, отсутствие развернуто аргументированной датировки древностей междуречья Оки и Волги эпохи переселения народов делает все хронологические выкладки предварительными.

Вещи прибалтийского происхождения в этой зоне крайне редки. На левом берегу Онеги к северу от озера Лача, в Надпорожье был найден браслет с характерными выемками (рис. 65: 7), типичный для прибалтийско-финских древностей V—VII вв. в Эстонии и Финляндии (Макаров 1986: 28, рис. 2: 9). Впрочем, такие же браслеты имеются и у балтов (см., напр.: Kaczyński 1963: гус. 18: е; Vuténiené 1968: fig. 4: 4; Петренко, Вирсе 1993: рис. 4: 1, в том числе, с глубокими выемками: Балас в Земгалии: LA 1974: 41.36 att.)

Прибалтийские кельты римского времени найдены на памятнике Кудомы 11, на Сямозере между Ладогой и Онегой,

принадлежавшем культуре Лууконсаари (Косменко 1996: 249, рис. 63: 1, 2), а также на поселении Бохта 2 в Северной Карелии, к западу от беломорского побережья, принадлежавшему позднебеломорской культуре (Косменко 1996 а: рис. 63: 3). Считается, что находки этих кельтов показывают наличие меховой торговли с Прибалтикой и Финляндией (Косменко 1996 б: 268, 269). Впрочем, такие же кельты, за исключением кельта с ушком из Кудомы 11 (Косменко 1996: 249, рис. 63: 1), есть и на Средней Волге в V—VI вв. Иными словами, бесспорно прибалтийским для V—VI вв. является лишь браслет из Надпорожья. Стоит, однако, отметить еще один «западный» предмет. Это так называемое долотовидное кресало (рис. 65: 6), обнаруженное на поселении Усть-Царева (Макаров 1985: рис. 2: 4). Такие кресала характерны для восточной половины ареала культуры длинных курганов, то есть для территории от бассейна Мологи до Ильменя (Лыч 2000: табл. 6). Их прототипы имеются в центральноевропейских древностях поздне-римского времени и начала эпохи переселения народов (см., напр.: Tejral 1986: Abb. 8: 19; 10: 16, 17; 11: 11; 12: 19).

Вполне возможно, что внешние контакты населения русского Севера осуществлялись по системе волоков, соединявших в древнерусское время бассейн Северной Двины с Онежским озером и далее с Ладогой (о них см.: Макаров 1997: 48—104). По крайней мере, остатки небольших поселений середины — второй половины I тыс. н.э., существовавших сравнительно недолгое время, известны в районе Мощинского волока, соединявшего р. Онега с бассейном Северной Двины (Макаров 1997: 80), а также в районе Кенского, Славенского, Ухтомского волоков (ср. Макаров 1997: рис. 5, рис 20). Однако точная дата этих памятников, ввиду отсутствия хронологически важных вещей, остается пока невыясненной.

8. Культура псковских длинных курганов

Письменные источники V—VI вв. не дают никакой реальной информации о северной половине Восточной Европы, за исключением, как уже говорилось, Балтийского побережья (устье Вислы, приморские эстии, возможно, устье Невы). Греческим и латинским авторам известна южная половина Восточноевропейской равнины с такими великими реками, как Волга, Дон и Днепр, известны населяющие этот регион степные кочевники и славянские народы. Зато им со-

вершенно не известны территории к востоку от балтийского побережья. У Иордана юго-восточными соседями эстиев являются степные акациры (Иордан, *Getica* 37). Как уже неоднократно отмечалось исследователями (напр.: Казанский 1999: 415), соседство балтийских эстиев и степных акацир в тексте Иордана может объясняться тем, что в представлении античных географов Восточная Европа представляла собой довольно узкую полосу между «Океаном»

(Балтийским морем) на севере и Азовским и Каспийским морями на юге (см. напр: Джаксон, Калинина, Коновалова, Подосинов 2007: 23).²⁸ Таким образом, для лесной зоны России этническое определение археологических культур, а тем более их сопоставление с конкретными этнонимами, носит скорее гадательный характер.

Как уже говорилось, можно полагать, что не позднее середины — второй половины VI в. в Южном Приладожье скандинавские или финно-скандинавские мигранты вошли в контакт с населением культуры псковских длинных курганов (ее надо отличать от более южной культуры смоленских длинных курганов, датируемой VIII—X вв.; о них см., в частности: Енуков 1990). С другой стороны, прямой контакт носителей культуры длинных курганов с прибалтийскими финнами, а возможно, и с какими-то скандинавами, продвигавшимися по трассе Рижский залив — Гауя — Эмайльги — Чудское озеро, мог иметь место и в Юго-Восточной Эстонии. Рассмотрим, какие внешние культурные компоненты отчетливо выступают в древностях культуры длинных курганов и какие археологические находки могут свидетельствовать о контактах этой цивилизации с бассейном Балтийского моря.

К сожалению, нормальной археологической периодизации, не говоря уж о хронологии, для лесных древностей России не создано,²⁹ поэтому в русских публикациях для

²⁸ Возможно и другое, на мой взгляд, менее вероятное объяснение. На V — ранний VI вв. приходится период военной напряженности в лесной зоне, частично связанный, как мы увидим ниже, с военной активностью балтских племен. Отдельные военизированные группы балтского происхождения могли при этом проникать далеко на восток в лесную зону и войти в контакт с кочевниками южнорусских степей, что и нашло отражение у Иордана (Казанский 1999: 415). Только с запада (в частности, от балтов) могли попасть к населению Волго-Окского бассейна умбоны щитов типа Либенау, как в Луковне (Ахмедов, Казанский 2004: рис. 5: 8) или шпоры типа Лейна, как на могильнике Ундрих (Ахмедов, Казанский 2004: рис. 9: 1). Те и другие, кстати, известны и у восточных балтов (см., напр., умбон типа Либенау — Казакевичюс 1988: рис. 48: 4; шпоры типа Лейна — Kazakevičius 1993: pav. 137: 12, 17).

²⁹ Работа по периодизации и хронологии культуры длинных курганов проделана Е. Р. Михайловой в диссертации (2009 а). Пока опубликованы предварительные результаты этого исследования (Михайлова 2001; 2005—2009; 2006; 2007; 2007 а; 2009; 2009 а). Она предлагает разделить древности культуры длинных курганов на три периода: 1 — конец V/рубеж V—VI — середина VI в., 2 А — вторая половина VI — начало VIII вв., 2 Б — VIII в., 3 — IX — начало XI вв. (Михайлова 2009; 2009 а).

северных памятников чаще всего непосредственно употребляются абсолютные даты. Это методически неправильно, особенно если учесть неразработанность датировок материала севера Восточной Европы в целом. Абсолютные датировки наверняка будут меняться, в то время как периодизации, то есть отнесение памятников к конкретному культурному пласту, остаются, как правило, неизменными. Поэтому я пока буду употреблять общеевропейскую терминологию, где древности I—IV вв. характеризуются как принадлежащие римскому времени, а материал позднего IV—VI вв. — как относящийся к эпохе переселения народов. Очень близкая терминология принята на соседних территориях, например, в Эстонии и Финляндии (см. выше).

Археологические памятники римского времени на территории между Чудским озером и бассейном Верхней Волги изучены крайне недостаточно. На востоке, к северу от Волги, В. А. Башенькиным открыта группа погребальных памятников первых веков по Р. Х. (курганы, «домики мертвых», возможно, грунтовые погребения по обряду кремации), несомненно принадлежавших финскому населению (см., напр.: Башенькин 1995; Башенькин 1999; Башенькин, Васенина 2005). Верхневолжский регион, южная и юго-восточная часть Новгородской земли в это время были заняты носителями позднеримской культуры (Смирнов 1974: 76—89; Орлов 1984: 83—84; Исланова 1997: 8—20), в том числе с датирующими вещами середины IV в. (например, пряжка позднеимперского облика: Буров 2003: рис. 14: 28).

Территория к западу от линии Волхов — Ильмень — Ловать для римской эпохи остается плохо изученной. Предполагается, что в римское время здесь была малозаселенная зона контакта двух этнокультурных массивов, скорее всего, прибалтийско-финского и поволжско-финского (Лебедев 1984: 49; Лебедев 2005: 436, 438, 439, рис. 132: III). По мнению А. Талльгрена, в римское время сюда с территории Эстонии проникали рыболовы и охотники, ведущие подвижный образ жизни (Tallgren 1938: 88—90). Но здесь имеются и погребальные памятники, каменные могильники, свидетельствующие о наличии здесь в римское время постоянного оседлого населения.

Они выявлены к югу от Финского залива, на территории между реками Нарва и Коваши. Так, Е. А. Рябинин в этом регионе изучил погребальные сооружения с каменными прямоугольными кладками в Валговицах и Великино, видимо, римского времени. В по-

следнем случае кальцинированные кости были рассыпаны между камней. В Валговицах был найден характерный для римского времени железный кельт с ушком и три браслета, а в Великино — железная булава и коса-горбуша (Рябинин 1987: 408—411; Рябинин 1994: 24; Кулешов 2005: 186—188; Шаров 2006: 194; Хвоцинская 2008: 36—37). Видимо, эти каменные могильники отражают культуру местного финского населения железного века (Конькова 2008). Совсем недавно могильник культуры Таранд был обнаружен и частично изучен в Удосолово, около современного г. Копорье (Шаров 2006: 194; Сорокин, Шаров 2006).³⁰ В 2008 г. в Полужье, в Кёрстово, М. Юшкова начала раскопки еще одного каменного могильника с трупосожжениями типа Таранд (Хвоцинская 2008: 37). Наконец, отдельные вещи культуры Таранд были найдены в Ратчино.³¹ На этих памятниках надежно выявлен пока лишь материал не позднее III в. н. э.

В нижнем течении р. Великой каменный могильник с трупосожжениями римского времени, по-видимому, был выявлен в Выбутах, для данного региона имеются сведения и о других подобных памятниках (Кулешов 2005: 189, 190). Наконец, памятник, близкий эстонской культуре Таранд, выявлен и в западном Приильменье, в Солоницко (Кулешов 2005: 184—186).

К востоку от Чудского озера к римскому времени относятся и некоторые городища и селища, такие, как Сторожинец и Горка, с керамикой, сопоставимой с синхронными находками в Эстонии. На городище Сторожинец отмечены следы заселения и более позднего времени, V—VI вв. (Попов 1989; Хвоцинская 2008: 27).

К югу от Ладожского озера достоверные памятники римского времени пока не найдены, хотя в слое более позднего поселения в Старой Ладогe найдены формочки для изготовления украшения круга варварских эмалей (Корзухина 1978: № 147, табл. 22: 1), II—III вв. (о хронологии эмалей см. Гороховский 1982), с возможным существованием в лесной зоне в IV в., а также перекладчатая фибула эстонского происхождения, также II—III вв. (Шаров 2006).

³⁰ Благодарю О. В. Шарова, любезно предоставившего мне для ознакомления рукопись этой, тогда еще не опубликованной, работы.

³¹ Благодарю И. Стасюка за любезно предоставленную информацию.

Ряд интересных находок позднеимского времени был сделан в бассейне Луги. Это боевой узколезвийный топор из д. Глумицы, имеющий параллели в центральноевропейских древностях культуры Любошице (бассейн Одера) периодов C2-C3, может быть, D, а также металлическая рукоять испанского (иногда его ошибочно характеризуют как «вестготско-римский»: Лебедев 2005: 443) боевого ножа IV в. из кургана в Турово. Параллели этому ножу представлены в позднеимских погребениях с оружием в бассейне Дуэро (Каргопольцев, Шукин 2002; Булкин, Седых, Каргопольцев 2005; Kargopol'tsev, Schukin 2006; Kargapol'tsev, Sedyh 2008). Если идентификация этих предметов верна,³² то они указывают на какие-то контакты с югом и юго-западом в позднеимскую эпоху.

Полагают, что здесь проходил некий «Лужский путь», по которому скандинавы из Финского залива могли попадать в глубинные территории Северо-Западной России чуть ли не в римское время (Лебедев 2005: 443). Отсюда они могли проникать и в центральную Россию по гипотетическому «Серегерьскому пути», который якобы связывал Верхнюю Волгу с Ильменским бассейном (Лебедев 2005: 439, 443). Но его существование в позднеимское время и в эпоху переселения народов требует доказательств. В. А. Булкин и А. С. Герд приводят данные о функционировании «Серигерьского пути» в древнерусское время (Булкин, Герд 1999: 257, 258). Однако основанием для утверждения о его реальности в предшествующее время является, по сути, лишь убежденность исследователей, что «такой устойчивый путь через глухие леса, болота, озера и реки мог сложиться, конечно, только в течение многих веков» (Булкин, Герд 1999: 258), чего явно недостаточно. Предлагаемая реконструкция «Лужского пути» также нуждается в дополнительной аргументации. В самом деле, реальных следов скандинавского присутствия в восточной части Финского залива, а тем более на территориях к вос-

³² Аутентичность этих находок, однако, была поставлена под сомнение, если не в опубликованных работах, то, по крайней мере, в устных дискуссиях. Так, отмечалось, что «испанский» нож очень напоминает оружие раннего железного века из Поволжья, а топор может иметь параллели в военной экипировке Московской Руси. Не являясь специалистом ни по раннему железному веку, ни по позднесредневековым древностям, я от участия в этой дискуссии воздерживаюсь, отмечу лишь, что предложенные позднеимские параллели мне представляются весьма вероятными.

току от него, ранее начала VI в. не имеется (см. выше). Далее, если речь идет действительно о «пути», то есть направлении, по которому осуществлялись не только военные, но и культурно-экономические контакты, то где их следы? Почему находят только оружие? И последнее: найденное здесь поздне римское оружие не имеет параллелей в Северной Европе, и поэтому оно может скорее принадлежать каким-то «южным» воинам, а не скандинавам.

Памятники культуры длинных курганов располагаются на борových песках озерно-ледниковых равнин, что указывает на особую роль скотоводства и пашенного земледелия в экономике носителей данной культуры, подсечное земледелие на таких почвах непродуктивно (Микляев 1995: 30).

Формирование культуры длинных курганов падает на эпоху переселения народов, видимо, на V в. Диагностической является серия пряжек с округлым кольцом и загнутым вниз, далеко выступающим за кольцо хоботковидным язычком (Городня: Александров 1982: рис. 3: 1; Дубровка: Седов 1974: табл. 24: 18; Лезги: Седов 1974: табл. 24: 9; Любахин: Башенькин 1995: рис. 8: 14; Полибино: Станкевич 1960: табл. 63: 5; Потерпелицы 1: информация Е. Р. Михайловой;³³ Рысна-Сааре II: информация Е. Р. Михайловой). Такие пряжки в Восточной и Центральной Европе широко распространяются в конце IV—V вв. и выходят из употребления к концу V в.

Этому периоду на Северо-Западе России соответствует горизонт очень разнородных памятников: курганы, грунтовые погребения, открытые поселения, городища, клады с неоднородной лепной керамикой и достаточно пестрым набором металлических изделий. Этот горизонт предложено называть «Линдора-Полибино» (Каргопольцев 1994; 1996 и 1997). По Г. С. Лебедеву, данные памятники составляют некую «предкурганную культуру» (Лебедев 2005: 444). Но последнее название крайне неудачно, уже хотя бы потому, что в списке ранних памятников горизонта Линдора-Полибино, наряду с немногочисленными грунтовыми могильниками и плохо изученными и опубликованными поселениями, фигурирует некоторое количество бесспорных курганов. Явная пестрота и культурная многокомпонентность памятников горизон-

та Линдора-Полибино вполне соответствуют фазе возникновения новой археологической культуры. Вспомним хотя бы классический пример формирования черняховской культуры, где подчас и не поймешь, каких элементов больше на памятниках ранней фазы черняхова — вельбаркских, пшеворских, поздне скифских или собственно черняховских (Shchukin et al. 2006: 22—24).

Интересно отметить, что в археологическом материале культуры длинных курганов лучше всего и представлен горизонт Линдора-Полибино. Надежно датированного материала VII—IX вв. в материальной культуре длинных курганов русского Северо-Запада пока крайне мало.

Среди устойчивых культурных черт, объединяющих ранние памятники культуры длинных курганов на широкой территории (если включать сюда грунтовые могильники и поселения типа Юрьевской Горки), надо назвать следующие:

— погребальный обряд, а именно — практика захоронения остатков кремации на стороне, часто в курганных насыпях удлиненной и округлой формы, реже в грунтовых ямах;

— элементы женского убора, включающие ожерелья из стеклянных, чаще всего синих или голубых бус, пластинчатые бляшки-обоймицы и спирали, возможно, от венчиков или от других украшений (о них специально: Михайлова 2007), парные браслеты, с расширенными концами или пластинчатые с продольным ребром (Васенина 1990: 52; Башенькин, Васенина 1993: 12—15). Отмечено, что данный убор отличается от финского предшествующего времени, известного главным образом по белозерскому региону и включающего, помимо известных на длинных курганах венчиков, браслетов, гривен, височных колец, такие типичные для финнов украшения, как наконечники, нагрудные бляхи и застежки, булавки, зооморфные украшения и пр. (Васенина 1990: 52; Башенькин, Васенина 1993: 5—12);

— мужская (?) поясная гарнитура с характерными «рубчатými» пряжками, получившими повсеместное распространение в Европе в V—VII вв. и с так называемыми бляшками-скорлупками (см. Михайлова 2005—2009: 23—26);

— специфический набор воинского снаряжения и конской экипировки, который я называю «лесным»: стрелы, дротики, копья (?), узколезвийные топоры, шпоры с крючками, удила с кольчатыми псалями, подпружные прямоугольные пряжки, — близкий славянским культурам V—VII вв. и в то же время отличный и от восточно-финского, и от вос-

³³ Пользуюсь случаем поблагодарить Е. Р. Михайлову за ценную информацию и конструктивную критику, использованные в написании этой главы.

8. Культура псковских длинных курганов

№4. 2010

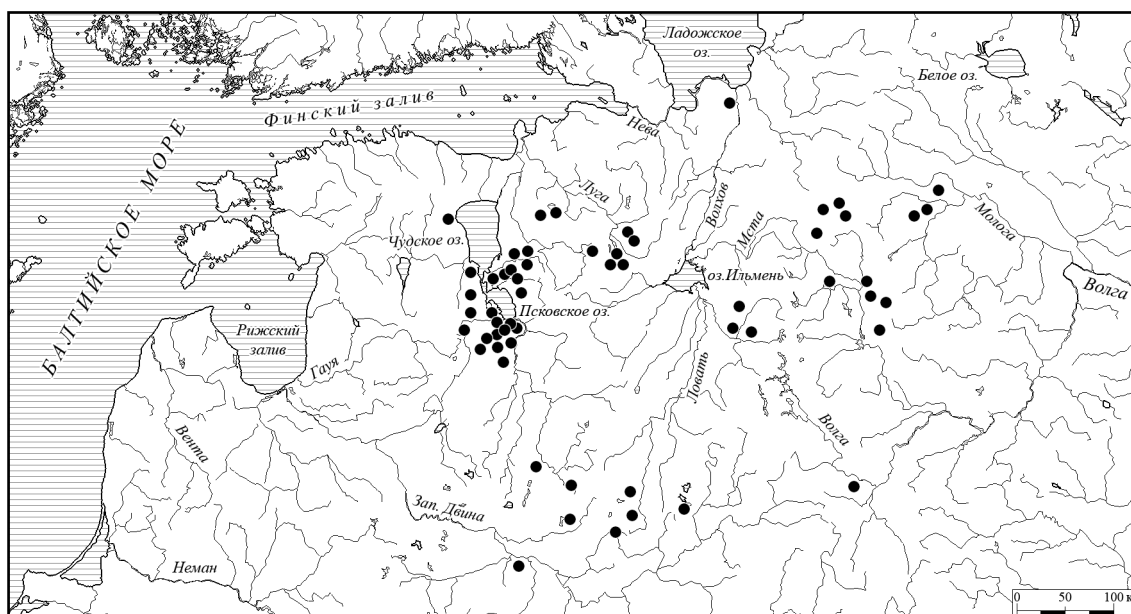

Рис. 66. Распространение наиболее ранних погребений культуры длинных курганов (по Kazanski 2007).

точнобалтского, и от прибалтийско-финского воинского и конского снаряжения (Kazanski 2007);

— лепная посуда высоких «баночных» форм.

К сожалению, состояние публикации уже исследованных памятников культуры длинных курганов (последняя сводка: Седов 1974) выглядит поистине катастрофическим, что очень препятствует обобщению данных по этой культуре и включению их в общеевропейский контекст.

Памятники культуры длинных курганов образуют несколько территориальных групп (рис. 66) (см. карты: Седов 1974: табл. 1; Седов 1995: рис. 60):

1. в юго-западной Эстонии, к западу от Псковского озера;
2. к востоку от Чудского и Псковских озер, до бассейна р. Луга (эту группу иногда объединяют с первой, см. Лыч 2000);
3. в верхних течениях рек Великая, Западная Двина и Ловат;
4. в бассейнах рр. Мста и Молога.

При этом по погребальному инвентарю культура длинных курганов разделяется на две зоны: западную (бассейн Чудского и Псковского озер, Луга и Плюссы) и восточную (регион от Мсты до Мологи) (рис. 67) (Лыч 2000). Предметы мужского убора распространяются по территории культуры равномерно (Лыч 2000: 74). Зато женские браслеты с расширенными концами и прямоугольные бляшки с пуансонным орнаментом более характерны для восточной зоны (хотя и попадают в западную зону, в Репьи, Полибино и Городню), а проволочные височные кольца

с надетой на них синей бусиной, каменные блоковидные кресала и железные долотовидные кресала — для западной (Лыч 2000: 74—76, табл. 6).

По общему мнению, культура длинных курганов гетерогенна по происхождению и представляет собой синтез автохтонных и аллогенных элементов (см., напр., Седов 1995: 216; Белецкий 1996: 37—43; Буров 1996: 122, 123; Буров 1996 а: 6, 7; Конечский 1997 и 2007; Kazanski 1999: 130; Лопатин 2006), спор идет о том, какие элементы были доминирующими. В древностях длинных курганов исследователи выделяют несколько разных культурных традиций: прибалтийско-финскую, особенно хорошо представленную в юго-восточной Эстонии

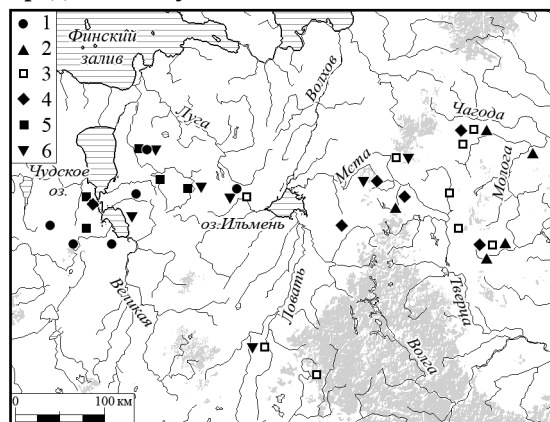

Рис. 67. Региональные особенности погребального инвентаря культуры длинных курганов (по: Лыч 2000). 1 — блоковидные огнива; 2 — штампованные бляшки типа I; 3 — браслеты с расширяющимися концами; 4 — долотовидные кресала; 5 — височные кольца с напушенной бусиной; 6 — штампованные бляшки типа II.

(Аун 1980; 1992; Kazanski 1999: 135; Лебедев 2005: 444), балтскую (см., например: Седов 1995: 216; Казанский 1999; Kazanski 1999: 133—135), славянскую (например, Седов 1980; Kazanski 1999: 133; Лебедев 2005: 444). Возможно, население, оставившее памятники римского времени типа Заозерье (о них см. Верхнее Поднепровье 2002), было ведущим компонентом, на их основе и сформировалась культура длинных курганов, а к югу от нее — родственная культура Тушемли (Лопатин, Фурасьев 1995; Лопатин 2006; Лопатин, Фурасьев 2007). С другой стороны, подчеркивается роль финских памятников с «домиками мертвых» и текстильной керамикой (Лаул 1997), а также роль памятников раннего железного века Северо-Западной России (Конецкий 2007).

Какой компонент был основным, сейчас, до развернутой публикации основных памятников начальной стадии культуры длинных курганов, говорить преждевременно. Сегодня наиболее реальными являются две гипотезы. Согласно первой, которую отстаивают эстонские, петербургские и новгородские исследователи, в культуре длинных курганов доминирует прибалтийско-финский элемент. Ее даже конкретно соотносят с чуждью (Лебедев 2005: 444) или с гипотетической финской неромой/неровой (Мачинский 1986: 9) русских летописей, хотя существование этой неромы в долетописное время нуждается в доказательствах, да и для летописного времени её локализация и этническая принадлежность (балты или финны?) гадательны (см., в частности: Хвощинская 2008: 19, 20). В этом случае предками культуры длинных курганов действительно являются носители культуры текстильной керамики. Согласно второй точке зрения, культура длинных курганов принадлежит в основном славянскому или балто-славянскому населению. Оно то ли пришло из Центральной Европы, как полагал В.В. Седов, то ли проживало здесь, по крайней мере, с римского времени, если принять мнение Н.В. Лопатина и А.Г. Фурасьева о родстве памятников типа Заозерье с более южными славянскими древностями киевского типа (подробно: Лопатин, Фурасьев 2007). Славянская (или балто-славянская) атрибуция культуры длинных курганов стала наиболее популярной и у зарубежных археологов (см., напр.: Werner 1981; Godłowski 1983).

Славянское присутствие в зоне цивилизации длинных курганов, во всяком случае, четко фиксируется материалами открытого поселения и сопутствующего могильника Юрьевская Горка (рис. 68) (Исланова 1997:

21—55). Это сравнительно недолговременный памятник: здесь практически нет следов «перекрытия» построек, а как мы знаем, средний срок функционирования землянки не превышает 20 лет (Березовец 1963: 187). Поселение и могильник, скорее всего, датируются первой половиной — серединой VI в. Об этом свидетельствуют находки здесь «крапчатой» полихромной бусины второй трети V — середины VI в. (рис. 68: 4) (о них см. Ivanišević et al. 2006: 76) и западной пряжки второй трети VI в. (рис. 68: 11), имеющей надежно датированные аналоги в лангобардских и аламанских древностях.

Прямые параллели этой пряжки имеются на лангобардском некрополе Голубице в Южной Моравии (Kazanski 2000: 24). Это погребение относится к фазе MD 5 дунайской хронологии, то есть ко второй трети VI в., когда и прекращаются захоронения в данном некрополе (Tejral 2005: Abb. 13: D1, Tabelle 3). Саму пряжку Я. Тейрал относит к концу данного периода, поскольку ее параллели у аламаннов, по материалам могильника Плейдельсхейм, датированы У. Кох фазой SD-6, то есть 555—580 гг. (Koch 2001: Abb. 23: M54). Основанием для такой датировки служит присутствие этой формы в закрытом комплексе вместе с монетой Юстиниана (Koch 2001: 85, 86, 296, 297). Но это в принципе не исключает и ее датировку несколько более ранним временем, чем 555 год.

Поселение выделяется наличием значительного количества лепной керамики (31%), очень напоминающей тип Прага (рис. 68: 15—19), и полуземлянками с печью (рис. 68: 23) (жилища типа Исланова 4: Исланова 1997: 42), что также является характерным признаком славянских культур. Рядом с поселением исследован небольшой могильник с грунтовыми трупосожжениями, вполне типичными для славян (Исланова 1997: 21—55). Необходимо сразу же отметить, что «в чистом виде» славянский материал в лесной зоне нигде не обнаружен, он присутствует на памятниках, где в большом количестве встречены вещи местных «лесных» культур. Так, на том же поселении Юрьевская Горка доминирует керамика, обычная для культуры длинных курганов, а среди украшений встречаются типичные финские и балтские вещи (рис. 68: 5—7, 12). В целом памятник отражает культурные черты как автохтонного «лесного» населения (культура длинных курганов), так и каких-то аллохтонных групп, скорее всего, славян (Исланова 1997: 55; Kazanski 2000: 24). Помимо поселения Юрьевская Горка, лепная керамика, близкая пражской, отмечена в длинных курганах

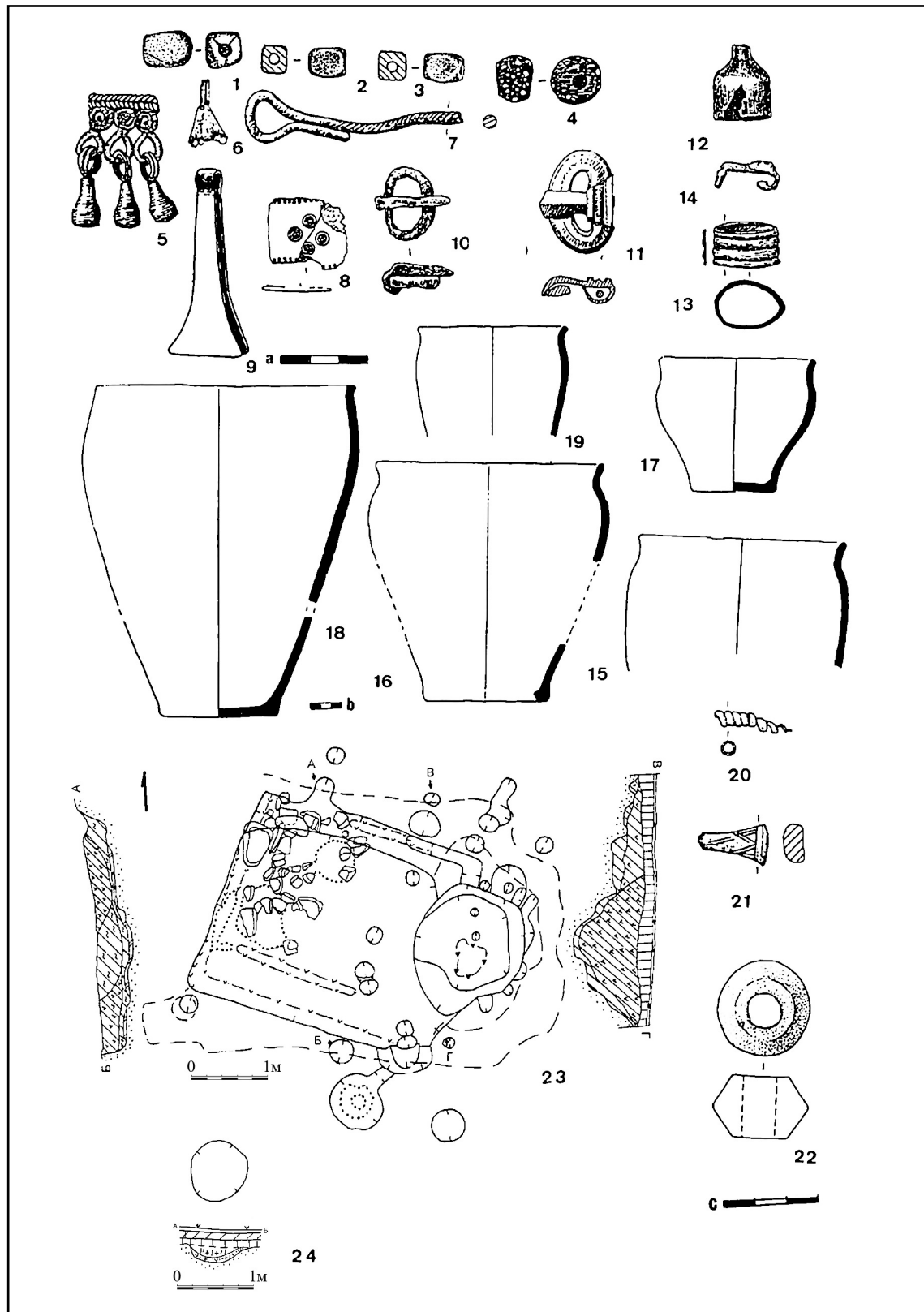

Рис. 68. Находки, происходящие с поселения и могильника Юрьевская Горка. 1—15, 23 — поселение; 20—22, 24 — могильник (Исланова 1997).

Михайловское, Володи, Жеребятино (Седов 1980: 7).

Далее, исследователи считают типичным для славян зафиксированный в crema-

циях обычай очистки кальцинированных костей от остатков погребального костра (Седов 1980: 6, 7). Возможно, со славянами в зону длинных курганов попадают также «южные»

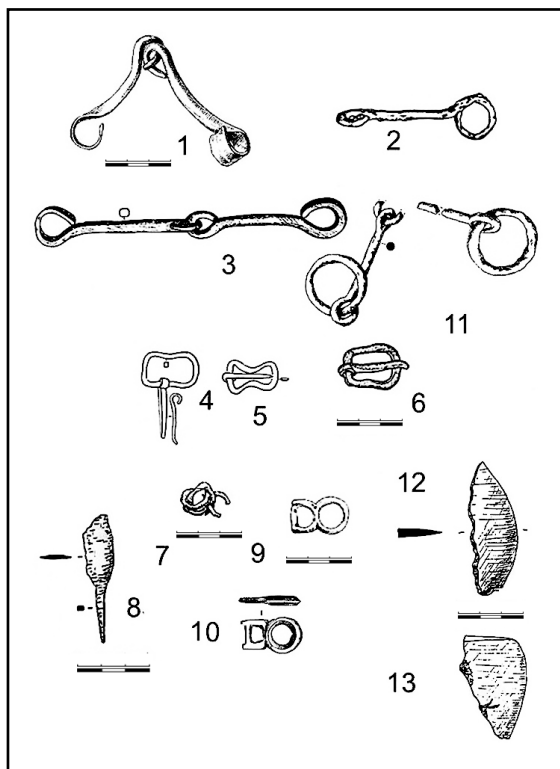

Рис. 69. Предметы конского снаряжения и оружие из зоны культуры длинных курганов (1—3, 6—9) и их параллели (4, 5, 10) (Kazanski 2007).

1, 9 — Залахтовые, курган 154/10; 2 — Жеребятино, курган 1; 3 — Дорохи-1, курган 1; 4, 5 — Кунцево; 6 — Пуйга, курган 20; 7, 8, 12, 13 — Юрьевская Горка; 10 — Здвиженское.

элементы вооружения: фрагменты кольчуги, подпружные пряжки (рис. 69: 7, 9) (подробно см. Kazanski 2007).

Наконец, некоторые женские украшения культуры длинных курганов могут также иметь славянское происхождение. Это, например, металлические треугольные аппликации, известные по находке каменной формочки для их изготовления в одном из курганов могильника Лоози в юго-восточной Эстонии (Седов 1974: табл. 27: 2). Подобные аппликации также изготавливались, судя по найденным здесь каменным формочкам, на поселении пражской культуры Бернашевка, на Днестре (Винокур 1997: рис. 22, 23, 45).

По О. А. Щегловой, такие украшения распространялись с юга, из склавинской зоны (Щеглова 2001). При этом она ошибочно полагает, что их распространение происходило не ранее конца VI в. Такого рода утверждения опираются, с одной стороны, на общеисторические представления о времени славянской миграции в лесную зону, а с другой, на мнение И. О. Гавритухина о датировке Бернашевки последними десятилетиями VI — первыми десятилетиями VII в., вероятнее всего — рубежом VI—VII вв. (Гавритухин 1997: 47;

Гавритухин 2005: 415). Основанием для такой даты служит наличие в Бернашевке формочек для отливки элементов убора шиповского горизонта, фибулы восточногерманской традиции и пряжки с двойной рамкой.

Фибула, к сожалению, точных аналогов не имеет и может быть датирована лишь в широких рамках VI—VII вв. И. О. Гавритухин соотносит шиповский горизонт в основном с периодом Ig своей северокавказской хронологии, то есть около 500—580 гг. (Гавритухин 2001: 43). На мой взгляд, дата шиповского горизонта — это скорее вторая треть V — вторая треть VI вв. (Kazanski, Mastykova 1999: 530—537, 554). Конечно, отдельные элементы шиповского горизонта могут существовать и позднее, но в Бернашевке в наличии не отдельные элементы, а целый набор.

Представляется, что существенным индикатором, позволяющим уточнить дату Бернашевки, является формочка для изготовления прорезного наконечника «геральдического» пояса с «шиповским» декором (Винокур 1997: рис. 16). Несмотря на хаотическое состояние хронологии этих поясов, сейчас в общем ясно, что они широко распространяются в Европе со времени Юстиниана, то есть со второй трети VI в. В качестве таких опорных хронологических индикаторов могут служить находки из погребения 33 в Базель-Бернерринг с монетой Тотилы (541—553 гг.) (Moosbrugger-Leu 1982: Abb. 36: 16), мужского погребения 56 из Суук-Су в Крыму с монетой Юстиниана I (527—565 гг.) (Репников 1906: 16, табл. 5: 15—17, 19); из слоя, предшествующего пожару 550—551 годов в Цибилиуме (Воронов, Багжба 1985: рис. 97: 15; 113: 51), из погребения E 199 нижне-дунайского могильника Пятра-Фрикэцей, где пряжка типа Сучидава, найденная вместе с монетой Юстина I (518—527 гг.), имела характерный прорезной декор (Schulze-Dörrlamme 2002: Abb. 57), а также из захоронения 132 византийского некрополя Каллатис, в котором была найдена монета Юстиниана, отчеканенная в 538—545 гг. (Preda 1980: pl. 34: 1—3). Наличие на наконечнике из Бернашевки шиповских элементов декора позволяет отнести его к начальной фазе горизонта геральдических поясов, то есть ко времени Юстиниана.

Но даже не вступая в дискуссию о верхней дате шиповского горизонта и начале распространения геральдических поясов, можно найти более простой способ датировки «лесных» формочек — посмотреть материал наиболее ранних памятников лесной зоны, где

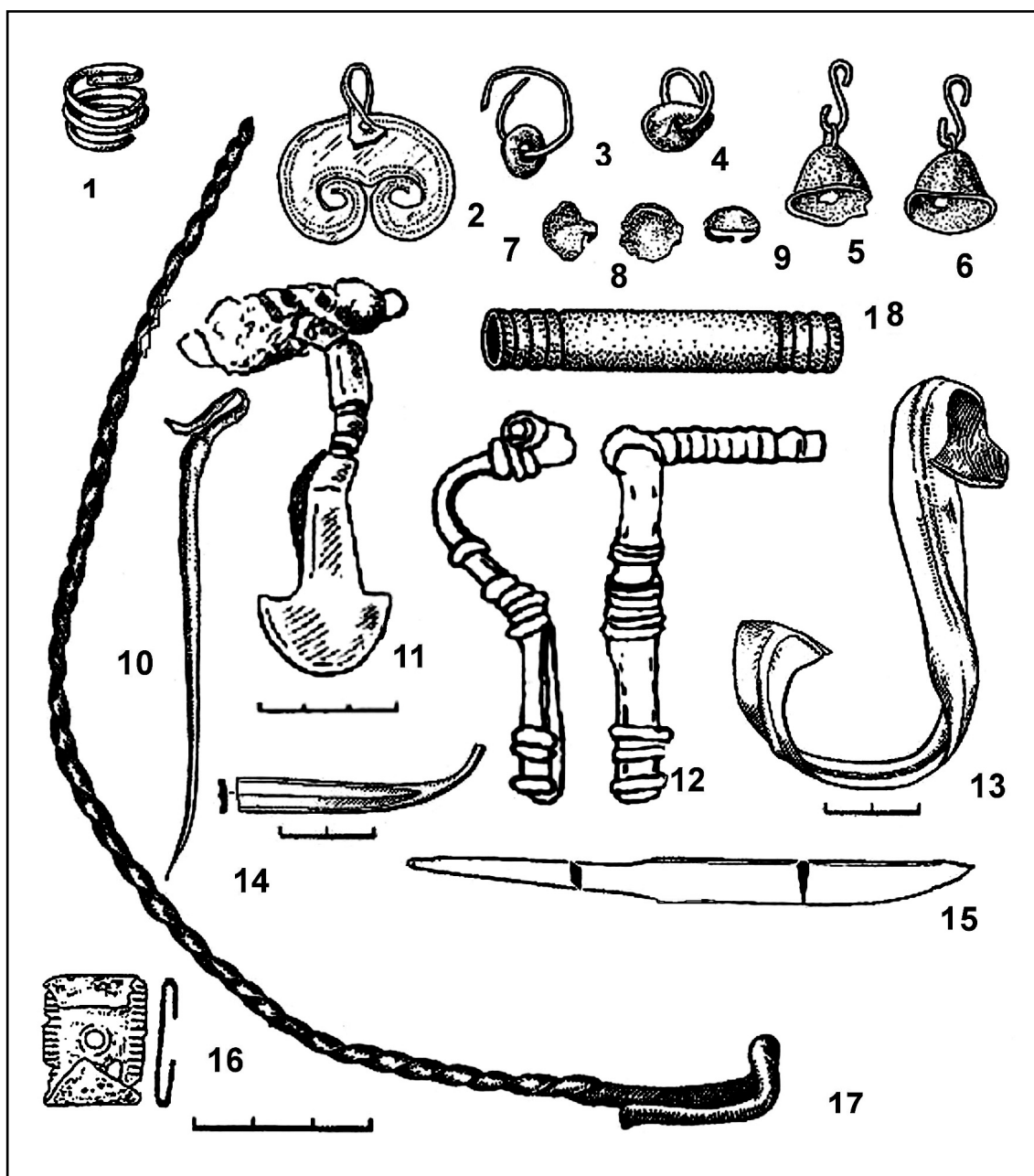

Рис. 70. Некоторые предметы убора, происходящие из зоны длинных курганов (1—10 — Аун 1992; 11 — Белецкий 1980; 13—15 — Александров 1982; 16—18 — Исланова 2006).

1—4 — Рысна-Сааре II; 5—8 — Рысна-Сааре I; 9 — Арнико III; 10; 11 — Псков; 12; 13 — Совий Бор, курган 2; 14 — Жеребятино, курган 2; 15 — Городня, курган 3; 16 — Шихино, курган 28; 17 — Шихино, курган 30; 18 — Млевский Бор, курган 23.

такие предметы найдены. Как мы уже могли убедиться, дата поселения Юрьевская Горка, где такие формочки представлены, не выходит за пределы второй трети V — второй трети VI в. По сочетанию западной пряжки и «крапчатой» бусины, оптимальная дата Юрьевской Горки определяется серединой VI в. К этому времени, если не к первой половине VI в., и можно отнести распространение фомочек в лесной зоне. Можно вспомнить и находки на мощинском городище

Николо-Ленивец (Никольская 1962: рис. 6: 2, 3). Как я уже подчеркивал, мощинская культура вряд ли переживает V в. (Казанский 1999: 407). Правда, в последнее время сборы на некоторых мощинских памятниках выявили на них наличие вещей «геральдического» стиля (Воронцов 2003). Так что в дальнейшем верхняя дата мощинской культуры может быть пересмотрена, когда такие вещи появятся и в закрытых комплексах или в надежно документированных мощинских слоях.

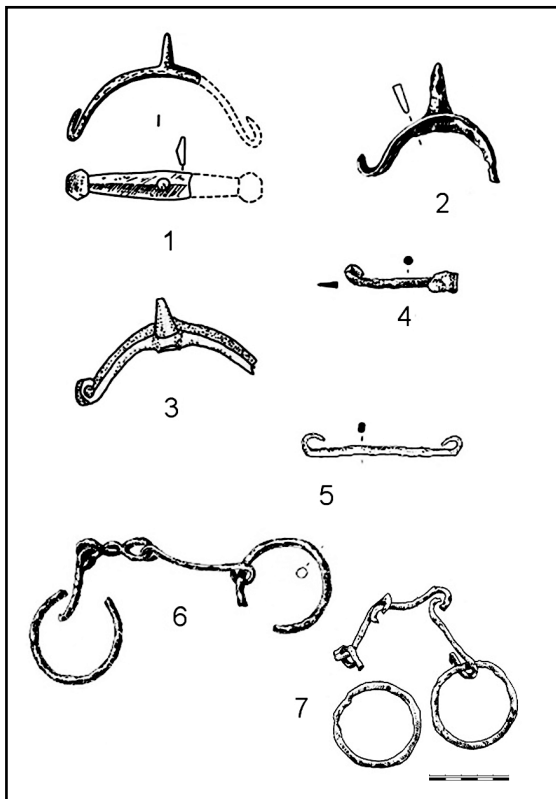

Рис. 71. Шпоры и удила из зоны культуры длинных курганов (1, 4, 5) и их балтские аналогии (2, 3, 6, 7) (Kazanski 2007).

1 — Дорохи-4, курган 1; 2, 6 — Саукасмуина; 3 — Саугиняй; 4, 5 — Юрьевская Горка; 7 — Яунейкай.

Помимо славянского компонента, в культуре длинных курганов ощущается и балтский компонент. Уже неоднократно подчеркивалось родство цивилизации длинных курганов с балтскими древностями, в частности, с культурой восточнолитовских длинных курганов. В обоих случаях наблюдается удлиненная форма насыпей, отмечается наличие погребального костра под насыпями (Таутавичюс 1959: 144, 145; 1980; Конецкий 1997: 221). В.В. Седов также обратил внимание на сходство некоторых длинных курганов с захоронениями в группе Сувалки. Так, каменные конструкции прослежены в длинных курганах Северик, Лоцицы, Лоози, Верепково, Выбуты (Седов 1995: 216). Похожие каменные конструкции известны и в курганах с трупосожжениями в группе Сувалки (Jaskanis, Okulicz 1981: 241; Седов 1987: 415).

Балтские элементы присутствуют и в женском уборе культуры длинных курганов. Височные проволочные кольца, найденные в курганах Казиха, Репьи, возможно, Лезги, происходят из Восточной Литвы (Седов 1995: 218—229). В могильниках Березно, Рысна-Сааре II, Березцы VI найдены бусины, надеваемые на проволочные кольца (рис. 70: 3, 4) (Аун

1992: рис. 51: 8, 9; Кузьмин 2003: рис. 1: 14, 2: 1, 7).³⁴ Как уже отмечалось, они присутствуют только в западной части ареала культуры длинных курганов они могли попасть в результате контактов с западными балтами, поскольку такие вещи имеются в группе Сувалки, в кургане 7 могильника Нетта (Okulicz 1955: tab. 38: 1).

На поселении Юрьевская Горка (Исланова 1997: рис. 76: 22) и в кургане 30 могильника Шихино (Мальм, Фехнер 1969: рис. 4: 2) найдены балтские гривны с замком в виде посоха (рис. 68: 7; 70: 17). Такие гривны довольно редко попадают на территории к востоку от Прибалтики. Назовем находку в Вязовенка, культуры Тушемля (Шмидт 1994: рис. 5: 5) и клад в Узьмина Горка, Гдовского уезда (Tallgren 1938: 12, Abb. 15; Корзухина 1954: табл. 3). Зато они хорошо известны в зоне расселения балтов и прибалтийских финнов. Этот тип гривен существует уже в середине VI в., как показывает находка в погр. 145 литовского некрополя Плинкайгалис (Kazakevičius 1993: раv. 145: 1, 3) вместе с парой фибул типа Долъкайм/Коврово, литовского варианта (о них см. Bitner-Wróblewska 2001: 48—50).³⁵ Отметим также находку из кургана 5 могильника Судата 1 (Kaczyński 1963: рис. 9: p) из группы Сувалки, с довольно ранним умбоном щита. Другие находки подобных гривен обычно относят к VII—VIII вв. Это, например, гривна из Середжюс (Урбанавичюс 1987), из могильников Боки (The Semigallians 2005: № 63), Оши (The Semigallians 2005: № 119), Паюостис (The Selonians 2007: № 86), или из кладов с территории Латвии (Urtans 1977: № 30, att. 62: 3; № 33, att. 65: 1; № 34, att. 66: 3; № 35, att. 67: 1, 2, 4, 5). Некоторые находки латвийские археологи датируют еще более поздним временем (см., напр.: The Semigallians 2005: № 214, 234, 977; The Selonians 2007: № 132).

Колокольчики с широким краем, так называемого «латгальского типа» (рис. 70: 5, 6), относимые ко времени с VII в., были найдены в кургане в Арнико (Седов 1974: табл. 23: 35) и в кургане 1 некрополя Рысна-

³⁴ Эти украшения имеют восточногерманское происхождение, поскольку для римского времени они хорошо засвидетельствованы, прежде всего, в цивилизациях Вельбарк и Черняхов (Kazanski, Mastykova 2003: 166).

³⁵ В целом такие фибулы в Юго-Восточной Прибалтике относятся к периоду E южнобалтийской хронологии (его абсолютные датировки отличаются от дунайского периода E), то есть к VI—VII вв.

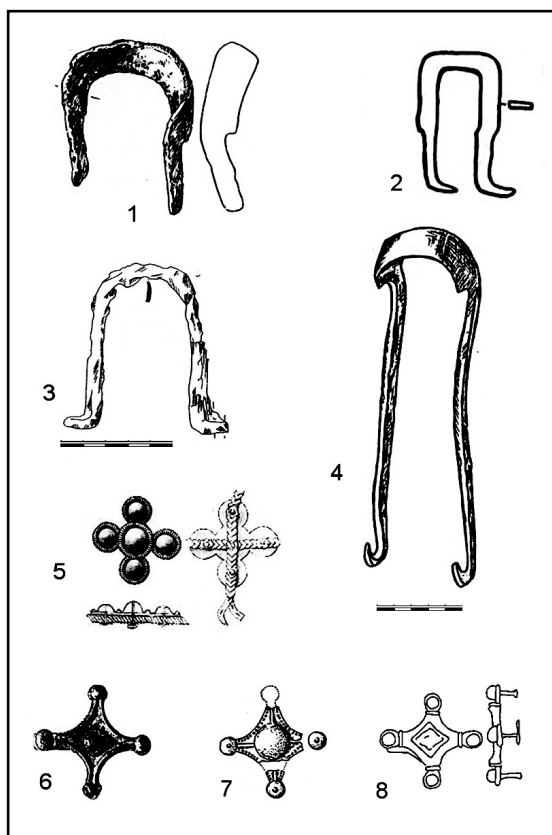

Рис. 72. Находки скребниц (?) и крестообразных уздечных накладок из кургана 25 могильника Шихино и их балтские параллели (Kazanski 2007).

1 — Руцава-Мазкатужи; 2 — Вершвай; 3 — Хюненберг/Гора Великанов; 4, 7 — Шихино, курган 25; 5 — Швейцария; 6 — Альтхоф-Инстербург; 8 — Алдиг-Хейдекруг.

Сааре (Аун 1992: рис. 51: 1—6), а также в Заполье-1 (Платонова 1996: 11). Эти колокольчики хорошо известны в балтском контексте начала средневековья (см., напр.: Звяруга 2005: рис. 31: 11; LA 1974: 42: 22, 84 att.; Седов 1987: табл. 106: 20; Kuncienė 1983: pav. 1: 10; Kaciński 1963: рис. 18: w). Реже они встречаются у финнов (Kentskalns: Stubavs 1976: 4: 9 tab.; Дьяково: Кренке 1983; Uskela-Palomäki: Kivikoski 1973: Taf. 33: 273), в цивилизации Тушемля (Звяруга 2005: рис. 69: 3), а также у славян культуры Прага (например, для поздней фазы пражской культуры, на укрепленном поселении Шелиги: Parczewski 1993: Abb. 19: 11—13), а для более позднего времени в Изборске и в смоленских длинных курганах (Михайлова 2006: 113).

Типичные для восточных (летго-литовских) балтов украшения головы, состоящие из металлических пластинок и витых пронизок, хорошо известны в погребениях цивилизации длинных курганов (рис. 68: 8, 20; 70: 16): Володи, Городня, Березино,

Березно 1, Березицы 4, Репьи, Полибино 1, Квасильниково, Любахин 1, Ладыгинский Бор, Усть-Белая, Подол-1, Юрьевская Горка, Шихино, Крюково озеро, Степаново 3, Варшавский Шлюз 1, Куженкино, Потерпелицы 1, Северик, Плесо 6, Гринино 2, Куреваниха 3, Березовый Рядок (сводка: Михайлова 2007). Они имеют хорошие параллели в Восточной Литве и в прилегающих районах Белоруссии (Volkaite-Kulikauskene 1986: 158; Kunicenė 1973: 5: 4, 5: pav. 4; Покровский 1897: табл. 9: 5, 6). Впрочем, отнесение всех металлических пластин, найденных в длинных курганах, именно к женскому убору несколько условно. Похожие пластины в Восточной Латвии, напоминающие изделия из Любахина и Подол-1, входили в состав поясных гарнитур, датируемых здесь VI—VIII вв. (Ciglis 2006: pav. 4: 4). Надо также учитывать, что зона распространения таких пластин шире балтского ареала и охватывает также финские территории лесной зоны, а в предшествующее римское время — также зону мощинской культуры и даже Крым (например, Tallgren 1926: Abb. 16; Tamla, Janits 1977: Abb. 1: 12; Розенфельд 1982: рис. 1: 7; Воронина и др. 2005: рис. 33: 9; Мыц и др. 2006: 156, 157).

Известны в культуре длинных курганов и балтские булавки с коленчато изогнутым навершием (см. выше). Они найдены в Лаоссина, курган 11 (рис. 70: 10) (Аун 1992: рис. 51: 16), и на поселении Колода (информация Е. Р. Михайловой).

Некоторые предметы вооружения — шпоры с невысокой уплощенной аркой и двумя отогнутыми наружу крючками (рис. 71: 1), умбон типа Либенау (см. ниже), четырехлепестковые накладки на сбрую (рис. 72: 7), так называемые «скребницы» (рис. 72: 4)³⁶ — также попадают в зону длинных курганов вместе с балтами (подробно: Kazanski 2007; Казанский 2008).

Умбон типа Либенау (о них см. подробно Kazanski 1994: 445, 446; Казанский 2008: 307, 308) из Доложского погоста (рис. 73: 2) привлекает особое внимание. Он происходит из кургана 45 некрополя Доложский погост (курганная группа Заручье 1), в истоке р. Долгой, левого притока Луги (Спицын 1896: табл. 18: 16). Этот тип широко распространен в эпоху переселения народов, как у германцев, так

³⁶ Некоторые специалисты высказывают сомнения в правомерности отнесения этого предмета к погребальному инвентарю кургана, поскольку он был обнаружен непосредственно под дерном, то есть практически на современной дневной поверхности.

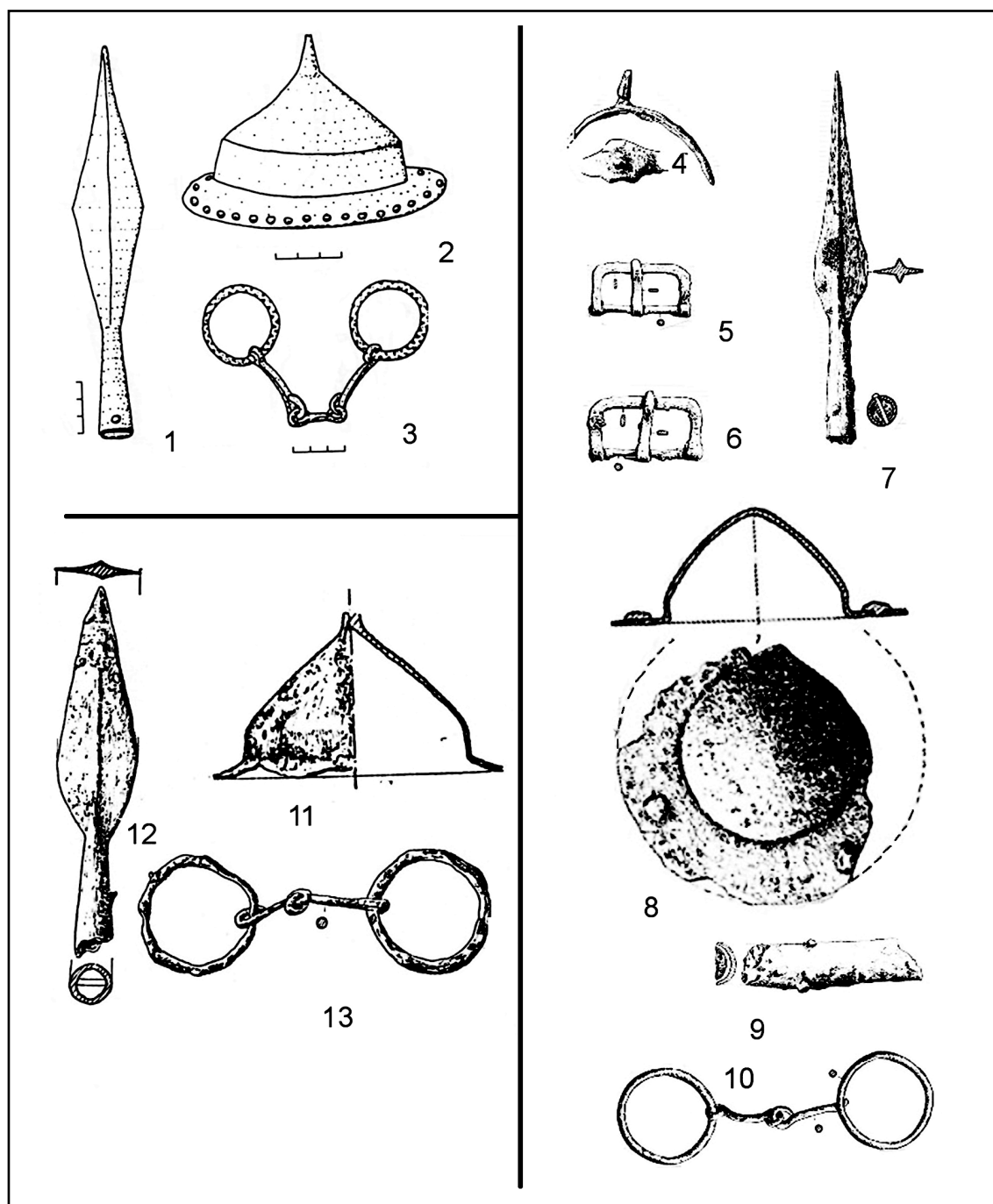

Рис. 73. Комплекс вооружения из кургана 45 могильника Доложский погост и его некоторые параллели из погребений группы Сувалки (Kazanski 2007).

1—3 — Доложский погост, курган 45; 4—10 — Осова, курган 4; 11—13 — Осова, курган 71.

и в позднегерманской армии. Сравнительно редко умбоны типа Либенау появляются на южном и восточном берегу Балтики (Kazanski 1987: annexe 4). Назовем находки в Глувиче в польском Поморье (Machaewski 1992: рис. 3: 8), Страгнай в западной Литве (Казаквявичюс 1988: рис. 48: 4), Киримяэ в западной Эстонии (Tallgren 1926: Abb. 20, 21). Их несколько больше в юго-западной Финляндии, где они появляются в V в. (напр.: Pihlman 1990:

296, 297, Bild. 21: 6, 25; Kazanski 1987: annexe 4, № 32—40). В последнее время несколько умбонов типа Либенау были зафиксированы для эпохи переселения народов на Среднем Дунае (см. список: Ivanišević et al. 2006: 42). В лесной зоне Восточной Европы, помимо Доложского погоста, мне известен лишь один умбон типа Либенау, с городища дьяковско-го типа Луковня в Подмосковье (Ахмедов, Казанский 2004: рис. 5: 8).

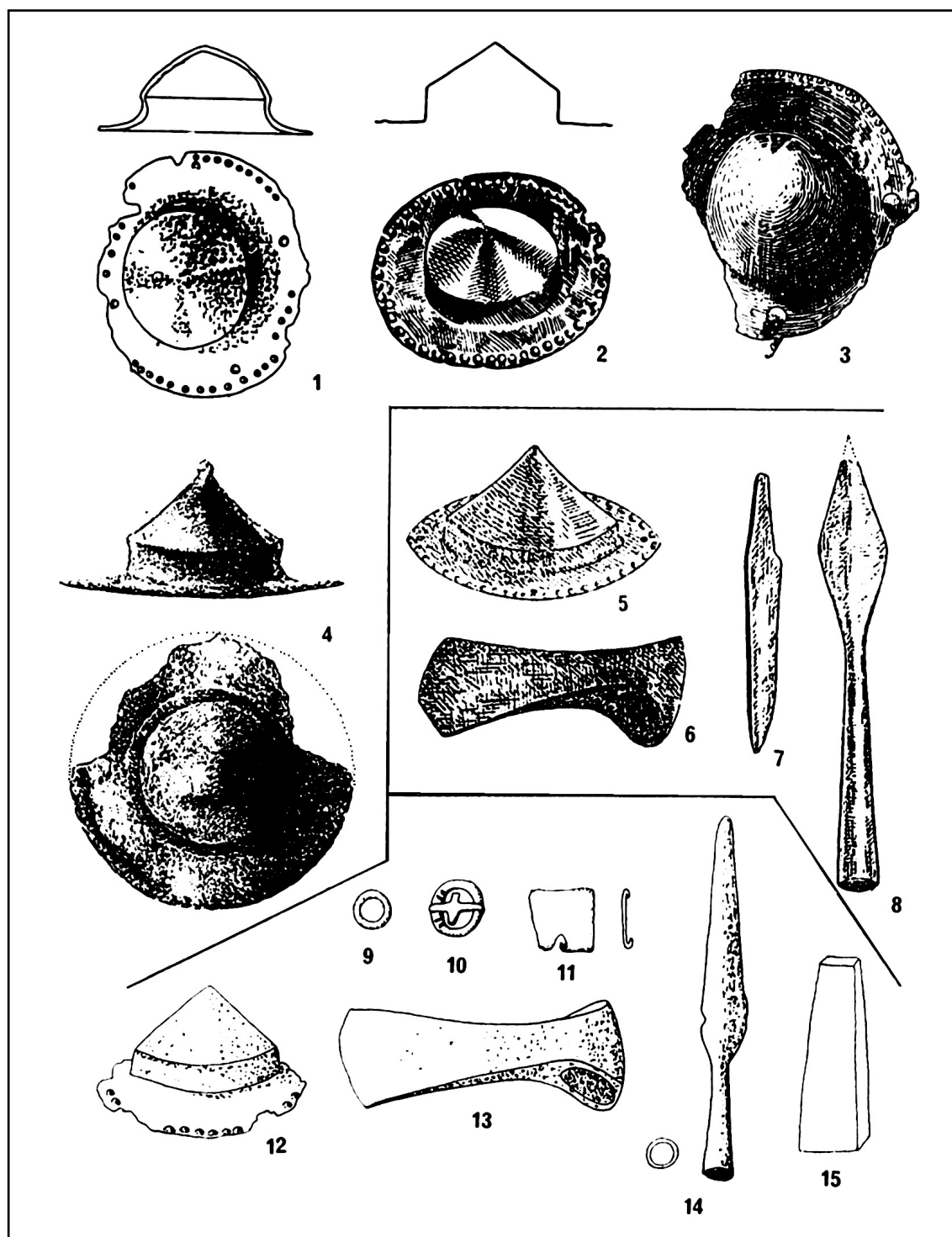

Рис. 74. Некоторые находки балтских умбонов с «жемчужным» декором (Kazanski 1991).

1 — Григишкес, курган 13; 2 — Памусис; 3 — Черная Лужа; 4 — Крикштонис; 5—8 — Парнаугле, курган 1; 9—15 — Верескеляй.

Как уже было показано мною ранее, «жемчужный» декор на поле умбона из Доложского погоста имеет аналоги почти исключительно на балтских умбонах из Литвы и Белоруссии. В качестве примера можно назвать умбоны из Черной Лужи, Григишкеса, Крикштониса, Таурапиласа, Рамусиса, Версекеле, Вижая

(рис. 74) (Kazanski 1991: fig. 4—6; Казанский 1999: 409; Kazanski 2000 a: 204; Казанский 2008: 308; Каргопольцев, Шукин 2002: рис. 6; Kargopol'tsev, Schukin 2006: fig. 8), Засвири и Каробки (Звяруга 2005: рис. 30: 2, 44: 2). Поэтому данный умбон уже давно причислен к балтским (Kazanski 1991). «Жемчужный»

декор имеет, видимо, германское происхождение, поскольку для римского времени его прототипы зафиксированы на умбонах из скандинавских болотных находок (напр.: Raddatz 1987: Taf. 22: 5, 79). Однако в Скандинавии этот декор, видимо, не прижился: по крайней мере, в эпоху переселения народов мне он здесь не известен.

Набор вооружения из кургана 45 — копье, умбон с характерным «балтским» декором, удила — идентичен находкам в курганах сувалкской группы позднеимского времени (рис. 73: 4—13) (Осова, курганы 41 и 71; Швейцария, курган 2) и редко встречается за пределами балтского мира (Казанский 1999: 411; Kazanski 2000 a: 205). Предметы конской экипировки, найденные в кургане 25 могильника Шихино, в частности, крестообразная бляха сбруи и «скребница» (рис. 72: 4, 7), типичны для западных балтов Самбии и региона Сувалки (Казанский 2008: 310, 311). Можно заключить, что эти два погребения, скорее всего, связаны с выходцами из западнобалтской среды. Отметим, что как раз в эпоху переселения народов у западных (прусских) и восточных (летто-литовских) балтов в погребальном контексте начинают четко выделяться захоронения воинской элиты (Vaitkunskienė 1995; 2003, Кулаков 2003: 204—206; Kulakov 2005 a: 54, 63, 64), традиции которых и могли служить примером для подражания у других лесных варваров.

Итак, балтский вклад в формирование культуры длинных курганов, наряду со славянским и финским, мне представляется очевидным, тем более что древние балтские топонимы хорошо представлены на русском Северо-Западе (Агеева 1989: 185—208). Видимо, с какими-то группами балтского населения и проникают в лесную зону России предметы «западного» вооружения. Вряд ли их диффузию можно объяснить только внутрикультурными изменениями в местной среде (Лебедев 2005: 444). Такие изменения наверняка имели место в эпоху переселения народов, могла существовать и воинская мода на «балтскую» экипировку, но реальные образцы этой моды, притом в достаточном количестве, могли появиться в зоне длинных курганов только с ее носителями.

Рассмотренный материал, как мне представляется, подтверждает уже высказанное ранее предположение, что в эпоху переселения народов, в V—VI вв., какие-то милитаризованные группы дунайско-германского, славянского и балтского населения продвигаются в лесную зону Восточной Европы

(Казанский 1999; Kazanski 2000 a; Kazanski 2000 b; Ахмедов, Казанский 2004). Это движение было вызвано дестабилизацией военно-политической ситуации в Северном Причерноморье и на Среднем Дунае в эпоху становления там гуннской державы, ее распада и формирования дунайских королевств восточных германцев. Сравнительно немногочисленные, но жестко организованные и высоко милитаризованные группы разноплеменного населения покидают черноморско-дунайский регион и мигрируют в разных направлениях, вплоть до южной Скандинавии, как об этом свидетельствует уже упоминавшийся рассказ Прокопия Кесарийского о герулах (Прокопий. ВГ, II.15).

Другие группы, о которых в письменных источниках не сохранилось никаких сведений, видимо, продвигались в северо-восточном направлении. Кстати, дунайские элементы в культуре балтского населения Пруссии и Литвы уже неоднократно отмечались исследователями (см., напр.: Werner 1977; Кулаков 1989: 174; Nowakowski 2000). Компактная группа находок среднедунайского происхождения позднего V — раннего VI в. четко фиксируется в Восточной Литве, к востоку от верхнего течения Швянтойи, вокруг озера Рубикю (рис. 6) (Bliujienė 2006: 131—138, fig. 8; Bliujienė, Steponaitis 2009). Из Литвы по рекам балтийского бассейна центральноевропейские воины и сопутствующие им группы балтов могли попадать в лесную зону. Практически одновременно, не позднее рубежа V—VI вв., фиксируется начало славянской экспансии из Приднепровья и Приднестровья на юг, к Дунаю. Кульминационным моментом раннего периода этой миграции стали ужасающие склавинские нашествия на Балканы 540-х — 550-х гг. Для того же времени склавини зафиксированы и на Среднем Дунае, где они ввязываются в борьбу за престол между представителями лангобардского королевского дома. О наличии в это время у славян высоко милитаризованных группировок свидетельствует появление антских и склавинских наемников-профессионалов в армии Юстиниана (Казанский 2005—2009). Логично предположить, что славянская экспансия второй трети VI в. могла задеть не только балкано-дунайские земли, но и более северные территории, занятые родственным славянским и балто-славянским населением. Появление «южных» и «западных» военизированных групп приводит к обострению военной обстановки в лесной зоне Восточной Европы.

Действительно, судя по археологическим данным, в эпоху великого переселения народов в лесной зоне от Немана до Волги происходит резкое возрастание военной опасности (см. подробнее Лухтан 1996; Фурасьев 1996; Казанский 1999; Kazanski 2000 a; Kazanski 2000 b; Ахмедов, Казанский 2004; Kulakov 2006 и др.). Возникает большое количество укрепленных городищ, на ряде из них зафиксированы слои пожаров. На некоторых, например, на Демидовке, Аукштадварисе, Аукуро-Калнасе отмечены бесспорные следы военных действий (Лухтан 1996; Фурасьев 1996). Интересно, что на этих трех городищах найдены не характерные для лесной зоны трехлопастные наконечники стрел «гуннского типа» (рис. 77: 11). Одна стрела засела в костях человека, погребенного на могильнике Плинкайгалис (Казакевичюс 1986; Kazakevičius 1993: 63 pav.). Было бы неправильно связывать такие стрелы только со степными кочевниками, они широко применялись и оседлыми варварами, в частности, славянами и германцами (Казанский 1999; Kazanski 2000 a; Казанский 2008: 306, 307; Bitner-Wróblewska, Kontny 2006; о раннеславянском оружии подробно: Kazanski 1999 a; Казанский 2005—2009). Да и трудно себе представить прорыв степной кавалерии в Литву, на Псковщину или на Смоленщину, куда кочевники не добирались даже во времена Батыя.

Среди возможных причин продвижения аллохтонных групп на север, вызвавших общую дестабилизацию в лесной зоне, можно назвать события конца IV в. — V в.: вторжение гуннов в Восточную Европу, падение готской «империи Германариха», неудачную войну остроготов со своими северными соседями венедами-антами и их гуннскими покровителями (Иордан, *Getica* XLVIII, 246), рождение и гибель гуннской «империи», возвращение гуннов в черноморские стапы после разгрома у Недао, уход остроготов и захват их территории антами и склавинами, появление болгар в восточноевропейских степях, бесконечные войны между германскими королевствами на Дунае. Это все происходило в южной части Восточной Европы, хорошо освещенной письменными источниками; что конкретно происходило севернее, можно лишь догадываться. Мигранты не оставили глубокого следа в культуре местного населения и, видимо, были достаточно быстро ассимилированы, но в конкретной ситуации V — начала VI в., в момент общей дестабилизации в лесной зоне Восточной Европы, такие группы на короткий период могли сыграть

важную роль в военно-политической истории региона. Видимо, их деятельность напоминала акции скандинавов на той же территории в более позднее время, в VIII—IX вв. События могли принять характер цепной реакции: агрессия со стороны пришлых групп могла вызвать быстрое отступление носителей культур длинных курганов и Тушемли на запад, север и северо-восток, что, в свою очередь, спровоцировало волну миграций финского и балтского населения по всей лесной зоне. Недаром Г.С. Лебедев удачно сравнил «среднеевропейский» импульс с «ударной волной» (Лебедев 2005: 444). Впрочем, повторюсь, как разворачивались конкретные события, не знает сейчас никто.

В контексте нашего исследования особенно интересно присутствие в культуре длинных курганов прибалтийско-финских и, возможно, скандинавских элементов.

По мнению В.В. Седова, финским является и обычай предварительного выжигания места для кургана (Седов 1995: 217). Впрочем, совсем не исключено, что речь идет о погребенной почве в зоне лесных подзолов (Рыук 1979).

Прибалтийско-финские вещи и элементы проявляются прежде всего в женском уборе.³⁷ Хорошо известны в длинных курганах бляшки-скорлупки (рис. 70: 7—9). Они распространены по всей территории этой культуры, от Эстонии и Северной Белоруссии до Мологи и Шексны. Назовем находки на таких памятниках, как Арнико (Седов 1974: табл. 25: 23), Володи (Седов 1974: 49), Яблонька 3 (Исланова 2006: рис. 94: 1—13), Горско (Александров 1982, рис. 3: 7), Жеребятино (Седов 1974: табл. 25: 25, 33), Лезги (Седов 1974: 47), Светлые Вешки (Седов 1974: табл. 25: 24), Северик (Седов 1974: 46), Степаново III (Петров 2006: рис. 2: 1, 3: 10), Которск (Кузьмин 2003: рис. 3: 5), Репьи (Лебедев 1978: рис. 2: а, в), Михайловское (Станкевич 1960: рис. 77: 2), Атоки (Штыхау 1992: мал. 14: 1—20), Квасильниково (Конечкий 1996: рис. 1: 5), Раха (Пронин 1988: рис. 4), Любахин (Башенькин 1995: рис. 8: 4). В Эстонии бляшки-скорлупки известны в могильниках поздне римского железного века и эпохи переселения народов с каменными

³⁷ Вряд ли серьезно сопоставление эстонских каменных могильников с каменными конструкциями в курганах, поскольку камни в курганах хорошо известны и у балтов (Седов 1995: 216). Еще менее серьезны такие аргументы, как наличие текстильной и гладкостенной керамики, обряд трупосожжения, бедность инвентаря (см., напр.: Селиранд 1983: 28).

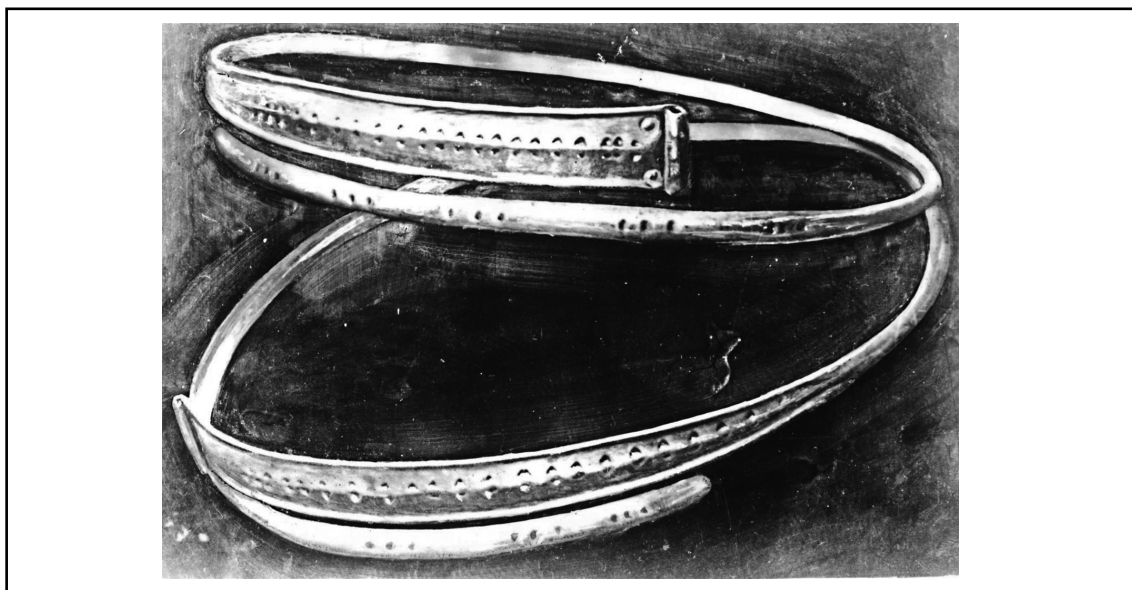

Рис. 75. Браслет из могильника Володи (фото предоставлено Е. Р. Михайловой).

оградками, в Кохтла-Ярве 2 (Шмидехельм 1955: рис. 34: 7), Ябара В (Шмидехельм 1955: рис. 19: 7). Бляшки из длинных курганов принадлежат к группе ША, распространенной в римское время на Готланде и в Прибалтике, от Пруссии до Латгалии (Blumbersgs 1982: 19, 22, 23). При этом, кажется, намечается их постепенная диффузия с запада на восток. Так, в Пруссии эти бляшки известны с I в., в Литве — со II в. и в Латгалии с IV в. (Blumbersgs 1982: 26). Логично предположить, что к населению длинных курганов эти бляшки попадают от прибалтийских финнов, оставивших могильники типа Таранд. Бляшки-скорлупки могут быть как украшениями поясов, в том числе мужских, так и элементами головного венчика в женском уборе.

Не исключено, что прибалтийско-финскими являются уже упоминавшиеся пластинчатые узкие браслеты с рельефным продольным валиком (рис. 70: 13). Они найдены в курганах Городня (Седов 1974: табл. 26: 19), Горско (Седов 1974: табл. 26: 22, 23), Грядище (Седов 1974: табл. 26: 17, 18), на Юрьевской горке (Исланова 1997: рис. 19: 13) и в Верепкове (Грушина 1990). Известна и случайная находка таких браслетов в Турове, в бассейне Луги (информация Е. Р. Михайловой). Впрочем, как уже говорилось выше, такие браслеты известны также у балтов и славян и их дата шире, чем эпоха переселения народов.

Видимо, прибалтийско-финским элементом в длинных курганах являются и спиральные перстни (рис. 70: 1): Лаоссина, Рысна-Сааре II, Городня, Овчиноще-Обинитса, Каменка, Шихино, курган 17 (информацией о последних трех находках я обязан

Е. Р. Михайловой). Они распространены у прибалтийских финнов и у балтов (напр.: Aspelin 1880: 251, fig. 1224, 258, Abb. 1291, 1292; Aspelin 1884: 330, 333, 338, fig. 1747, 1765, 1811; Appelgren-Kivalo 1907: Taf. 1: 13; Hackman 1905: Abb. 11: 7, 8; Moora 1929: Taf. 27: 5, 28: 1, 2, 4, 9; Kivikoski 1973: Taf. 16: 126, 33: 266; Шмидехельм 1955: рис. 13: 2, 7; 9: 10; 14: 1, 8, 10, 16, 20, 21, 23; 19: 11, 13; 28: 2; 30: 1, 2; 31: 4; Аун 1992: табл. 26: 10, табл. 53: 4; рис. 20: 4; 26: 1; Петренко, Вирсе 1993: рис. 4; Розенфельд 1982: рис. 20: 20, 21; LA 1974: pl. 1: 1, 2; Казанский 1999: 407). С другой стороны, такие перстни известны и довольно далеко на востоке (Розенфельд 1982: рис. 20: 10—19).

Также прибалтийско-финскими, судя по географии их распространения, являются браслеты с довольно длинными, расширяющимися к концам лопастями. Они также засвидетельствованы, насколько мне известно, только в районе Псковского и Чудского озер (рис. 70: 14; 75): Володи, Жеребятино, Сторожинец (Кузьмин 1991: табл. 2: 12; Александров 1982: рис. 3: 11; Попов 1989: рис. 3: 17). Возможно, их прототипами послужили браслеты поздне-римского времени из Эстонии (Quast 2004: 254—256, Abb. 9). Не исключено даже, что, как полагает Е. Р. Михайлова,³⁸ два браслета из Володей (рис. 75) сами по себе являются поздне-римскими. Параллели (правда, довольно поздние) известны и в Финляндии (Kivikoski 1973: Taf. 50: 457). В то же время в Южной

³⁸ Это мнение пока ею высказано лишь в устных докладах и в частных беседах.

Прибалтике, точнее, в Пруссии, эти браслеты засвидетельствованы уже в римское время (Nowakowski 1996: Taf. 86: 7). Возможны и их скандинавские прототипы позднеимского времени (Quast 2004: 254—256).

Считается, что трехрогие лунницы с гравируемым декором или с его имитацией, происходящие из длинных курганов (рис. 70: 2) (Горско, Рысна-Сааре, Любахин: Каргопольцев, Бажан 1993: рис. 6: 13, 14, 19, 20), восходят к подвескам стиля Сесдаль (Каргопольцев, Бажан 1993: рис. 6: 1, 3—8, 10—12). Но по форме лунницы из Рысна-Сааре и Любахины стоит сравнить с финляндской подвеской (Kivikoski 1973: Taf. 70: 633, она отнесена к VII в.). Иными словами, такие лунницы могли попадать к населению длинных курганов через посредство прибалтийских финнов. Известны, правда, такие подвески и у западных балтов, например, в Келларен, но там лунница имеет еще и тисненый орнамент (Aberg 1919: 102, Abb. 144, 145).

Наконец, стоит упомянуть ножи с длинным черенком (рис. 70: 15), найденные, в частности, в Рысна-Сааре I, курган 1 (Аун 1992: табл. 50: 5) и в Которске 12, курган 1 (Кузьмин 2003: рис. 3: 1).³⁹ Такие же ножи известны у прибалтийских финнов, в каменных оградках в Ябара (Шмидехельм 1955: рис. 12: 8, 24: 1) и в Финляндии (Aspelin 1880: 256, fig. 1264; Hackman 1905: Fund 1, Abb. 12: 7; Fund 50, Abb. 12: 5, Kivikoski 1973: Taf. 20: 176, 40: 370; Schauman-Lönnqvist 1988: Fig. 21: 98; 29: 4; 49: 21). Такие ножи хорошо представлены и в скандинавском материале позднеимского времени — эпохи переселения народов (см., напр.: Ørsnes 1988: Taf. 105: 7, 8 и др.).

Вне контекста длинных курганов присутствие прибалтийских финнов к востоку от Псковского озера фиксируется для конца переселения народов, скорее для VI в., двумя находками:

— **Псков, слой поселения** (рис. 70: 11) (Белецкий 1980: рис. 6: 5). Лопатковидная фибула типа VI—VII. Она представляет собой местную, прибалтийско-финскую переработку лопатковидных балтских фибул (Bitner-Wróblewska 2001: 63);

— **Городня и Люботеж, городища в б. Гдовском уезде** (рис. 70: 12) (Tallgren 1938: fig. 14; Шмидехельм 1955: 220).

³⁹ В целом для зоны длинных курганов таких ножей насчитывается не менее полутора десятков, в основном в западной части ареала этой культуры (информация Е. Р. Михайловой).

Фибулы с кольчатым декором. Из них опубликована лишь фибула из Городни, находка из Люботеж описана как «очень похожая». По публикации А. Тальгрена сложно понять, то ли речь идет о городище у дер. Городня (на р. Черной, впадающей в Чудское озеро), то ли о дер. Городище того же Гдовского уезда, где также имеется городище с длинными курганами (обо всех памятниках — информация Е. Р. Михайловой). К сожалению, детальная типология и хронология этих западнобалтских по происхождению фибул (см. выше) на современном уровне не изучалась. Похоже, что застежка из Городни относится к поздним вариантам фибул с кольцевой гарнитурой. Территориально наиболее близкие параллели происходят с территории Финляндии и Эстонии (см. выше), что и позволяет отнести это изделие к числу импортов из прибалтийско-финской зоны.

Прямое скандинавское влияние в зоне культуры длинных курганов крайне незначительно. Так, пронизка из Млевского Бора (рис. 70: 18) (Исланова 2006: рис. 102: Г. 9) несколько напоминает находки в Лойма в Финляндии и Алфривстон в Англии (рис. 37: 2, 3) (Vierck 1967: Abb. 1: 2, 3). К несколько более позднему времени, чем интересующая нас эпоха, относятся уже упоминавшиеся симметричные скандинавские фибулы из Изборска и Ладоги (рис. 62: 1, 6) (Quast 2004: 265, 266). Стоит особо подчеркнуть отсутствие воинских предметов южно-скандинавского или североморского происхождения. Похоже, что население культуры длинных курганов скорее подражало культуре балтских воинских элит: об этом свидетельствуют курганы в Доложском погосте и в Шихино. Нет здесь и изделий, например, женских украшений первого звериного стиля, довольно широко распространявшихся под скандинавским влиянием в Финляндии и Эстонии.

В целом, стоит подчеркнуть, что находки вещей прибалтийско-финского облика в зоне культуры длинных курганов свидетельствуют о контактах населения Северо-Западной России с соседними прибалтийскими финнами, возможно, даже о включении отдельных прибалтийско-финских групп в состав населения культуры длинных курганов. Зато ни о каком заметном скандинавском присутствии или о влиянии в этой зоне, в отличие, скажем, от соседней Эстонии, говорить не приходится. Археологических данных или свидетельств письменных источников на этот счет не имеется.

9. Западная Двина и Восточный Путь в эпоху переселения народов

Остается рассмотреть еще один возможный путь проникновения скандинавов в лесную зону Восточной Европы, богатую пушным зверем, — по Рижскому заливу и Западной Двине, с дальнейшим выходом в бассейн Верхней Волги.

В интересующее нас время бассейн нижнего течения Западной Двины входит в зону восточнобалтских культур, определяемых в Латвии как древности среднего железного века. Ближе к устью представлены грунтовые могильники с ингумациями, выше по течению — как грунтовые могильники, так и курганы с каменными венцами и ингумациями, везде отмечены городища и открытые поселения (LA 1974: 133—174, 59 att.; Седов 1987 а: 354—380; The Semigallians 2005; The Selonians 2007). Их латвийские археологи, а вслед за ними и В.В. Седов, связывают с латгалами, селами и земгалами, заселявшими регион в эпоху крестовых походов, хотя существование земгалов и латгалов в эпоху переселения народов весьма проблематично. Что же касается селов, то первое упоминание о них, возможно, восходит еще к «Географии» Птолемея (Σάλοι, Saloi: Клавдий Птолемей, Географическое руководство, III.5.10, см. Žulkus 2000: 92).⁴⁰

Верхнее и среднее течение Западной Двины занято памятниками культуры Тушемля или Тушемля-Банцеровщина (Митрофанов 1978; Звяруга 2005; Шадьра 2006). В этой зоне наблюдается три основных направления культурных взаимодействий: из зоны колочинской культуры с юга, из зоны длинных курганов с севера и из зоны восточнолитовских курганов с запада (Шадьра 2006: карта 5).

Как известно, двинский путь широко использовался скандинавами в эпоху викингов, чем и объясняется появление в Полоцке варяжского князя Рогволода, известного нам по русским летописям. В то же время водный путь с Готланда на Западную Двину зафиксирован и скандинавскими нарративными источниками

ми, такими, как «Гута-Сага» (Сыромятников 1892).

Вне всякого сомнения, Западная Двина служила речной дорогой и в римское время. Об этом, в частности, свидетельствуют археологические материалы, отмечающие речной путь Днепр — Березина — Двина — Рижский залив (подробнее см.: Kazanski 1992: 82—84, fig. 9). Следует отметить присутствие на Певтингеровой карте *Caput fluminis Selliani* (Подосинов 2002). Эта река вытекает из Северного Океана и в то же время является правым притоком Гипаниса (Южного Буга), соединяя, таким образом, балтийский и черноморский бассейны. Название этого водного потока обычно переводится как «река селов». Учитывая данные о локализации селов на Западной Двине, можно предположить, что данные Певтингеровой карты отражают в искаженном виде какие-то сведения о Западной Двине (Анцилис, Янсон 1962: 100). К востоку от «реки селов» находится еще один рукав Гипаниса *Ca(put) (Hyp)anis paludis* или *Caput fluminis paludis*. На карте четко написано *Cap. Fl. Nis. paludis*, то есть «исток болота Гипаниса» или «исток болотной реки» (Segm. VII.4, Подосинов 2002: 336). Может быть, это Гауя — важная речная дорога римского времени? По крайней мере, так думают латвийские исследователи (Анцилис, Янсон 1962: 100).

Возможно, на существование какой-то трассы вдоль южного берега Рижского залива, так или иначе связанной с устьями Западной Двины и Гауи, указывают находки позднеимперских/ранневизантийских монет (рис. 49). Это, если не считать сомнительного клада в Яунземи, в бассейне Гауи (Кропоткин 1961: № 1505), золотой солид Анастасия (491—514 гг.), найденный в Енгуре, на морском побережье к западу от двинского устья (Moora 1938: 586; Кропоткин 1962: 39, № 308; LA 1974: 62, № 16, 124 att.), а также бронзовая монета Юстиниана I, единственная в Прибалтике, найденная в Разас, к востоку от двинского устья (Кропоткин 1962: 39, № 308). Интересно, что в устье Западной Двины, пустующем в римское время, в V в. на левом берегу появляется население, оставившее могильник Катлакална Плявниекалнс с грунтовыми могилами (рис. 76) (Radiņš 2006: 83, fig. 2, 3). Это, может быть, связано с активизацией речных и морских трасс в районе устьев Западной Двины и Гауи в эпоху великого переселения народов.

⁴⁰ С селами идентифицируют курганные могильники II—VI вв. (см. ниже), которые совпадают с диалектной картой говоров с восходящей интонацией, последние считают типичными для селов (Седов 1987 а: 365). В целом, на основании археологических, исторических и языковых данных со средневековыми селами идентифицируют территорию в основном к югу от Западной Двины, в глубине материка (об их территории и формировании в средневековье см. Simniškutė 2005; The Selonians 2007).

Рис. 76. Устье Западной Двины в римское время (1) и в раннее средневековье (2) (Radiņš 2006).

1 — укрепленные поселения; 2 — открытые поселения; 3 — грунтовые могильники.

Находки фибул прусского происхождения на нижнем участке течения Западной Двины свидетельствуют, что какие-то контакты по этому водному пути осуществлялись и в V—VI в. Это фибулы с кольчатой гарнитурой (Plavniekkalns, см. выше), фибулы типа Доллякайм/Коврово (Plavniekkalns, Jungjelava, Kunci: Bitner-Wróblewska 2001: fig. 7), фибулы со звездчатой ножкой (Plavniekkalns: Bitner-Wróblewska 2001: fig. 11), летто-литовские версии фибул типа Сенсбург-Мронгово (Jēkabris, Krustpils Mantas: Bitner-Wróblewska 2001: fig. 16). Необходимо упомянуть и балтские питьевые рога V—VI вв. или их детали. Они есть в Упланде (находка в Хаде, середины VI в.,

см. о ней специально Magnus 1999: 121, 122) и в бассейне Западной Двины (Kentes, Lejasbitēne, Lielpuderi: Andrzejowski 1991: № 129, 166, 170); правда, дата латвийских находок априорна, она базируется на устаревшей дате эмалей как изделий V—VI вв. Все это заставляет с осторожностью относиться к мнению латвийских археологов о том, что путь по Западной Двине был дестабилизирован в середине I тыс. (The Selonians 2007: 246). Видимо, контакты по реке все же продолжались.

Однако вверх по Двине, в зону тушемлинской культуры, западнобалтский импорт не идет. Видимо, по каким-то причинам население, оставившее тушемлинские памятники Западной Двины, не пропускало на свою территорию носителей западнобалтских вещей.⁴¹ Нет пока на Западной Двине и находок скандинавского происхождения. Клад из Браслава (Поболь 2001: 77), содержащий золотую монету Валента (364—378 гг.), найденный в Подвинье, недалеко от современной латвийско-белорусской границы, как бы маркирует конечную восточную точку западнодвинской речной магистрали.

Интересно отметить, что при этом в зону тушемлинских памятников Подвинья проникают типичные для восточных (летто-литовских) балтов вещи, такие, как копья типа Казакивичюс II (рис. 77: 10) (Шадыра 2006: табл. 15: I.1), удила с трехчастными грызлами (Шадыра 2006: табл. 15: II.37), браслетообразные проволочные височные кольца (рис. 77: 8, 9) (Шадыра 2006: табл. 17: II.4; 19: II.1), головные венчики со спиральными пронизками (Шадыра 2006: табл. 19: I.1.6; II: 2), многовитковые перстни (Шадыра 2006: табл. 19: I.1) и пр. Значительное количество шпор, найденных на территории тушемлинской культуры, также сближает ее с восточными балтами. Видимо, территория тушемлинской культуры была недоступной не для всех.

Попадают в тушемлинскую зону и вещи дунайской традиции (рис. 77: 1—7), в частности, двупластинчатые фибулы (Демидовка: Шмидт 1970: рис. 3: 11) и элементы поясной гарнитуры (Амброз 1970: рис. 1: 1, 2; Kazanski 2000 b: fig. 4: 18, 19; см. также вещи, опубликованные в: Эпоха меровингов 2007: III: 2; III: 5). Последние датируются второй половиной V в. Об этом свидетельствует спираль-

⁴¹ Похожая ситуация отмечена здесь и для римского времени: вещи, маркирующие контакты Прибалтики с Волго-Окским бассейном, не попадают в Верхнее Поднепровье, занятое тогда населением днепро-двинской культуры (Kazanski 1992: fig. 11).

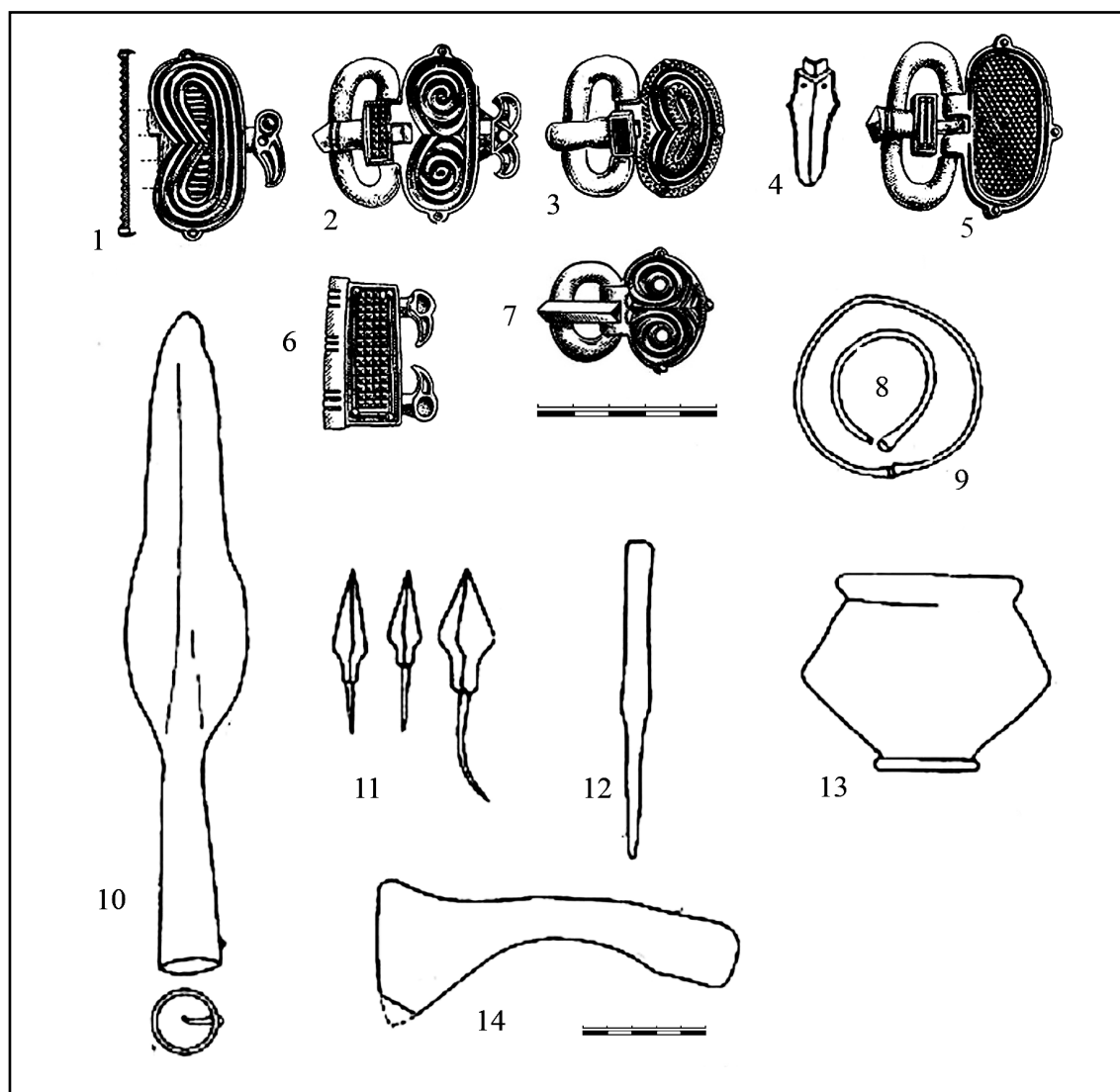

Рис. 77. Вещи из Верхнего Поднепровья и их некоторые параллели (1—3, 5—7 — Амброз 1970; Шмидт 1970). 1 — Хотыща; 3 — место находки неизвестно; 5, 6 — Борки; 7 — Блучина; 2, 4, 8—14 — Демидовка.

ный декор изделий с городища Демидовка и из Хотыщи. Почковидные пряжки со спиралевидным декором типа демидовской широко распространены в Европе во второй половине V — начале VI вв. Спиралевидный декор представлен на пряжках из Блучины, Быстрец, Роммерсхейм (*Or des princes barbares* 2000: № 33, 10; Marcu 1987: fig. 4: 1; Kessler, Schnellerkamp 1933: Abb. 5: 1), все они датируются по контексту находок третьей четвертью — второй половиной V в. Такой же декор присутствует на ножнах восточногерманского парадного меча из княжеского погребения в Таурапиласе (Tautavicius 1981: 12 par.), датируемого по портупейным пряжкам серединой — второй половиной V в. (об их дате: Tejral 1988: 279) и, наконец, на некоторых центральноевропейских фибулах того же времени (Svoboda 1965: t. 33: 2; Bertram 1995: Taf. 8). Мотив из двух птичьих

голов, развернутых в противоположные стороны, как на демидовской пряжке, известен на восточногерманских украшениях со второй половины V в. (например, на итальянской фибуле из Десапы: Vierbrauer 1975: Taf. 6: 1, 2, ее сейчас относят не к эпохе остроготского королевства, а ко времени Одоакра: Menke 1986: 262). Решетчатый декор элементов пояса со Смоленщины (Амброз 1970: рис. 1: 6; Эпоха меровингов 2007: III: 5) хорошо представлен на различных изделиях от середины V до конца VI вв. (Vallet 1988: 52; Tejral 1988: Abb. 38: 1, 2; Tejral 2005: Abb. 3: D.23; I Goti 1994: fig. III: 23). Возможно, к числу центральноевропейских заимствований надо отнести и долотовидные кресала (см. выше), вроде найденного на Демидовке (рис. 77: 12) (Шмидт 1970: рис. 3: 15).

Эти вещи могут свидетельствовать о появлении здесь каких-то выходцев со Среднего

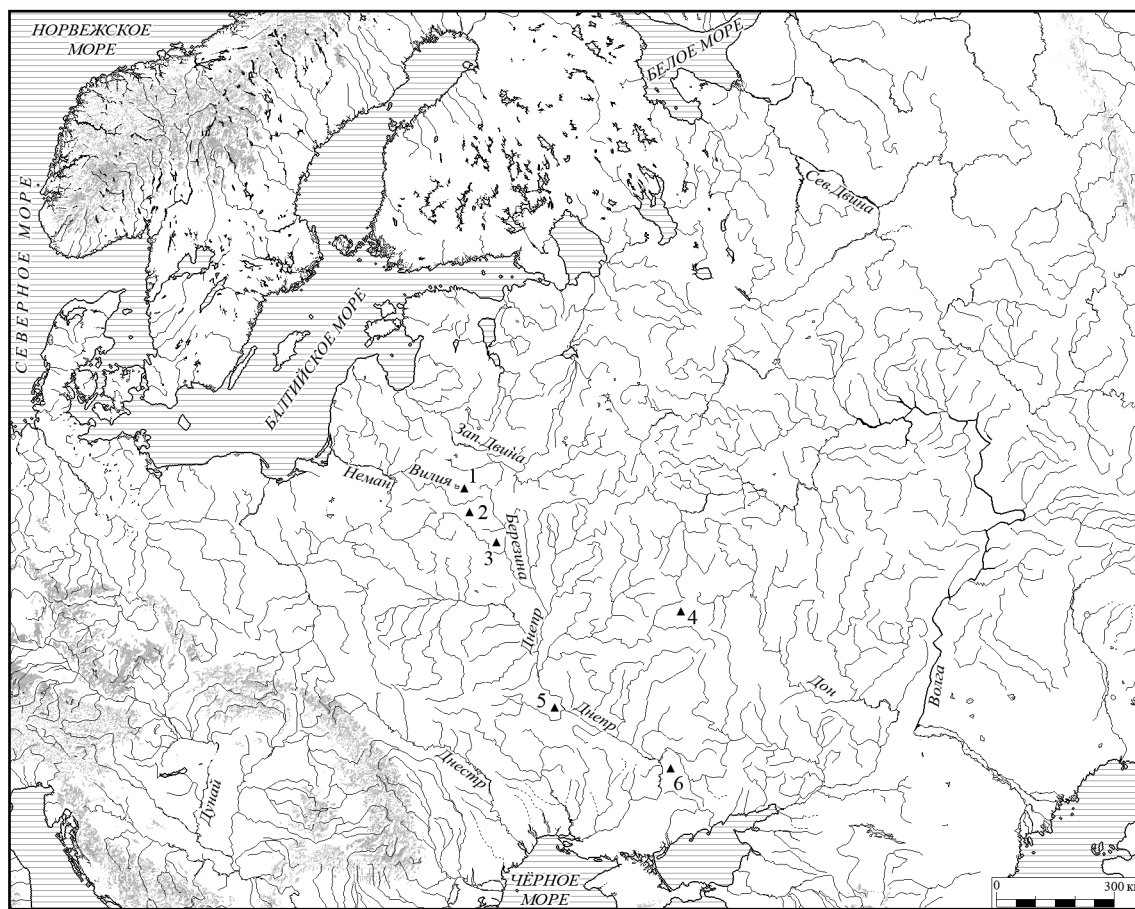

Рис. 78. Распространение западнобалтских и скандинавских вещей в Поднепровье в эпоху переселения народов. 1 — Гурь; 2 — Лабенщина; 3 — Березина; 4 — Каменево-2; 5 — Бабина Гора; 6 — Шульговка.

Дуная. Видимо, их поясная гарнитура послужила образцом для воинских поясов носителей тушемлинской культуры. Действительно, пряжки с почковидным щитком в целом в Западной и Центральной Европе более характерны для мужских погребений с оружием, особенно для захоронений предводителей («*tombes des chefs*» в меровингской археологии), хотя подчас встречаются и в достоверно женских могилах. Скорее всего, с дунайской волной попадают в тушемлинскую зону отдельные предметы «западного» вооружения, такие, как, например, западногерманский боевой топор типа Хюбнер А (рис. 77: 14) (Hübener 1980: 72, Abb. 12: 43, 44), найденный на городище Демидовка (Шмидт 1970: рис. 3: 6). Такие топоры были на вооружении в Меровингском королевстве, а также в Англии, в Северной Италии, на Среднем Дунае и в северной части Балкан (Hübener 1980: 91—96; Казанский 2008: 305—306). В целом можно отметить, что, в отличие от цивилизаций балтийской зоны, воинская престижная культура Тушемли ориентируется не на южнобалтийский и североморский регионы, а на Среднее Подунавье.

В ареале тушемлинской культуры фиксируется и серия «южных» импортов, например, серогончарный (черняховский?) сосуд (рис. 77: 13) и наборный пояс «капуловского» типа на Демидовке (Шмидт 1970: рис. 3: 27; 4: 2, о поясах см. подробно: Kazanski 1993: 121—124). Это может свидетельствовать о прорыве на Верхний Днепр в конце IV — первой половине V вв. групп «южного» населения: венедов, их союзников гуннов, разбитых гуннами готов и др. (подробнее Фурасев 1996; Казанский 1999; Kazanski 2000 а и 2000 б).

Зато западнобалтские и даже отдельные скандинавские вещи эпохи переселения народов отмечены южнее, в бассейнах Березины и Вилии, на западной и южной кромке территории тушемлинской зоны. Создается впечатление, что они маркируют водную трассу Неман — Вилия — Березина — Днепр,⁴² в обход днепро-двинского пути. Это балтские фибулы с лопатковидной ножкой, най-

⁴² Судя по археологическим данным, этот путь существовал уже в римское время (подробнее Kazanski 1992: 82—84, fig. 9).

денные в Гурах, Каменево 2, на Каневщине, на Бабиной горе, а также фибула типа Сенсбург-Мронгово из Шульговки (Казанский 1999: 411, 412) (рис. 78). На особую активность на Немане в эпоху переселения народов указывают находки позднееримских монет. Это клад с монетой Гонория (395—423 гг.) из Каунаса (Michelbertas 1972: № 20), монета Валентиниана I или II из Кашетос (Michelbertas 1972: № 21) и клад с монетами Валента (364—378 гг.) из Велюоны (Michelbertas 1972: № 66). Наконец, стоит упомянуть и монету Феодосия (379—395 гг.), найденную в Гродно-Городничанка, также в бассейне Немана (Поболь 2001: 77).

Есть и более экзотические вещи: это скандинавский брактеат, найденный на Березине, вместе с монетами 323—361, 425—455, 461—465, 473—474 гг. (Ахбое 1981: 86). Брактеат принадлежит к малочисленной группе «Dreigötter-Brakteaten» (Ахбое 1994: 72—73, Appendix C). Он происходит, судя по карте распространения изделий это-

го типа, с датских островов, в первую очередь с о. Фюн, где найдено 3 из 6 учтенных экземпляров (Ахбое 1994: fig. 7). В верхнем слое городища Лабенщина (культура Тушемли), располагающемся на одном из притоков Свислочи в бассейне Березины, найден готландский ременной наконечник типа Stora Hästnäs (рис. 47: 5) (Митрофанов 1978: рис. 25: 11, об этих наконечниках см. выше). Но намечаемая этими находками, речная дорога Неман — Виляя — Березина — Днепр (рис. 78) ведет с Балтики на юг Восточной Европы, и сложно сказать, имеет ли она какое-либо отношение к меховой торговле. Возникновение такой дороги в Восточной Европе, как бы в обход бассейнов Вислы, Одера и Дуная, возможно, связано с конкретными политическими событиями в Центральной Европе, где время от времени, например, сразу после смерти Аттилы, вспыхивали вооруженные конфликты, временно нарушавшие сложившуюся систему трансъевропейских связей.

10. Источники поступления меха и виды промыслового пушного зверя

Помимо уже упоминавшихся известий Иордана о меховой торговле хунгуров, все остальные сведения письменных источников о восточноевропейской охоте на пушного зверя и коммерциализации добытой пушнины относятся уже ко времени не ранее IX в. Для раннего средневековья среди ценного пушного зверя, на которого велась охота в Восточной Европе, восточные источники упоминают горностая или ласку, соболя, белку, куницу, лису, бобра (Нунан 2004: 273—277). Особенно на мусульманском Востоке ценились соболь и чернобурая лисица (Нунан 2004: 274, 275). Но все же больше всего в это время добывали, судя по остеологическим данным, бобра (Нунан 2004: 277, 278). Волжские булгары в конце X в. продавали через Хорезм соболя, белку, горностая, ласку (или степную лису), куницу, лису, бобра (Нунан 2004: 273). В частности, бобра булгары покупали в стране «вису» (белозерская весь или Верхнее Прикамье?) (Даркевич 1976: 153). Оттуда же поступали соболя и чернобурки. От народа «ару», жившего за «вису», поступали бобр, горностай и белка (Нунан 2004: 277). Еще более далекие «иура» (югра Приуралья) поставляли соболя (Даркевич 1976: 153; Нунан 2004: 276). Однако, еще в XVI—XVII вв., помимо территории позднейшей Пермской губернии, соболь встречался в восточных частях будущих

Вятской, Вологодской и Архангельской губерний (Даркевич 1976: 153). Русы Артании⁴³ также поставляли на рынок черного соболя (Нунан 2004: 277). Много пушнины добывалось на территории Окского бассейна. Здесь водились лисы-чернобурки, соболя, куницы (Даркевич 1976: 153). Чернобурая и рыжая лиса поступали от буртасов, сакалиба (славяне и их соседи по терминологии арабских авторов) были известны своей охотой на бобра. Реки в землях болгаров и русов считались в мусульманском мире основными зонами охоты на бобра (Нунан 2004: 277). Однако, все эти сведения касаются несколько более поздней эпохи, не ранее IX—XII вв.

Что же касается эпохи переселения народов, то мы вынуждены опираться только на результаты остеологических исследований. При этом надо учитывать, что данные для многих регионов отрывочны, а даты для поселенческих памятников, откуда, собственно, и происходит остеологический материал, как правило, расплывчаты. Тем не менее, если привлечь находки с широкой территории Восточной Европы, в рамках V—VIII вв.,

⁴³ Локализация спорна, мне наиболее вероятной представляется точка зрения Д. А. Мачинского, согласно которой речь идет о Волго-Окском междуречье (Мачинский 1985).

то общие тенденции выступают достаточно отчетливо.

Самый северный регион, по которому я располагаю сведениями, это бассейн Печоры. Здесь, на поселении Кузьмовын 2, относящемся к ванвиздинской культуре, заведены кости бобра, белки, выдры (Розенфельд 1987: 121).

Несколько южнее, в Вятско-Камском междуречье, в бассейне р. Чепцы, на памятниках поломской культуры часто встречаются бобровые кости (Розенфельд 1987 а: 133). В частности, на селище Горд-Кушское 1, датированном VI—IX вв.,⁴⁴ встречены кости двух особей бобра (Петренко 1991: табл. 37).

Относительно Верхнего Прикамья исследователи считают, что здесь охота носила «меховой» характер уже с ананьинского времени и вплоть до развитого средневековья (Голдина 1985: 151; Голдина, Кананин 1989: 102, 103). Действительно, 50—70% костей диких животных, найденных на верхнекамских памятниках, составляют пушные, при этом добывалось 14 из 29 видов пушных зверей, представленных на Среднем Урале (Голдина 1985: 151). Куницы породы и бобр хорошо представлены в предшествующие нашей эпохе ананьинское и гляденовское время. Они составляют соответственно 23,2% и 24,8% для ананьинской эпохи, 43,4% и 36,4% — для гляденовской. После некоторого перерыва (см. ниже) роль охоты на куньих снова возрастает с VII—VIII вв. по XIV в. (Голдина 1985: табл. 25).

В интересующее нас время Верхнее Прикамье занимает население ломоватовской культуры. На городище Шудьякар, в слое VI—VII вв., кости меховых животных не выявлены (Голдина, Кананин 1989: 97, табл. 28). Зато на Опутятском городище, датированном V—VI вв., кости бобра составили 37,5% от диких животных, остальные принадлежали лосю (Голдина, Кананин 1989: 98, табл. 29). На городище Сандьяк кости пушных зверей составляют 59,75% от общего количества диких животных. При этом доминирует бобр, его кости составляют 69,39%, представлены также лисьи породы — 4,08% и куницы — 2,04% (Голдина 1985: 150, 151, табл. 23 и 25). На городище Верхний Утчан, VI—IX вв., пушные звери составляют 85,7% от общего количества костей диких животных, при этом доминирует бобр — 83,3%.

⁴⁴ Здесь и ниже, кроме особо оговоренных случаев, указаны даты, предлагаемые в региональных исследованиях.

Несколько южнее по Каме в раннем средневековье располагается зона неволинской культуры. Здесь, на селище Лобач, VI—IX вв., бобр зафиксирован в количестве 13 особей, куницы — 4 особей и лисьи — 1 особи (Петренко 1991: табл. 37). На селище Бартымское 1, конца VI—VII вв., бобр представлен 20 особями, куница — 1 особью (Петренко 1991: табл. 37). Наконец, на Верх-Саинском городище 1, датированном VI — началом IX вв., выявлено костей бобра 17 особей, лисы — 2 особи и куньих — 2 (Петренко 1991: табл. 37).

Для Среднего Прикамья я располагаю данными по мазунинской культуре, III—V вв. (Останина 1999: табл. 37). Здесь на Чужьяловском городище бобр составляет 63,7% от костей диких животных, куницы — 6,1%. На Сосновском городище бобр составляет 100% от найденных костей диких животных, а на Сорвихинском городище лисьи породы — 16,7%. В целом, исследователями признается незначительная, некоммерческая роль пушной охоты, в которой преобладает бобр (Останина 1999: 149).

На Нижней Каме и в Среднем Поволжье, на памятниках имениковской культуры, имеются кости куницы, соболя, горноста, лисы, бобра, но в целом процент костей диких животных невелик, доминируют «мясные» — лось и медведь; роль пушной охоты у «именьковцев», стало быть, невелика (Старостин 1967: 27).

Для Верхнего Поволжья данные по эпохе переселения народов крайне отрывочны. На Поповском городище на реке Унже выявлены отдельные кости бобра (Леонтьев 1989: 94).⁴⁵ На Попадьянском селище, датированном VI—VII вв.⁴⁶ и связываемом с позднедьяковской культурой (Леонтьев 1996: 232), бобр представлен в количестве 50 костей/10 особей, куница — 6/3, выдра — 2/1 (Цалкин 1966: Приложение 13).

В Волго-Окском бассейне, как показывают материалы дьяковской культуры (Дубынин 1970: 49), и, в меньшей степени, мощинской, добыча меха налажена уже в рим-

⁴⁵ Исследователями на этом памятнике выделяется два археологических периода, VII и IX вв. (Леонтьев 1989: 89, 90). Однако отдельные вещи, как пряжка из постр. IV (Леонтьев 1989: рис. 10: 6), датируется скорее V—VI вв. (ср. пряжки с Поповского могильника: Рябинин 1989: рис. 4: 4—6), равно как и бляшки-скорлупки из городищенского слоя (Леонтьев 1989: рис. 26: 8). «Геральдический» наконечник из постройки III (Леонтьев 1989: рис. 8: 7) датируется, скорее, поздним VI — серединой VII вв.

⁴⁶ Среди опубликованных материалов Попадьянского селища, четко выраженного VII в. нет.

ское время.⁴⁷ Кости пушных зверей от общего количества диких особей составляют для дьяковской культуры 74,7%, для мощинской — 68,39% (для сравнения: в черняховской культуре — 37,5%) (Цалкин 1966: рис. 35). Судя по остеологическим данным, основным объектом охоты «дьяковцев» были «мясной» лось и «пушной» бобр, остальных зверей били эпизодически (Цалкин 1966: 63).

Более конкретно процент пушных от общего количества диких животных выглядит следующим образом (первая цифра — количество костей, вторая — количество особей, по Цалкин 1966: 62, табл. 50):

— Бобр: дьяковская культура — 30,9/34; мощинская культура — 10,5/16,7.

— Лиса: дьяковская культура — 7,2/8, 8; мощинская культура — 7,4/11,3.

— Куница: дьяковская культура — 2, 3/7; мощинская культура — 9,6/10,4.

— Выдра: дьяковская культура — 1, 1/3, 3; мощинская культура — 0,5/2,3.

Везде на дьяковских памятниках встречается в большом количестве бобр, видимо, охота на него представляла важнейший промысел (Цалкин 1966: 57, 58). Всего на дьяковских памятниках В. И. Цалкин учел на 1966 г. 910 костей от 155 особей. Добываемый в таком количестве бобровый мех явно предназначался на продажу (Цалкин 1966: 65).

Приведем два примера. На Щербинском городище поздне римского времени среди костей диких животных бобр составляет 50%, куньи — 10,7%, лиса — 4%, выдра — 5%, хорек — 1,4% (Дубынин 1974: 244, табл. 2). На Троицком городище, того же времени от общего количества костей диких животных бобр составляет 25,37%, лисица — 8,98%, выдра — 2,08%, куница — 1,19%, барсук — 1,14% (Дубынин 1970: 47, табл. III).

Такое количество выдры и барсука необычно для дьяковских и мощинских городищ, обычно, они встречаются реже (Цалкин 1966: 55). Куница есть на большинстве учтенных В. И. Цалкиным дьяковских памятников, а также на мощинских городищах, но в небольшом количестве, всего 196 костей от 56 особей (Цалкин 1966: 56, 57). Среди ред-

ких зверей надо назвать песца, представленного единственной костью на Пекуновском городище (видимо, случайно забежал с севера: Цалкин 1966: 55), а также очень редкие находки костей хорька, рыси, горностая, белки (Цалкин 1966: 57).

В Волго-Окском бассейне, несмотря на возможную смену населения в VII в., связанную с приходом мери (Леонтьев 1996: 292), традиция охоты на бобра сохраняется и в раннем средневековье, после VII в. На Дурасовском селище, относящемся к IX в., бобр представлен в количестве 3 костей/1 особи, в слоях Ростовского кремля — соответственно 3/2, костей других пушных зверей на этих двух памятниках не засвидетельствовано. На поселениях озер Неро и Плещеево: Козарка, Шурскол, Кустерь 1, Слуда, из пушных представлен бобр (Козарка — 9 особей, Шурскол 3 — 4, Кустерь 1 — 55, Слуда — 1), куница известна только на поселении Кустерь 1 — 1 особь (Леонтьев 1996: табл. 1). На древнемордовском памятнике Сакены 2, бобр представлен в количестве 80 костей/7 особей, барсук — 2/1, куница — 2/1 (Цалкин 1966: Приложение 13).

Итак, в целом, в Волго-Окском бассейне больше всего добывался бобр, на него особенно охотились в римское время и в раннем средневековье «дьяковцы» (34% от общего числа диких особей), меря (54,2% от общего числа диких особей), мордва (35,8% от общего числа диких особей), кривичи (46,6% от общего числа диких особей), славяне — носители боршевской культуры (37,8% от общего числа диких особей; для сравнения: славяне роменской культуры — 10,7%, население черняховской культуры — 13%) (Цалкин 1966: 64).

Для территории Белоруссии сведения об остеологических находках недавно были опубликованы для Подвинья (Шадыра 2006). На памятниках раннего железного века и римского времени, принадлежащих днепровской культуре, кости домашних животных составляют 66%, диких — 34%. При этом среди пушных зверей доминирует все тот же бобр.

Приведем данные по конкретным памятникам (Шадыра 2006: 36, табл. Е).

— Урагва (VI в. до н.э. — IV в. н.э.): лиса — 19 костей/3 особи — 2,6% от всех животных; бобр — 2/1 — 0,9%.

— Бураково (VI в. до н.э. — V в. н.э.): бобр — 30/7 — 21,2%, лиса — 3/3 — 9,1%; куница — 1/1 — 3%; рысь — 1/1 — 3%.

— Кубличи (IV в. до н.э. — III в. н.э.): бобр — 8/2 — 7,2%, лиса — 9/5 — 3,5%.

⁴⁷ Напомним, что самые поздние вещи на поселениях дьяковской культуры относятся к горизонту «геральдических» поясов середины VI — середины VII вв. (Дьяково, Луковня, Усть-Черная), хотя их связь со слоями дьяковского времени не всегда доказуема. К V—VI вв. относится, видимо, и появление нижнего горизонта Сарского городища и связанного с ним могильника (см. копье с ромбическим пером: Леонтьев 1996, рис. 34: 8, как в кургане Доложский погост, см. выше).

— Заронава (V в. до н.э. — IV в.н.э.): бобр 12/3 — 17,6%.

— Кострица (V в. до н.э. — V в.н.э.): бобр — 4/1 — 5,9%.

— Поддубники (VI в. до н.э. — V в.н.э.): бобр — 26/12 — 6,4%, куница — 1/1 — 0,5%.

Ситуация остается прежней в эпоху переселения народов и в начале средневековья, когда Подвинье занято памятниками тушемлинской культуры (Шадыра 2006: 93, табл. Г) и, на западном пограничье, балтскими памятниками с «облитой» керамикой (Шадыра 2006: 94, табл. Д):

— Клишина (II в. до н.э. — VIII в.н.э.): бобр — 6,1%, лиса — 0,3%, барсук — 0,3%.

— Лужасна (V—VIII вв.н.э.): бобр — 5,9%.

— Прудники (V—X вв.н.э., городище/селище): бобр — 3,4/6,1%, куница — 3,4/1,2%, лиса — 0,4/0,2%, выдра — 0,4%, барсук — 0,4%, рысь — 0,4%.

В Юго-Восточной Эстонии во второй половине I тыс. на всех исследованных памятниках среди костей диких животных преобладают кости бобра. Так, на городищах Рыуге и Отепя из всех пушных зверей представлен только бобр: соответственно: 25/5 и 30/9 костей/особей (Цалкин 1966 а: Приложение 3). Бобр является в раннем средневековье одним из наиболее распространенных промысловых зверей в Южной Эстонии и в Северной Латвии (Аун 1992: 146). Судя по остеологическим данным, роль охоты на куницу и белку возрастает после 1000 г., когда их кости становятся преобладающими на поселениях прибалтийского региона (Аун 1992: 146).

В Латвии остеологические данные имеются для ряда городищ раннего средневековья. Так, на городище и селище Кентскалнс (с IV—V по VIII—IX вв.), принадлежавшим смешанному балто-ливскому населению, в костном материале выделяется бобр. Он составляет 43,5% на городище и 33,8% на селище среди костей охотничьей добычи, уступая лишь лосю, куница от костей диких животных составляет соответственно 0,8 и 2,6% на городище и селище (Stubavs 1976: 134).

Для латвийских городищ V—XIII вв. имеются следующие данные:

— Тервете в Земгалии: бобр представлен 57 костями/14 особями, барсук — 12/5, куница — 9/5, хорек — 5/2, лиса — 1/1 (Цалкин 1966 а: Приложение 3).

— Даугмале в Земгалии: бобр — 266/22, куница — 26/8, лиса — 15/3, барсук — 13/7, рысь — 1/1, нерпа — 1/1 (Цалкин 1961: Приложение 1).

— Асоте в Латгалии: бобр — 519/62, куница — 391/128, барсук — 27/16, лиса — 20/7, хорек — 9/4, выдра — 2/2, росомаха — 2/1, ласка — 2/1 (Цалкин 1961: Приложение 1).

— Дигнай в Латгалии: бобр — 68/5, куница — 21/7, барсук — 1, белка — 1, (Цалкин 1961: Приложение 1).

Судя по этим данным, в V—XIII вв., до крестоносного завоевания, в Латгалии значение охоты было выше, чем в Земгалии (Цалкин 1961: 217). Добывалось не менее 14 видов пушных животных, основным объектом охоты были бобр и куница, на них приходится 62,8% костей диких животных в Земгалии и 78,2% в Латгалии. При этом в земгальской зоне доминировала охота на бобра, как и повсюду в Восточной Европе, а у латгалов — на куницу, что составляет особенность данного региона (Цалкин 1961: 218, 219).

Итак, если верить остеологическим данным, везде, от Урала до Прибалтики, в римское время и в раннем средневековье бобр является основным объектом охоты на пушного зверя, а стало быть, и основной статьей мехового экспорта. Надо, однако, учесть еще одно обстоятельство. Мясо бобра, судя по средневековым арабским авторам XII в. (Абу Хамид аль-Гарнати), употреблялось в пищу финно-угорским населением русского Севера «вису» и «юра» (Нунан 2004: 278 и примечание 100), поэтому его тушки могли не выкидываться на месте промысла, как это часто делалось с другими пушными зверями, а приноситься на поселения. Однако, судя по тому же источнику, народы Севера также употребляли в пищу мясо редкого соболя и широко распространенной белки, но их костей на поселениях нет или очень мало. Так что дело, скорее всего, не в гастрономических наклонностях населения лесной зоны Восточной Европы.

Как уже говорилось, для VI в. документально засвидетельствовано, что торговлю восточноевропейским мехом осуществляли причерноморские гунны-хунугуры. В рассказе Иордана о меховой торговле хунугуров речь идет о *pellium murinarum*, в которых французский переводчик Иордана видит куницу (Jordanès, Histoire des Goths 37), а Е. Ч. Скржинская — степных грызунов (Иордан, Getica 37). Торговля шкурками степных грызунов в значительных масштабах вряд ли возможна, по крайней мере, никакими другими источниками для восточноевропейской степи античности и средневековья она не документирована. Зато VI век — время расцвета транзитной

меховой торговли между севером Европы и Средиземноморьем (Howard-Johnston 1998; Kolendo 1999). Совершенно очевидно, что и хунугуры торговали не степными сусликами и мышами-полевками (кто бы их стал покупать?), а выступали в качестве посредников в трансевропейской меховой торговле между Севером и Югом (Haussig 1971: 71, 72).

Общеизвестно, что районом добычи мехов в Восточной Европе была исключительно лесная зона (напр.: Kazanski 1992: 95; Мельникова 1986, 102, 103, рис. 42). Судя по остеологическим данным, приведенным выше, а также по сообщениям более поздних письменных источников, промысловый характер пушная охота имела у населения Вятско-Камского междуречья, Верхнего Прикамья, Волго-Окского бассейна (см. выше). Также не вызывает сомнений, что в эпоху хунугуров, как и ранее, в позднеримское время (напр.: Kazanski 1992), или позднее, в эпоху Киевской Руси (см., напр.: Даркевич 1976: 163, 164, табл. 52, 53), основными магистралями торговли с лесной зоной служили большие реки. Чтобы участвовать в такой торговле, хунугуры должны были контролировать одну из крупных речных магистралей степного Причерноморья, идущих из лесной зоны — Днепр или Дон.

Гуны-хунугуры, по моему мнению, проживали в приазовских степях близ дельты Дона, где их и помещают некоторые историки (Altheim 1952: 205). Действительно, перечисление степных народов у Иордана идет с запада на восток, поскольку первыми, над Понтом, упоминаются болгары (Иордан, *Getica* 37), которые в 480-х — 530-х гг. являются непосредственными соседями Византии, часто тревожившими своими набегами Восточную Римскую империю. За ними, то есть к востоку, если следовать логике описания, размещаются гуны, разделенные на две ветви — кавказские савиры и крымские альцигиры. Где-то, на северных окраинах кочевого мира (якобы по соседству с балтийскими эстиями), возможно, в междуречье Днепра и Дона, живут акациры, видимо, выбитые с юга сарагурами и их союзниками (Ромашов 2000—2001: 263). Наконец, Иордан упоминает как отдельный народ и оногуров (хунугуров), ведущих меховую торговлю (Иордан, *Getica* 37). Хунугуры явно живут к востоку от болгар. По крайней мере, болгары вторгались на Балканы в VI в., а хунугуры — нет (Артамонов 1962: 80, 81). Поскольку непосредственно вслед за болгарями в списке следуют крымские альцигиры, можно с большой долей уверенности

предположить, что болгары контролировали степи на излучине Черного моря от Дуная до Перекопа и р. Молочной. Итак, местом локализации хунугуров, по Иордану, является какая-то территория к востоку от Перекопа, скорее всего, нижний Дон, с которого, кстати, было легко попасть не только в Волго-Окское междуречье и далее в Северную Россию, но и на Волгу, а по ней — в богатые пушной районы Приуралья (Засецкая и др. 2007: 104—107).

Хунугуры торговали мехом, полученным из лесной зоны Восточной Европы, либо по Волге, либо по речному пути Верхняя Ока — Дон — Донец. Последний реконструируется для поздней античности и раннего средневековья по находкам боспорских монет III—IV вв. в бассейне Верхней Оки, довольно редких в восточноевропейском Барбарикуме (Kazanski 1992: 96, note 114), по распространению стеклянных бус эпохи переселения народов (Мастыкова, Румянцова, Егорьков 2006) или по кладам диргемов IX в. (Даркевич 1976: 146, 147, 153, табл. 50: II; Нулан 2004: 259). О существовании очень древнего пути по Дону может свидетельствовать и античная письменная традиция, согласно которой по Дону можно было попасть в Северный океан (Джаксон, Калинина, Коновалова, Подосинов 2007: 35—49; Podossinov 2008). Видимо, о том же говорит и «Географическое руководство» Птолемея, где перечисляется с севера на юг список народов, привязанный к Дону (Клавдий Птолемей, *Географическое руководство*, III.5.10; Шелов-Коведяев 1994: 60; Кулаковский 2003: карта). Показательно, что Донской путь «упирается» в регион активной добычи меха в Окском бассейне (Даркевич 1976: 153).

На трассе этого пути, в Верхнем Подонье, сейчас выявлена группа памятников гуннского времени, где представлены культурные черты как понтийского (скорее всего, танаисского) происхождения, например, серогончарная керамика, так и генетически связанные с «лесными» культурами, например, с мощинской (Обломский 2004). Здесь же найдены металлические украшения дунайской традиции, например, фибула-дериват типа Сокольнице (Гавритухин 2004), средиземноморские «крапчатые» бусы (Мастыкова 2004), средиземноморская стеклянная посуда (Археологические открытия 2006 года, рис. на стр. 4) и даже «княжеское» погребение (Мухино), горизонта Унтерзибенбрунн (380/400—440/450 гг.), свидетельствующее о распространении здесь престижной аристократической моды понто-дунайских вар-

варов (Земцов 2003). Все это лишний раз подчеркивает стратегическую значимость Донского пути в эпоху переселения народов.

Судя по выше приведенным остеологическим данным, основной статьей восточно-европейского мехового экспорта были шкуры бобра. К Скандинавии и к племени суэ-

ханс эта торговля вряд ли имеет какое-либо отношение. Однако сведения о новых «источниках сырья» на Востоке могли проникать и в Скандинавию, через тех же балтийских финнов, и стимулировать, таким образом, начало проникновения скандинавов в Восточную Европу.

Заключение

Итак, подведем итог. Скандинавское влияние (а в ряде случаев и прямое присутствие) в римское время и в начале эпохи переселения народов не распространялось восточнее Эстонии и Западной Финляндии. По крайней мере, археологическими или письменными источниками оно никоим образом не выявляется. В то же время камско-приуральские влияния, маркируемые археологическим материалом, достигают к V в. территории западной Финляндии. В то же время какой-то «южный» импульс, возможно, связанный с военно-политической дестабилизацией в южной части Восточной Европы, начинает ощущаться в верхнем Поднепровье.

В римское время пушнина лесной зоны Восточной Европы еще не идет на средиземноморский экспорт, но добыча меха в некоторых регионах (Верхнее Прикамье, Волго-Окское междуречье) здесь уже налажена, видимо, для другого потребителя (восточные германцы?). Добывается в Восточной Европе, в первую очередь, бобр, охота на других пушных животных носит вспомогательный характер, поэтому говорить о налаженной коммерции, например соболя, не приходится. Лишь с VII—VIII вв. по XIV в. в Верхнем Прикамье начинает развиваться охота на куных, возможно, к этому же времени относятся и данные о заметной роли охоты на куницу, происходящие с городищ Латгалии V—XIII вв. Видимо, тогда же, с VII—VIII вв., на европейский рынок начинает в заметном количестве поступать и восточный соболь, получивший здесь славянское название, что может указывать на одного из возможных посредников в этой торговле.

В течение V — раннего VI вв. открывается восточноевропейский и скандинавский меховой экспорт на юг, в Средиземноморье. В Восточной Европе, судя по Иордану, меховую торговлю контролируют кочевники понтийских степей, выступающие посредниками, а в Центральной Европе — германские народы Среднего Дуная, оказавшиеся на путях между Скандинавией и Средиземноморьем. Через Центральную Европу на юг идет, главным образом, мех из Фенноскандии.

Видимо, не случайно, что именно с этого времени, с начала — первой половины VI в. начинает ощущаться скандинавское влияние на западной кромке лесной зоны Восточной Европы — на островах восточной части Финского залива (Гютерс) и в северном Приладожье (Нукутталахти). Скорее всего, идет поиск новых источников мехового «сырья». При этом вовсе не обязательно прямое присутствие скандинавов, носителями скандинавских вещей могли быть и прибалтийские финны, престижная культура которых, например, в Западной и Южной Финляндии и в Западной Эстонии была достаточно германизирована. Похоже, что тогда же впервые в античные письменные источники проникают какие-то сведения о Неве или Вуоксе (Иордан, *Getica* 17).

Несколько раньше, с V в. фиксируется некая активность на речном пути из Рижского залива в сторону Чудского и Псковского озер, от Гауи и Эмайыги. Опять-таки скандинавский культурный элемент выступает здесь вполне отчетливо, но в этот раз в сочетании не с прибалтийско-финским, а с балтским элементом.

Интересно, что такое же сочетание западнобалтских и скандинавских элементов фиксируется на памятниках, маркирующих прибрежный путь вдоль восточного берега Балтийского моря, в частности, в Эстонии. Скандинавы и сопутствующие им балты по логике вещей должны были пытаться «зацепиться» за эстонский и финский берег. Но нельзя однозначно интерпретировать скандинавские находки на прибрежных памятниках Эстонии и Финляндии только как доказательства существования здесь скандинавских эмпориев. Они могут отражать и общую «скандинавизацию» элитной культуры прибалтийских финнов. Вообще же в это время и в Финляндии, и в Эстонии, и в Швеции, и на островах Балтийского моря, в Пруссии и, возможно, в устье Немана идет процесс формирования варварских «малых королевств». Одним из археологических выражений этого процесса и было появление воинской германизированной культуры на южных и восточ-

ных берегах Балтики. При этом знаменательно, что образцом для подражания служила культура воинских элит не Свеаланда или Готланда, а южной Скандинавии и бассейна Северного моря.

Скандинавы и западные балты, судя по некоторым находкам в Белоруссии, начинают нащупывать дорогу на юг. Видимо, им это не удалось сделать на магистрали Двина — Днепр, в зоне тушемлинской культуры, и они проникают в глубь материка по Неману — Березине. Это тоже не случайность — на среднем Дунае, где проходили традиционные пути сообщения Скандинавии со Средиземноморьем, после смерти Аттилы начинается эпоха бесконечных войн между возникшими на обломках гуннской империи варварскими королевствами. Это подчас могло серьезно препятствовать нормальному функционированию центральноевропейских коммуникаций, приходилось искать обходные дороги.

При этом на Восточном пути действуют, как можно было бы ожидать, не только свеи и жители Готланда, но и даны и/или другие скандинавы из южной Балтики — связи с этим регионом прямо документируются находками престижных мечей южно-скандинавской и североморской традиции в Эстонии и Финляндии или датского бракетата на Березине.

Прорываются на север и носители каких-то дунайских культурных элементов — германских и славянских. Скорее всего, речь идет о «выбросах» милитаризованных групп населения из дунайско-карпатского региона, вроде того, что засвидетельствовал Прокопий в отношении герулов. Наконец, появляются здесь и носители летто-литовской воинской традиции. Интересно, что вооружение, конская и воинская экипировки населения культур длинных курганов и Тушемли имеют параллели у балтов, славян, дунайских германцев. Видимо, под влиянием этих этнокультурных групп и происходит формирование воинского комплекса населения «лесных» культур Северо-Западной, Западной России и Белоруссии. При общем сходстве с вооружением более южных славянских культур Колочин, Пеньковка и Прага (о нем

см. Kazanski 1999 a), ориентация «лесных» цивилизаций на модный убор воинских элит была различной. Престижная воинская культура цивилизации длинных курганов, скорее всего, ориентировалась на балтские образцы, в то время как у населения тушемлинской культуры в воинском уборе отчетливей выступают германско-дунайские прототипы. В то же время у славян, по крайней мере, с начала правления Юстиниана, наиболее престижной, видимо, считалась степная и византийская воинские экипировки. Об этом свидетельствует достаточно широкое распространение «геральдических» поясов (в Бернашевке и Зимно даже отмечены следы их производства на месте), наличие боевого лука с костяными накладками (Хитцы) и довольно многочисленных трехлопастных стрел, Р-образных серебряных портупейных скоб мечей (Мартыновка), ранневизантийских мечей с широким перекрестьем (неопубликованная находка из Картамышево) (см. подробнее Kazanski 1999 a). Имеются и прямые указания Прокопия о кавалерии «гуннского типа» у антов и склавинов (см. Казанский 2005—2009).

Видимо, причиной появления на Северо-Западе России скандинавов, прибалтийских финнов, дунайских германцев, славян или балтов, была пушнина, та самая, которая позднее, в XVII в. являлась основным стимулом покорения русскими Сибири. Скорее всего, «меховая лихорадка» и вызвала появление в лесной зоне России германских, финских, славянских и балтских предшественников Ермака. Их присутствие чувствуется как в зоне тушемлинской культуры, так и в ареале длинных курганов. В последнем возникают ступки-группировки памятников с вещами «южного» или «западного» происхождения. Если эти территориальные группы длинных курганов пока нельзя интерпретировать, как малые «варварские королевства» (нет таких характерных признаков, как погребения и клады военизированной знати, захоронения с профессиональным оружием), то, во всяком случае, они принадлежат каким-то сильным кланам, «племенам». Но их надо изучать уже на более широком фоне лесных цивилизаций Восточной Европы.

Литература

Агафий, *Historia* — Agathias, *Historiarum Libri Quinque* (ed. R. Keydell), 1967. New York.
Агеева Р.А. 1989. *Гидронимия русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации*. Москва: Наука.

Александров А.А. 1982. Полусферические курганы с сожжениями на Псковщине. *КСИА* 171, 21—28.
Амброз А.К. 1970. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. В: Кухаренко Ю.В. (отв. ред.). *Древние славяне и их соседи*.

Литература

№4. 2010

- МИА 176, Москва: Наука, 70—74.
- Анцилис К. Я., Янсон А. Я. 1962. Некоторые вопросы этнической истории древних селов. *Советская этнография* (6), 92—104.
- Артамонов М. И. 1962. *История хазар*. Ленинград: Государственный Эрмитаж.
- Археологические открытия 2006 года в Липецкой области. 2007. Липецк.
- Атгазис М. К. 1977. Раскопки Терверской экспедиции. *Археологические открытия 1976 года*. Москва: Наука, 432, 433.
- Атгазис М. К. 1980. Вопросы этнической истории земгалов. *Из древнейшей истории балтских народов*. Рига, 89—101.
- Аун М. 1980. *Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры*. Таллинн: Валгус.
- Аун М. 1992. *Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии*. Таллинн: Олион.
- Ахмедов И. Р., Казанский М. М. 2004. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст. В: Горюнова В. М., Щеглова О. А. (отв. ред.). *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 168—202.
- Башенькин А. Н. 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э.— I тыс. н. э. В: *Проблемы истории Северо-Запада Руси*. Санкт-Петербург, 3—29.
- Башенькин А. Н. 1999. Финно-угры и славяне на Кобоже и Чагодоще. В: Безнин М. А. (отв. ред.). *Чагода. Историко-краеведческий альманах*. Вологда: Ардвисура, 19—39.
- Башенькин А. Н., Васенина М. Г. 1993. Женский убор древнего населения Устюженского края. *Устюжна* 2, 3—15.
- Башенькин А. Н., Васенина М. Г. 2005. Могильник раннего железного века Усть-Колоденка на реке Колпи. *Археология Севера* 1, 55—63.
- Белецкий С. В. 1980. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные и проблема происхождения города). *КСИА* 160, 3—18.
- Белецкий С. В. 1996. *Начало Пскова*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Березовец Д. Т. 1963. Поселения уличей на р. Тясмине. В: Рыбаков Б. А. (отв. ред.). *Славяне накануне образования Киевской Руси*. МИА 108, Москва: АН СССР, 145—208.
- Булкин В. А. 2007. Волга «доволжская» (кто прав: Геродот или Иордан?). В: *Труды по русской истории*. Москва, 108—127.
- Булкин В. А., Герд А. С. 1999. Очерк древнейшей истории озера Селигер. В: *Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон*. Санкт-Петербург, 251—264.
- Булкин В. А., Седых В. Н., Каргопольцев С. Ю. 2005. Реки восточной части Балтийского бассейна и Северо-Запад России в позднеантичное время (письменные и археологические данные). *Вестник Санкт-Петербургского университета*, серия 2 (история), 3, 142—152.
- Буров В. А. 1996. К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов. *РА* (1), 122—131.
- Буров В. А. 1996 а. К проблеме этнической принадлежности носителей культуры длинных курганов (псковско-новгородская группа). *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья* 1, 6—10.
- Буров В. А. 2003. *Городище Варварина Гора. Поселение I—IV и XI—XIV веков на юге Новгородской земли*. Москва: Наука.
- Васенина М. Г. 1990. Женские украшения Белозерья середины — третьей четверти I тыс. н. э. *Новгород и Новгородская земля* 3, 50—52.
- Вассар А. К. 1956. К изучению племен I—IV веков в западной и юго-западной Эстонии. В: Моора Х. А. (отв. ред.). *Вопросы этнической истории эстонского народа*. Таллинн: Эстонское гос. изд., 187—218.
- Ватт М. 1989. Производственные, торговые и религиозные центры на о. Борнхольм и в западной Балтике в I тысячелетии нашей эры. В: Массон В. М. (отв. ред.). *Взаимодействие древних культур в бассейне Балтийского моря*. Ленинград: Наука, 40, 41.
- Верхнее Поднепровье и Подвине в III—V веках н. э. Материалы. *Раннеславянский Мир* — 4. 2002. Москва: ИА РАН.
- Винокур И. 1997. *Слов'янські ювеліри Подністрів'я. Кам'янець-Подільський: Oіum*.
- Волкайте-Куликаускаене Р. К. 1986. Одежда литовцев с древнейших времен до XVII в. В: Рыбаков Б. А. (отв. ред.). *Древняя одежда народов Восточной Европы*. Москва: Наука, 146—171.
- Волковицкий А. И. 2001. Фибула из урочища Сопки и проблема «нулевой фазы» Ладоги. В: Мачинский Д. А., Селин А. А. (отв. ред.). *Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. Пятое чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург, 56—63.
- Вольфрам Х. 2003. *Готы*. Санкт-Петербург: Ювента.
- Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. 1985. *Материалы по археологии Цебельды*. Тбилиси: Мецниереба.
- Воронцов А. М. 2003. К вопросу о поздней дате мощинской культуры. В: *Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История*. Т. 1. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово Поле», 294—300.
- Гавритухин И. О. 1997. Хронология пражской культуры. В: Седов В. В. (отв. ред.). *Труды VI Международного конгресса Славянской археологии*. Т. 3. *Этногенез и этнокультурные контакты славян*. Москва: ИА РАН, 39—52.
- Гавритухин И. О. 2001. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла. В: Малашев В. Ю. *Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка*. Москва: ИА РАН, 40—49.
- Гавритухин И. О. 2004. Ранние формы пальчатых фибул и экземпляр из Замятнино. В: Обломский А. М. (отв. ред.). *Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. Раннеславянский мир* 6. Москва: ИА РАН, 89—94.
- Гавритухин И. О. 2005. Комплексы пражской культуры с датирующими вещами. In: *Archeologia o poszatkach Słowian*. Kraków, 404—461.
- Голдина Р. Д. 1985. *Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье*. Иркутск: Иркутский университет.
- Голдина Р. Д., Водолога Н. В. 1990. *Могильники неволинской культуры в Приуралье*. Иркутск: Иркутский университет.
- Голдина Р. Д., Кананин В. А. 1989. *Средневековые памятники верховьев Камы*. Свердловск: Ураль-

- ский университет.
- Голубева Л. А. 1987. Мордва. В: *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. Москва: Наука, 97—107.
- Голубева Л. А. 1987 а. Марийцы. В: *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. Москва: Наука, 107—115.
- Гороховский Е. Л. 1982. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*. Киев: Наукова Думка, 125—140.
- Горюнова Е. И. 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА 96. Москва: ИА РАН.
- Грушина Л. Е. 1990. Курганно-жальничный могильник у деревни Верепково. В: *Земля Псковская, древняя и современная*. Псков, 22, 23.
- Даркевич В. П. 1976. *Художественный металл Востока VIII—XIII вв.* Москва: Наука.
- Джаксон Т. Н. 1993. *Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.)*. Тексты, перевод, комментарий. Москва: Наука.
- Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В. 2007. «Русская река». *Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии*. Москва: Индрик.
- Дубынин А. Ф. 1970. Троицкое городище. В: Смирнов К. Ф. (отв. ред.). *Древнее поселение в Подмосковье*. МИА 156, 5—98.
- Дубынин А. Ф. 1974. Щербинское городище. В: Краснов Ю. А. (отв. ред.). *Дьяковская культура*. Москва: Наука, 198—281.
- Енуков В. В. 1990. *Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей*. Москва: Наука.
- Еремеев И. И. 2007. Новгородские сопки и большие курганы Средней Швеции — проблемы сравнительного исследования. В: *У истоков русской государственности*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 240—255.
- Засецкая И. П. 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V вв. н.э. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии* 3, 23—105.
- Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С. 2007. *Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху*. Санкт-Петербург: Гос. Эрмитаж.
- Звяруга Я. Г. 2005. *Беларускае Певілле ў жалезным веку і раннім сярэдневякоўі*. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі.
- Земцов Г. Л. 2003. Миграционные потоки III—V вв. н.э. и Верхнедонской регион (на примере поселения Мухино-2). В: Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А. (отв. ред.). *Контактные зоны Евразии на рубеже эпох*. Самара: СОИКМ им. П. В. Алабина, 108—117.
- Иордан. 1997. *Getica. О происхождении и деяниях готов*. Латинский текст, перевод и комментарии Е. Ч. Скржинской. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Исланова И. В. 1997. *Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннем средневековье*. Москва: Эдиториал УРСС.
- Исланова И. В. 2006. *Верхнее Помостье в раннем средневековье*. Москва: Тверской государственный университет.
- Казакевичос В. 1986. Погребение с наконечником стрелы из могильника Плинкайгалис. *СА* (3), 238—243.
- Казакевичос В. 1988. *Оружие балтских племен II—VIII вв. на территории Литвы*. Вильнюс: Моклас.
- Казанский М. М. 1997. Остроготские королевства в гуннскую эпоху — рассказ Иордана и археологические данные. В: Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. (отв. ред.). *Stratum + Петербургский археологический вестник*. Санкт-Петербург; Кишинев, 181—193.
- Казанский М. М. 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов. *Археологические вести* 6, 404—419.
- Казанский М. М. 2007. Курганы Старой Упсалы и Восточный путь. *Новгород и Новгородская земля. История и археология* 21, 125—137.
- Казанский М. М. 2007. Оружие «западного» и «ожного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья. В: Наумов А. Н. (отв. ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово Поле», 304—325.
- Казанский М. М. 2005—2009. О славянской коннице VI в. *Stratum plus* (5), 457—471.
- Казанский М., Мاستыкова А. 2001. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V—VI вв. В: Абрамова М. П., Марковин В. И. (отв. ред.). *Северный Кавказ — историко-археологические очерки и заметки*. Москва: ИА РАН, 138—161.
- Каргопольцев С. Ю. 1994. *Северо-Запад Восточной Европы в системе общеевропейских древностей III—VI вв.* Дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Каргопольцев С. Ю. 1996. О нижней дате памятников типа Линдора-Полибино. В: Мачинский Д. А. (отв. ред.). *Ладога и Северная Европа*. Санкт-Петербург, 6—9.
- Каргопольцев С. Ю. 1997. Северо-Запад Восточной Европы III—VI вв. в контексте общеевропейских древностей (некоторые проблемы хронологии и взаимосвязей). В: Седов В. В. (отв. ред.). *Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян*. Москва: ИА РАН, 88—978.
- Каргопольцев С. Ю. 2000. Составные кольчатые удила как индикатор синхронизации восточноевропейских древностей эпохи великого переселения народов. В: *Археология Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара 1996—1999*. Псков, 157—160.
- Каргопольцев С. Ю., Бажан И. А. 1993. К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III—VI вв.). *Петербургский археологический вестник* 7, 113—122.
- Каргопольцев С. Ю., Шукин М. Б. 2002. Новая находка оружия позднеримского времени на западе Ленинградской области. В: Носов Е. Н., Смирнова Г. И. (отв. ред.). *Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси*. Санкт-Петербург: Гос. Эрмитаж, 76—90.
- Карпелан К. 1979. Финские саамы в железном веке. В: Рыбаков Б. А. (отв. ред.). *Финно-угры и славяне*. Ленинград: Наука, 143—151.
- Керт Г. М. 1961. Образцы саамской речи. Москва; Ленинград: Наука.
- Конецкий В. Я. 1996. Новые данные о погребальных памятниках в долине р. Белой. *Новгород и Новгородская земля* 10, 32—37.
- Конецкий В. Я. 1997. К вопросу о формировании культуры длинных курганов. *Новгород и Новгородская земля. История и археология* 11, 213—225.
- Конецкий В. Я. 2007. Археология Северо-Запада России в начале XXI в., итоги и перспективы. В: *У ис-*

Литература

№4. 2010

- токов русской государственности. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 256—267.
- Конькова О.И. 2008. Археологические находки на западе Ленинградской области и проблема происхождения ижоры. В: Сорокин П.Е. (отв. ред.). *Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Выпуск 2. Древности Ижорской земли*. Санкт-Петербург, 9—32.
- Корзухина Г.Ф. 1954. *Русские клады IX—XIII вв.* Москва; Ленинград: АН СССР.
- Корзухина Г.Ф. 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V — первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. *САИ* Е1—43. Ленинград: Наука.
- Корпела Ю. 2006. Емь и Ладога. В: Кирпичников А.Н., Носов Е.Н., Сакса А.И. (отв. ред.). *Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 73—81.
- Косменко М.Г. 1996. Культура лууконсаари. В: *Археология Карелии*. Петрозаводск, 238—253.
- Косменко М.Г. 1996 а. Позднебеломорская культура. В: *Археология Карелии*. Петрозаводск, 257—267.
- Косменко М.Г. 1996 б. Хозяйство и искусство эпохи бронзы-железа. В: *Археология Карелии*. Петрозаводск, 267—270.
- Косменко М.Г. 2006. Проблемы изучения этнической истории бронзового века — раннего средневековья в Карелии. В: *Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит-средневековье)*. Петрозаводск, 158—229.
- Кочкуркина С.И. 1981. *Археологические памятники корелы V—XV вв.* Ленинград: Наука.
- Кочкуркина С.И. 1982. *Древняя корела*. Ленинград: Наука.
- Кочкуркина С.И. 2006. Этнокультурные процессы эпохи средневековья. В: *Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит — средневековье)*. Петрозаводск, 230—275.
- Краснов Ю.А. 1980. *Безводнинский могильник*. Москва: Наука.
- Кропоткин В.В. 1961. Клады римских монет на территории СССР. *САИ* Г4—4. Москва: АН СССР.
- Кропоткин В.В. 1962. Клады византийских монет на территории СССР. *САИ* Е 4—4. Москва: АН СССР.
- Кропоткин В.В. 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э.—V в. н.э.). *САИ* Д1—27). Москва: Наука
- Кузьмин С.Л. 1991. О хронологическом соотношении сопки и длинных курганов (по материалам западных районов Новгородской земли). В: *Проблемы хронологии и периодизации в археологии*. Ленинград, 87—98.
- Кузьмин С.Л. 1995. Ладога и некоторые проблемы археологии Северо-Западной Руси. В: Мачинский Д.А. (отв. ред.). *Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург, 12—15.
- Кузьмин С.Л. 2003. Некоторые итоги изучения культуры псковских длинных курганов (по материалам памятников в бассейне Луги и Плюссы). В: Мазуркевич А.Н. (отв. ред.). *Древности Подвинья — исторический аспект*. Санкт-Петербург: Гос. Эрмитаж, 220—232.
- Кулаков В.И. 1989. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V—VIII вв (по материалам раскопок 1878—1938 гг.). *Barbaricum* 1, Warszawa, 148—275.
- Кулаков В.И. 1990. Древности пруссов VI—XIII вв. *САИ* Г 1—9. Москва: Наука, 1990.
- Кулаков В.И. 1997. Варникам. Древности прусских вождей. *Гістарычна-археалагічны зборник* 12, 143—171.
- Кулаков В.И. 1998. Holibo. Междуречье Ильфинг и Фришинг в V в. н.э. *Гістарычна-Археалагічны Зборник* 13, 98—119.
- Кулаков В.И. 2003. *История Пруссии до 1283 года*. Москва: Индрик.
- Кулаковский Ю.А. 2000. Карта Европейской Сарматии по Птолемену. В: Кулаковский Ю.А., *Избранные труды по истории аланов и Сарматии*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Кулешов В.С. 2005. Памятники культуры Tagandgräber на северо-западе Европейской части России. В: Еременко В.Е. (отв. ред.). *Альманах молодых археологов*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 183—198.
- Лаул С.К. 1982. Некоторые закономерности распространения древнего населения в свете изучения могильников I тыс. н.э. в Восточной Эстонии. В: Столяр А.Д. (отв. ред.). *Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья*. Ленинград: Ленинградский университет, 89—94.
- Лаул С. 1985. Проблемы изучения этнического состава населения культуры каменных могильников с оградками. В: *Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий*. Таллинн, 57—67.
- Лаул С. 1997. Ранний железный век в Южной Эстонии и «предкурганная культура». В: Кирпичников А.Н. (отв. ред.). *Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого (1919—1997)*. Том 1. Санкт-Петербург; Псков: ИИМК РАН, 402—409.
- Лебедев Г.С. 1978. Сопка у д. Репьи в Верхнем Полужье. *КСИА* 155, 99—99.
- Лебедев Г.С. 1984. Культурная стратиграфия Северо-Запада Европейской части России и проблемы формирования Новгородской земли. В: Лебедев Г.С. (отв. ред.). *Археологическое исследование Новгородской земли*. Ленинград: Ленинградский университет, 46—54.
- Лебедев Г.С. 1985. Северо-Восток Европейской части России в середине I тыс. н.э. В: Столяр А.Д. (отв. ред.). *Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока*. Сыктывкар: Пермский университет, 24—34.
- Лебедев Г.С. 1988. Русь и чужд, варяги и готы (итоги и перспективы историко-археологического изучения). В: *Славяно-русские древности. 1. Историко-археологическое изучение древней Руси*. Ленинград, 79—99.
- Лебедев Г.С. 1989. Остров Тюттерс и водные пути в Карелию, Приладожье, Понаровье-Причудье. В: *Нарва, Ивангород, Принаровье — воздействия культур. История и археология*. Нарва, 27, 28.
- Лебедев Г.С. 2005. *Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Леонтьев А.Е. 1989. Поповское городище (результаты раскопок 1980—1984 гг.). В: Седов В.В. (отв. ред.). *Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья*. Москва: ИА РАН, 5—105.
- Леонтьев А.Е. 1996. *Археология мери*. Москва: ИА РАН.
- Лопатин Н.В. 2006. Основные концепции заселения славянами Северо-Запада Русской равнины. В: *Археология Пскова и Псковской земли. Материалы семинара, посвященного памяти академика В.В. Седова*. Псков, 333—341.

- Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. 1995. О роли памятников III—V вв.н.э. в формировании культур псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины. *Петербургский археологический вестник* 9, 136—141.
- Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. 2007. Северные рубежи раннеславянского мира в III—V веках н.э. *Раннеславянский мир* 8. Москва: ИА РАН.
- Лухтан А. 1996. Война в Литве в V веке. В: *Беларусь ў системе трансэўрапейскіх сувязяў у I тысячагодзі н.э.* Минск, 53—54.
- Лыч Б.Г. 2000. О территориальных различиях погребального инвентаря носителей культуры длинных курганов. *Вестник молодых ученых. Серия — исторические науки* 5, 72—76.
- Макаров Н.А. 1986. О некоторых комплексах середины — 3-й четверти I тысячелетия н.э. в Юго-Восточном Прионежье и на р. Сухоне. *КСИА* 183, 23—32.
- Макаров Н.А. 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI—XIII веках. Москва: Наука.
- Мальм В.А., Фехнер М.В. 1969. Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во 2-й половине I тысячелетия н.э. В: *Экспедиции государственного исторического музея.* Москва: ГИМ, 159—192.
- Манюхин И.С. 1996. Позднекаргопольская культура. В: *Археология Карелии.* Петрозаводск, 220—237.
- Мастыкова А.В. 2004. Янтарные бусы с нарезным декором эпохи Великого переселения народов. *РА* (3), 55—67.
- Мастыкова А.В. 2004. Стекланные бусы комплекса поселений у с. Замятино. В: *Обломский А.М. (отв. ред.). Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. Раннеславянский мир* 6. Москва: ИА РАН, 84—88.
- Мастыкова А.В., Румянцева О.С., Егорьев А.Н. 2006. Связи населения Центральной России и понтийского региона в эпоху Великого переселения народов (по материалам стекланных бус). В: *Бессуднов А.Н. (отв. ред.). Археологическое изучение Центральной России.* Липецк: Липецкий гос. пед. университет, 264.
- Маршак Б.И. 2006. Серебро за меха. В: *Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов.* Санкт-Петербург, 72—82.
- Мачинский Д.А. 1984. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности. В: *Лебедев Г.С. (отв. ред.). Археологическое исследование Новгородской земли.* Ленинград: Ленинградский университет, 5—24.
- Мачинский Д.А. 1985. Ростово-Суздальская Русь в X в. и «три группы Руси» восточных авторов. В: *Столяр А.Д. (отв. ред.). Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока.* Сыктывкар: Пермский университет, 3—23.
- Мачинский Д.А. 1986. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси. В: *Бернштам Т.А., Чистов К.В. (отв. ред.). Русский Север.* Ленинград: Наука, 3—29.
- Мачинский Д.А. 1988. Колбяти «Русской Правды» и приладожская курганная культура. В: *Тихвинский сборник.* Тихвин, 90—103.
- Мачинский Д.А., Кулешов В.С. 2004. Северные народы середины IV — первой половины VI в. в «Getica» Иордана. В: *Мачинский Д.А. (отв. ред.). Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской.* Санкт-Петербург: Нестор-История, 2004, 26—72.
- Мачинский Д.А., Тиханова М.А. 1976. О местах обитания и направлениях движения славян I—VII вв.н.э. *Acta Archaeologica Carpatica* 16, 59—94.
- Мельникова Е.А. (отв. ред.). *Славяне и скандинавы.* 1986. Москва: Прогресс.
- Микляев А.М. 1995. Каменный — железный век в междуречье Западной Двины и Ловати. *Петербургский археологический вестник* 9, 7—39.
- Милюков М. 2003. О тзв. женском германском гробу из Уплижане. В: *Споменица Јована Ковачевића.* Београд, 143—178.
- Митрофанов А.Г. 1978. *Железный век Средней Белоруссии.* Минск: Наука и техника.
- Михайлова Е.Р. 2001. К обоснованию нижней даты псковских длинных курганов. В: *Мачинский Д.А. (отв. ред.). Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры.* Санкт-Петербург, 35—46.
- Михайлова Е.Р. 2005—2009. Погребения культуры псковских длинных курганов: распределение вещевого материала. *Stratum plus* (5), 18—30.
- Михайлова Е.Р. 2006. Некоторые находки с Труворова городища и финальный этап культуры длинных курганов. В: *Седов В.В. (отв. ред.). Изборск и его округа.* Изборск, 109—124.
- Михайлова Е.Р. 2007. Тисненные бляшки-обоймицы из памятников культуры псковских длинных курганов. В: *Хаврин С.В. (отв. ред.). Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова.* Санкт-Петербург: Культ-Информ-Пресс, 158—164.
- Михайлова Е.Р. 2007 а. Культура псковских длинных курганов: памятники финального этапа. *Вестник Санкт-Петербургского университета,* серия 6/4, 389—398.
- Михайлова Е.Р. 2009. О периодизации псковских длинных курганов. *Сайт Северо-Западной археологической экспедиции.* URL: <http://www.nwae.spb.ru/> (дата просмотра 5.04.2009).
- Михайлова Е.Р. 2009 а. *Культура длинных курганов. Проблемы хронологии развития материальной культуры.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Моора Х.А. 1954. Археологические памятники I—IV вв. в Прибалтике. *КСИА* 53, 3—22.
- Моора Х.А. 1954 а. Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных. *СА* 21, 95—118.
- Моора Х.А. 1956. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. В: *Моора Х.А. (отв. ред.). Вопросы этнической истории эстонского народа.* Таллинн: Эстонское гос. изд., 49—140.
- Моора Х. 1962. Клад V века, найденный в Реола, близ г. Тарту. *Światowit* 24, 343—351.
- Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. 2006. *Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму.* Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Несман У. 1989. Этнос и связи на Балтике в V—X веках нашей эры. В: *Массон В.М. (отв. ред.). Взаимодействие древних культур в бассейне Балтийского моря.* Ленинград: Наука, 19—23.
- Никольская Т.Н. 1962. Городище у д. Николо-Ленивец. *СА* (1), 221—240.
- Новаковский В. 2007. Восточные пруссы как связующее звено между Восточной и Западной Европой — археологические свидетельства V—VIII вв. В: *Menghin W. (Hrsg.). Эпоха меровингов. Европа*

- без границ. Berlin: Minerva, 145—155.
- Носов Е. Н. 1984. К вопросу о сложении погребального обряда культуры длинных курганов. *КСИА* 179, 11—18.
- Носов Е. Н., Хвощинская Н. В. 2007. Связи населения центрального Приильменья с Западной Финляндией и Эстонией в контексте международной торговли в регионе Балтики в IX—X вв. В: Носов Е. Н. (отв. ред.). *Северная Русь и народы Балтики*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 6—17.
- Нунав Т. С. 2004. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. В: Кирпичников А. Н., Седых В. Н. (отв. ред.). *Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет, 2004, 256—313.
- Обломский А. М. (ред.). 2004. Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. *Раннеславянский мир* 6. Москва: ИА РАН.
- Обломский А. М. 2008. Некоторые соображения о походах дружин короля готов Германариха на восток. В: Наумов А. Н. (отв. ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово Поле», 142—162.
- Останина Т. И. 1997. *Население Среднего Прикамья в III—V вв.* Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН.
- Орлов С. Н. 1984. Памятники раннего железного века на территории Новгородской области. В: Лебедев Г. С. (отв. ред.). *Археологическое исследование Новгородской земли*. Ленинград: Ленинградский университет, 70—84.
- Петренко А. Г. 1991. Результаты исследований остеологических материалов из раскопок средневековых памятников Прикамья. В: Иванова М. Г. (отв. ред.). *Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы*. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 64—64.
- Петренко В. П. 1984. Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладogi. В: Рыбаков Б. А. (отв. ред.). *Новое в археологии СССР и Финляндии*. Ленинград: Наука, 83—90.
- Петренко В. П., Вирсе И. А. 1993. Исследование могильников Гробиняс Приеденс в Западной Латвии. *КСИА* 208, 95—103.
- Петров Н. И. 2006. Древности эпохи раннего средневековья в среднем течении Кушаверы. Опыт культурной стратиграфии. *Новгород и Новгородская земля. История и археология* 20, 155—171.
- Петров И. В., Петрова М. И. 2002. Водные пути древних карел. Доклад в Русском Географическом Обществе, февраль 2002 г. *Сайт Кирьяж*. URL: <http://www.kirjazh.spb.ru>
- Платонова Н. И. 1996. О «белых пятнах» на археологической карте памятников третьей четверти I тыс. н. э. на Северо-Западе. В: Мачинский Д. А. (отв. ред.). *Ладога и Северная Русь. Вторые чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург, 9—12.
- Поболь Л. Д. 2001. Находки римских монет на землях Беларуси. *Lietuvos Archeologija* 21, 73—80.
- Подосинов А. В. 2002. *Восточная Европа в римской картографической традиции*. Москва: Индрик.
- Попов А. И. 1973. *Названия народов СССР*. Ленинград: Наука.
- Попов С. Г. 1989. Городище Сторожинец. *КСИА* 198, 45—56.
- Приск Панийский. 1890. *Готская история*. В: Латышев В. В., *Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе*. Том I. *Греческие писатели*. Санкт-Петербург, 810—846.
- Прокопий, BG — Procopius. 1962—1968. III—V. *History of the Wars, Books V—VIII* (éd. H. W. Dewing, Loeb Classical Library). London; Cambridge (Massachusetts).
- Пронин Г. И. 1988. Исследование памятников второй половины I тысячелетия н. э. в восточных районах Новгородчины. *Советская археология* (4), 169—179.
- Репников Н. И. 1906. Некоторые могильники области крымских готов. *Известия Императорской археологической комиссии* 19, 1—80.
- Розенфельд И. Г. 1982. *Древности Волго-Окского междуречья в VI—IX вв.* Москва: Наука.
- Розенфельд Р. Л. 1987. Ванвиздинская культура. В: Рыбаков Б. А. (отв. ред.). *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. Москва: Наука, 116—122.
- Розенфельд Р. Л. 1987 а. Поломская культура. В: Рыбаков Б. А. (отв. ред.). *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. Москва: Наука, 130—135.
- Ромашов С. А. 2000—2001. Историческая география Хазарского каганата (V—XIII вв). *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 11, 219—338.
- Рыук А.-М. 1979. Некоторые вопросы сооружения и морфологии курганов Юго-Восточной Эстонии. *Известия Академии наук ЭССР* 28/3, 249—265.
- Рябинин Е. А. 1987. Об исследовании средневековых могильников води в Ленинградской области. *Известия Академии наук ЭССР* 36/4, 408—410.
- Рябинин Е. А. 1985. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973—1975 гг.). В: Седов В. В. (отв. ред.). *Средневековая Ладога*. Ленинград: Наука, 27—75.
- Рябинин Е. А. 1989. Могильник и селище у д. Попово на р. Унже. В: Седов В. В. (отв. ред.). *Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья*. Москва: ИА РАН, 127—170.
- Рябинин Е. А. 1994. К проблеме этногенеза води. В: *Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов*. Санкт-Петербург, 23—29.
- Сакса А. И. 1997. Город Корела — центр приладожской Карелии. В: Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А., Сакса А. И. (отв. ред.) *Славяне и финно-угры. Археология, история, культура*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 179—185.
- Сакса А. И. 2006. Хозяйство и ремесло населения Карельской земли в средние века. *РА* (3), 63—74.
- Сакса А. И. 2006. Карелия и Саво. К вопросу о происхождении населения саволакского погоста. В: Кирпичников А. Н., Носов Е. Н., Сакса А. И. (отв. ред.). *Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 141—152.
- Сакса А. И. 2007. *Древняя Карелия во второй половине I — первой половине II тыс. н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли*. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Сегер Т. 1984. Заселение в эпоху железа (статистический анализ). В: Рыбаков Б. А. (отв. ред.). *Новое в археологии СССР и Финляндии*. Ленинград: Наука, 100—112.
- Седов В. В. 1974. Длинные курганы кривичей. *САИ* Е1—8. Москва.
- Седов В. В. 1980. Об этнической принадлежности псковских длинных курганов. *КСИА* 166, 5—11.

№4. 2010

Литература

- Седов В.В. 1987. Эсты. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.) *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. Москва: Наука, 13—23.
- Седов В.В. 1987 а. Балты. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.) *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. Москва: Наука, 353—456.
- Седов В.В. 1995. *Славяне в раннем средневековье*. Москва: Фонд археологии.
- Селиранд Ю. 1983. О начале взаимоотношений эстонских и восточнославянских племен. В: *Древнерусское государство и славяне*. Минск: Наука и техника, 28—30.
- Селицкий А.И. 1999. К вопросу о генезисе королевской власти у древних германцев. В: Мильников А.С. (отв. ред.) *Скандинавские чтения 1998 года*. Санкт-Петербург: Наука, 58—81.
- Смирнов К.А. 1974. Дьяковская культура. В: Краснов Ю.А. (отв. ред.) *Дьяковская культура*. Москва: Наука, 7—89.
- Сорокин П.Е. 1997. Возникновение Валаамского монастыря и формирование его топографии. В: Кирпичников А.Н., Рябинин Е.А., Сакса А.И. (отв. ред.) *Славяне и финно-угры. Археология, история, культура*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 186—194.
- Сорокин П.Е., Шаров О.В. 2008. О новых находках римской эпохи на Северо-Западе. В: Сорокин П.Е. (отв. ред.) *Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Выпуск 2. Древности Изгорской земли*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 167—201.
- Спицын А.А. 1896. *Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского*. Санкт-Петербург.
- Станкевич Я.В. 1960. История населения Верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н.э. *МИА* 76. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Старостин П.Н. 1967. Памятники именковской культуры. *САИ* Д1—32. Москва: Наука.
- Сыромятников С.И. 1892. Балтийские готы и Гута-Сага. *Живая Старина* 2/1, 25—48.
- Тауавичюс А.З. 1959. Восточнолитовские курганы. В: Моора Х.А. (отв. ред.) *Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии*. Москва: АН СССР, 128—153.
- Тауавичюс А.З. 1980. Балтские племена на территории Литвы в I тысячелетии н.э. В: *Из древнейшей истории балтских народов*. Рига, 80—88.
- Урбанавичюс В. 1987. Новые памятники у пос. Серджос. В: *Археологические открытия 1985 года*. Москва: Наука, 487, 488.
- Фурасьев А.Г. 1996. О времени и обстоятельствах гибели городища Демидовка в верховьях Днепра. В: Мачинский Д.А. (отв. ред.) *Ладога и Северная Европа. Чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург, 4—6.
- Хвоцинская Н.В. 2008. *Славяне и финны на Северо-Западе древнерусского государства*. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Москва.
- Хлевов А.А. 1999. Дружина Севера как исторический феномен. В: Мильников А.С. *Скандинавские чтения 1998 года*. Санкт-Петербург: Наука, 49—58.
- Хурре М. 1979. Концепции финских археологов о происхождении племени карелов и культуры Карелии в эпоху железного века. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.) *Финно-угры и славяне*. Ленинград: Наука, 138—142.
- Цалкин В.И. 1961. Фауна из раскопок средневековых городищ на территории Латвии. В: Шноре Э.А. *Асотское городище*. Рига: АН Латвийской ССР, 203—222.
- Цалкин В.И. 1966. Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке. В: Цалкин В.И. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. *МИА* 107. Москва: Наука, 5—96.
- Цалкин В.И. 1966 а. Фауна из раскопок археологических памятников средневековой Прибалтики. В: Цалкин В.И. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. *МИА* 107. Москва: Наука, 97—140.
- Чемякин Ю.П. 2006. Об одном сюжете «пермского звериного стиля». В: Голдина Р.Д. (отв. ред.) *Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов*. Ижевск: Удмуртский гос. университет, 70—80.
- Шадыра В.І. 2006. *Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н.э.)*. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі.
- Шаров О.В. 2006. О находке перекладчатой фибулы в Старой Ладогге. В: Кирпичников А.Н., Носов Е.Н., Сакса А.И. (отв. ред.) *Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 176—211.
- Шаскольский И.П. 1954. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX—XIII вв. *Географический сборник* 3, 146—159.
- Шахнович М.М. 2003. К вопросу о валунных насыпях на островах в Белом море. В: *Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии*. Петрозаводск, 111—116.
- Шелов-Коведяев Ф.В. 1994. Птолемей. В: Гиндин Л.А., Иванов С.А., Литаврин Г.Г. (сост.) *Свод древнейших письменных известий о славянах*. Том I (I—VI вв.). Москва, 46—62.
- Шмидехельм М.Х. 1955. *Археологические памятники периода разложения родового строя на Северо-Востоке Эстонии*. Таллинн: Эстонское гос. изд.
- Шмидехельм М.Х. 1956. О племенах северо-восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия до н.э. и в первой половине I тысячелетия н.э. В: Моора Х.А. (отв. ред.) *Вопросы этнической истории эстонского народа*. Таллинн: Эстонское гос. изд., 172—186.
- Шмидт Е.А. 1963. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н.э. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.) *Славяне накануне образования Киевской Руси*. *МИА* 108, Москва: АН СССР, 51—67.
- Шмидт Е.А. 1970. О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины. В: Кухаренко Ю.В. (отв. ред.) *Древние славяне и их соседи*. *МИА* 176, Москва: Наука, 63—69.
- Шмидт Е.А. 1994. Проблемы хронологии тушемлинской культуры в верховьях Днепра. В: *Археологія і старожытняя історыя Могіляўшчыны і сумежных тэрыторый*. Могилев, 104—113.
- Шноре Э.Д. 1961. *Асотское городище*. Рига: АН Латвийской ССР, 203—222.
- Шрамм Г. 1997. *Реки Северного Причерноморья*. Москва: Eastern Communications.
- Штыхаў Г.В. 1992. *Крывічы*. Минск: Навука і тэхніка.
- Шувалов П.В. 2002. Инглинги и Восточный путь в IV—V вв. (*Yngl.* 18, 19). В: Лебедев Г.С. (отв. ред.) *Европа — Азия: проблемы этнокультурных контактов*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН-НИИКСИ СПбГУ, 215—219.
- Шувалов П.В. 2004. *Pelles sappherinae* и Восточный путь. К вопросу о политической истории Балто-

- Скандии в V—VI вв. В: Мачинский Д. А. (отв. ред.). *Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 73—108.
- Шумкин В. 1985. Древняя история аборигенного населения Кольского полуострова (к проблеме происхождения саамов). В: *Проблемы этнической истории балтов*. Рига, 109—111.
- Щеглова О. А. 2001. К вопросу о месте формирования традиции изготовления свинцово-оловянных украшений в формочках «типа Камно-Рьуге». В: Мачинский Д. А. (отв. ред.). *Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. Пятое чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург, 46—55.
- Щукин М. Б. 1994. *На рубеже эр*. Санкт-Петербург: Фарн.
- Щукин М. Б. 2005. *Готский путь*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- Эпоха меровингов. Европа без границ*. 2007. Menghin W. (Hrsg.). Berlin: Minerva.
- Эря-Эско А. 1986. Племена Финляндии. В: Мельникова Е. А. (отв. ред.). *Славяне и скандинавы*. Москва: Прогресс, 169—174.
- Abegg-Wigg A. 2008. Germanic and Roman-provincial symbols of power — Selected finds from the aristocratic burials of Neudorf-Bornstein. In: Niezabitowska-Wiśniewska B. et alii (ed.). *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period*. Lublin: UMCS, I, 27—38.
- Åberg N. 1919. *Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit*. Uppsala.
- Almgren O., Nerman B. 1923. *Die ältere Eisenzeit Gotlands*. Stockholm.
- Altheim F. 1952. *Attila et les Huns*. Paris: Payot.
- Andersson K. 1995. *Romartida guldsmede i Norden III*. Uppsala: Uppsala University.
- Andrzejowski J. 1991. Okucia rogów do picia z młodszego okresu przedrzymskiego i okresu wpływów rzymskich w Europie Środkowej i północnej. *Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne* 6, 7—113.
- Andrzejowski J., Cieśliński A. 2007. Germane i Baltowie u schyłku starożytności. Przyjazne związki czy wrogie sąsiedztwo? In: Bitner-Wróblewska A. (ed.). *Kultura bogaczewska w 20 lat później*. Warszawa: Muzeum Archeologiczne, 279—319.
- Appelgren-Kivalo H. 1907. *Finnische Trachten aus der jüngeren Eisenzeit*. Helsinki.
- Arce J. 2005. Dress control in Late Antiquity — Codex Theodosianus 14.10.1—4. In: *Kleidung und Repräsentation in Antike und Mittelalter*. Mittelalter Studien 7. München, 33—44.
- Arrhenius B. 1967. I rapporti italo-svedesi tra il 450 e il 600. *Alto Medioevo* I, 1967, 9—34.
- Arrhenius B. 1978. Рец. на R. Bruce-Mitford, The Sutton-Hoo Ship Burial I. *Medieval Archaeology* 22, 189—195.
- Arrhenius B. 1982. Snorris Asa-Etymologie und das Gräberfeld von Altuppsala. In: *Tradition als historische Kraft*. Berlin; New-York, 65—77.
- Arrhenius B. 1987. Scandinavien und Osteuropa in der Völkerwanderungszeit. In: Bott G. (Hrsg.). *Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit*. Nürnberg: Germanisches Nationalmuseum, 441—447.
- Arrhenius B. 1990. Connections between Scandinavia and the East Roman Empire in the Migration period. In: Austin D., Alcock L. (ed.). *From the Baltic to the Black Sea. Studies in Medieval Archaeology*. London; Boston; Sydney; Wellington, 118—136.
- Arrhenius B. 1994. Aspects of Barter Trade exemplified at Helgö and Birka. In: *The Archaeology of Gudme and Lundeberg*. København, 189—194.
- Arrhenius B. 2002. Kingship and Social Relations in the Early Medieval Period in Svealand elucidated by DNA. In: *The Scandinavians from the Vendel Period to the Tenth Century. An Ethnographic perspective*. Woodbridge, 2002, 45—58.
- Aspelin J. R. 1880. *Antiquités du Nord finno-ougrien. IV. L'Âge du Fer. Antiquités de la Finlande*. Helsinki; Saint-Petersbourg; Paris.
- Aspelin J. R. 1884. *Antiquités du Nord finno-ougrien. V. L'Âge du Fer. Antiquités des provinces baltiques*. Helsinki; Saint-Petersbourg; Paris.
- Axboe M. 19781. The Scandinavian gold bracteates. Studies on their manufacture and regional variations. *Acta Archaeologica* 52, 1—100.
- Axboe M. 1994. Gudme and Gold Bracteates. In: *The Archaeology of Gudme and Lundeberg*. København, 68—77.
- Axboe M. 2001. Amulet Pendants and a Darkened Sun. In: *Roman Gold and the Development of Early Germanic Kingdoms*. Stockholm, 119—136.
- Belkowska I. 1984. Rzymskie naczynia srebrne strefy bałtyckiej i ich naśladownictwa. *Archaeologia* 34, 73—93.
- Bemmann J. 2003. Eine skandinavische Relieffibel aus Haverlah, Lkr. Wolfenbüttel. *Fornvännen* 98, 169—177.
- Bemmann J. 2006. Eine völkerwanderungszeitliche Bestattung aus Epöl, Kom. Esztergom, mit Schwertrie-mendurchzügigen skandinavischer Form. In: Mihailescu-Bîrluba V. et alii (ed.). *Miscellanea romano-barbarica. In honorem septagenarii magistri Ion Ioniță oblată*. București: Editura Academiei Române, 217—246.
- Bemmann J. 2008. Mitteleuropa im 5. Jahrhundert — Eine Zwischenstation auf dem Weg der Langobarden in den mittleren Donaauraum? In: Bemmann J., Schmauder M. (Hrsg.). *Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden-Awaren-Slawen*. Bonn: Habelt, 145—227.
- Bemmann J., Hahne G. 1994. Waffenführende Grabinventare der jüngeren römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit in Skandinavien. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 75, 283—640.
- Bertašius M. 2000. Zentrum und Peripherie bei den Westbalten. Zu den Beziehungen zwischen dem Samland und der Region um Kaunas vom 5. bis 8. Jh. n. Chr. *Archaeologia Baltica* 4, 135—148.
- Bertram M. (ed.). 1995. *Merowingerzeit. Die Altertümer im Museum für Vor- und Frühgeschichte*, Berlin, Mainz.
- Bierbrauer V. 1975. *Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien*. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo.
- Bitner-Wróblewska A. 1991. Between Scania and Samland. From Studies of Stylistic Links in the Baltic Basin during the Early Migration Period. *Fornvännen* 86, 225—241.
- Bitner-Wróblewska A. 2001. *From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period*. Warszawa: Muzeum Archeologiczne.
- Bitner-Wróblewska A. 2008. Observers or participants? The Balts during turbulent epoch. In: Niezabitowska-Wiśniewska B. et alii (ed.). *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the*

№4. 2010

Литература

- Migration Period*. Lublin: UMCS, I, 97—112.
- Bitner-Wróblewska A., Kontny B. 2006. Controversy about three-leaf arrowheads from Lithuania. *Archaeologia Lituana* 7, 104—122.
- Bliujienė A. 2003. A Microregion between Šilutė-Priekulė and Švėkšna in western Lithuania or alternatively the Lamata land according to archaeological data. *Archaeologia Lituana* 4, 122—137.
- Bliujienė A. 2006. Watershed between Eastern and Western Lithuania during the Early and Late Migration Period. *Archaeologia Lituana* 7, 123—143.
- Bliujienė A., Stepanaitis V. 2009. Wealthy Horsemeb in the Remote and Tenebrous Forests of East Lithuania during the Migration Period. *Archaeologia Baltica* 11, 185—205.
- Blumbers Z. 1982. *Bronzebuckelchen als Trachtzier. Zu den Kontakten Gotlands mit dem Kontinent in der Älten Römischen Eisenzeit*. Stockholm.
- Böhme H.-W. 1986. Das Ende der Römerherrschaft in Britannien und die angelsächsische Besiedlung Englands im 5. Jahrhundert. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums* 33, 469—574.
- Bóna I. 1976. *A l'aube du Moyen Âge. Gépides et Lombards dans le bassin des Carpates*. Budapest: Korvina-Press.
- Butėnienė E. 1968. Lazdininkų kapinynas. In: *Lietuvos pajūrio I—VIIa. kpinynai*. Vilnius, 1968, 143—161.
- Callmer J. 2000. From West to East. The Penetration of Scandinavians into Eastern Europe ca. 500—900. In: Kazanski M., Nercissian A., Zuckerman C. (dir.). *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*. Paris: Lethielleux, 45—94.
- Carpelan C., Uino P. 2003. Between Estonia and Finland — A Reassessment of old Finds from Tytärsaari Island. In: *Archeologia Läänemereaaades. Uurimus Jüri Seliranna auks*. Tallinn; Tartu, 2003, 75—93.
- Chastagnol A. 1976. *La fin du monde antique. De Stilicon à Justinien (Ve siècle et début VIe)*. Recueil de textes présentés et traduits par Andre Chastagnol. Paris: Nouvelles éditions latines.
- Cieślński A. 2008. Die spätromische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit an der Passarge/Pasłęka. In: Niezabitowska-Wiśniewska B. et alii (ed.). *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period*. Lublin: UMCS, 113—131.
- Ciglis J. 2006. V—IX amžiaus diržų sagtys Rytų Latvioje. *Archaeologia Lituana* 7, 156—170.
- Deemant K. 1977. Neue Funde aus dem Steingräberfeld von Proosa. *Известия Академии Наук ЭССР* 26/1, 1977, 62—63.
- Deemant K. 1981. Ausgrabungen in Proosa. *Известия Академии Наук ЭССР* 30, 1981, 394—396.
- Demougeot E. 1979. *La formation de l'Europe et les invasions barbares. 2. De l'avènement de Dioclétien au début du VIe siècle*. Paris: Aubier.
- Duczko W. 1996. Uppsalahögarna som symboler och arkeologiska källor. In: Duczko W. (éd.), *Arkeologi och miljögeologi i Gamla Uppsala*. Uppsala: Uppsala University, 59—93.
- Edgren T. 1992. Lavansaaren Suursuonmäen røykkiöhaudat. *Suomen Museo* 99, 5—20.
- Ehrlich B. 1931. Schwerter mit silberbeschlagen Scheiden von Benkenstein, Kr. Elbing und einige west- und ostpreussische Vergleichstüme. *Prussia* 29, 16—46.
- Engel C. 1937. Ostpreussens Stellung im Rahmen der gesamtdeutschen Vorgeschichte. *Germanen-Erbe* 2—9/10, 250—357.
- Engel M., Iwanicki P., Rzeszotarska-Nowakiewicz A. 2006. „Sudovia in qua Sudovitae“; The new hypothesis about the origin of Sudovian Culture. *Archaeologia Lituana* 7, 184—211.
- Erä-Esko A. 1965. *Germanic Animal Art of Salin's Style I in Finland*. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 63. Helsinki.
- Erä-Esko A. 1986. Domburg-Gulldynt. *Finskt Museum* 93, 54—84.
- Evison V. 1967. The Dover ring-sword and other sword-rings and beads. *Archaeologia* 101, 65—122.
- Fabech C. 1989—1990. Sjörup — an Old Problem in a New Light. *Meddelanden från Lunds universitets historiska museum* 8, 101—119.
- Fabech C. 1999. Organising the Landscape. A matter of production, power, and religion. In: *The Making of Kingdoms* (Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History 10). Oxford, 37—47.
- Fabech C. 1999 a. Centrality in sites and landscapes. In: *Settlement and Landscape*. Aarhus, 455—473.
- Fabech C. 2001. The Spatial Distribution of the Gold Hoards in Southern Scandinavia and the Geography of Power. In: *Roman Gold and the Development of Early Germanic Kingdoms*. Stockholm. 189—204.
- Fagerlie J. 1967. *Late Roman and Byzantine Solidi Found in Sweden and Denmark*. New-York.
- Fischer S. 2007. „Les seigneurs des anneaux“. Inscriptions runiques de France, t. 1. Saint-Germain-en-Laye: AFAM.
- Fischer S. 2008. The Udovice Solidus Pendants. Late 5th Century Evidence of South Scandinavian Mercenaries in the Blakans. *Fornvännen* 103, 81—90.
- Die Franken. Wegbereiter Europas*. 1996. Mainz: Philipp von Zabern.
- Franzén R. 2007. Om folkvandringstida masksöljor med anledning av ett fynd från Ösmo. *Fornvännen* 102, 153—167.
- Geisslinger H. 1967. *Horte als Geschichtsquelle dargestellt an der völkerwanderungs- und merowingerzeitlichen Funden des südwestlichen Ostseeraums*. Offa-Bücher 19. Neumünster: Karl Wachholtz.
- Bott G. (Hrsg.). 1987. *Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit*. Nürnberg: Germanisches Nationalmuseum.
- Ginters V. 1961. Die emailverzierte Fibel von Helgö, Ksp. Ekerö, Uppland. *Fornvännen*, 1—25.
- Godłowski K. 1980. Zur Frage der völkerwanderungszeitlichen Besiedlung in Pommern. *Studien zur Sachsenforschung* 2, 63—106.
- Godłowski K. 1981. Okres wędrowek ludów na Pomorzu. *Pomorania Antiqua* 10, 1981, 65—129.
- Godłowski K. 1983. Zur Frage der Slawensitze vor der grossen Slawenwanderung im 6. Jahrhundert. *Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo* 30, 257—303.
- Graudonis J. 2001. The Finery of the anciens Semigallians. *Lietuvos Archeologija* 21, 55—62.
- Graudonis J. 2003. *Lielupes krastos pirms gadu simtiem. Arheoloģiskie pētījumi Jaunsviorlaukas pagastā*. Riga, Latvijas vēstures institūts.
- Grégoire de Tours, *Histoire des Francs*. Paris, vol. I. 1975, vol. II — 1979 (traduction et R. Latouche).
- Hackman A. 1905. *Die ältere Eisenzeit in Finnland*. Helsingfors.
- Haith C. 1988. Un nouveau regard sur le cimetière d'Herpes (Charente). *Revue Archéologique de Picardie* 3—4, 71—80.
- Hallinder P., Haglund K. 1978. Iron currency bars in Sweden. In: Lamm C., Lundström A. (ed.). *Excavations at Helgö V/1. Workshop. Part II*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 30—37.

- Hauptmann T. 1998. Studien zur Dreisplossenfibeln. In: Kunow J. (Hrsg.). *100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren*. Wünsdorf: Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte, 159—173.
- Haussig H.W. 1971. *Histoire de la civilisation byzantine*. Paris.
- Haussig H.W. 1980. Nachrichten über den skandinavischen Pelzhandel mit byzantinischen Kaufleuten an der Mündung des Don in der ersten Hälfte des 6. Jahrhunderts. In: *Wirtschaft, Technik und Geschichte. Festschrift für A. Timm*. Berlin, 53—62.
- Haussig H.W. 1987. Die Praxis des Warenaustasches im Warenaustausch mit den chasarischen Märkten Sarkel und Itil. In: *Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa*. 4., Göttingen, 528—544.
- Hedeager L. 1992. *Iron-Age Societies. From Tribe to State in Northern Europe, 500 BC to AD 700*. Oxford; Cambridge (Massachusetts): Blackwell.
- Helgesson B. 1990. The Gold Necklet from Kyhl. *Meddelanden från Lunds universitets historiska museum*, 120—128.
- Henriksen M.B., Horsnæs H.W. 2004. Gulds-katten fra Boltinggård Skov på Midt-fyn. *Fynske Minder*, 123—151.
- Henriksen M.B., Horsnæs H.W. 2006. Boltinggård Skov — A Hoard of Roman gold coins of Constantinian period from Funen, Denmark. *Revue numismatique* 162, 259—271.
- Hirviluoto A.-L. 1976. Ainolan asellöytö. *Suomen Museo* 83, 59—67.
- Hjärne E. 1917. Bronsfyndet från Strokåge. *Fornvännen* 12, 1917, 147—172, 203—225.
- Hoffmann E. 1992. Der heutige Stand der Erforschung der Geschichte Skandinaviens in der Völkerwanderungszeit im Rahmen der mittelalterlichen Geschichtsforschung. In: *Der historische Horizont der Götterbild-Amulette aus der Übergangsepoche von der Spätantike zur Frühmittelalter*. Göttingen, 143—182.
- Høiland Nielsen K. 1987. Zur Chronologie der jüngeren Germanischen Eisenzeit auf Bornholm. *Acta Archaeologica* 56, 47—86.
- Høiland Nielsen K. 1999. Zur frühmittelalterlichen Chronologie Skandinaviens — eine Einführung. In: von Freedon U., Koch U., Wiczorek A. (Hrsg.). *Völker an Nord- und Ostsee und die Franken*. Bonn: Habelt, 51—60.
- Holmqvist W. 1965. L'art des Germains depuis le Ve siècle. In: Eggers H.J., Will E., Joffroy R., Homkvist V. *Les Celtes et les Germains à l'époque paienne*. Paris: Albin Michel, 152—221.
- Holmqvist W. 1972. Relief brooches. Comparative analysis of the A-B-C elements at the Helgö workshop. In: Holmqvist W. (ed.). *Excavations at Helgö IV. Workshop. Part I*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 230—255.
- Holmqvist W. 1972 a. Die schwedischen Goldskragen. In: Hagberg E. (Hrsg.). *Studia Gotica*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 234—253.
- Howard-Johnston J. 1980. Trading from Classical Antiquity to the Early Middle Ages. In: *Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology*. London, 65—79.
- Hübener W. 1980. Eine Studie zu den Beilwaffen der Merowingerzeit. *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters* 8, 65—127.
- I Goti*. 1994. Milano: Skira.
- Ilkjær J. 1990. *Illerup Ådal 1. Die Lanzen und Speere*. Århus: Aarhus University Press.
- Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. 2006. *Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes migrations*. Paris: ACHCB.
- Jantarová stezka. *Peregrinatio Gothica*. Supplementum ad Acta Musei Moraviae 82. 1997, Brno.
- Jaskanis J., Okulicz J. 1981. Kultura zachodniobałtyjska. In: *Prahistoria ziem polskich. V. Późny okres lateński i okres rzymski*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum, 216—247.
- Jordanès, *Histoire des Goths*. 1995. Paris: Les Belles Lettres (traduction en français de O. Devilliers).
- Jørgensen L. 1989. En kronologi for yngre romersk og ældre germansk jernalder på Bornholm. *Arkeologiske Skrifter* 3, 168—187.
- Jørgensen L., Nørgård-Jørgensen A. 1997. *Bækkegård and Glasegård. Two cemeteries from the late Iron Age on Bornholm*. Nordiske Fortidsminder 14. København.
- Kaczyński M. 1963. Materiyal z cmentarzyska kurhanowego badanego w 1934 r. w miejscowości Sudata, pow. Świeciany na Wileńszczyźnie. *Wiadomości Archeologiczne* 29, 138—156.
- Kara M. 1994. Skandinawski skarb złotych przedmiotów z przełomu starożytności i średniowiecza z miejscowości Wapno, woj. piłskie. *Przegląd Archeologiczny* 42, 73—110.
- Kargopoltsev S., Schukin M. 2006. Nouvelles découvertes d'armes occidentales de l'époque romaine tardive en Russie du Nord-Ouest. In: Delestre X., Kazanski M., Périn P. (dir.). *De l'Âge du fer au haut Moyen Âge. Archéologie funéraire, princes et élites guerrières*. Saint-Germain-en-Laye; AFAM, 288—294.
- Kargopoltsev S., Sedyh V. 2008. Les feluves de la partie orientale du bassin de la mer Baltique dans des sources écrites d'Antiquité tardive et quelques découvertes sur le fleuve de Louga. *Ancient West & Est* 7, 287—293.
- Kazakevičius V. 1993. *Plinkaigalio kapinynas*. Lietuvos Archeologija 10. Vilnius.
- Kazanski M. 1987. Quelques parallèles entre l'armement en Occident et à Byzance (I^{ve}—VIIe s.). In: Landes C. (dir.). *Gaule mérovingienne et monde méditerranéen. Les derniers Romains en Septimanie, IVe—VIIIe siècles*. Lattes: IMAGO, 75—87.
- Kazanski M. 1991. Quelques objets baltes trouvés en Gaule datés entre la fin du IVe siècle et le VIIIe siècle. À propos des contacts entre l'Occident et le rivage oriental de la mer Baltique. *Archéologie Médiévale* 21, 1—20.
- Kazanski M. 1992. Les arctoi gentes et «l'empire» d'Her-mannaric. *Germania* 70/1, 75—122.
- Kazanski M. 1993. Les objets orientaux de l'époque des Grandes Migrations découverts dans le couloir rhodanien. *Antiquités Nationales* 25, 119—127.
- Kazanski M. 1994. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique — origine et diffusion. In: von Carnap-Bornheim C. (Hrsg.). *Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*. Lubin; Marburg: UMCS, 429—485.
- Kazanski M. 1999. *Les Slaves. Les origines, Ier—VIIe siècle après J.-C.* Paris: Errance.
- Kazanski M. 1999 a. L'armement slave du haut Moyen-Âge (V^e—VIIe siècles). À propos des chefs militaires et des guerriers professionnels chez les anciens Slaves. *Prehled vyzkumu* 39, 197—236.
- Kazanski M. 2000. Les Slaves dans la zone forestière d'Europe orientale au début du Moyen Âge. In: Kazanski M., Nercissian A., Zuckerman C. (dir.). *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, By-*

- zance et Orient. Paris: Lethielleux, 17—44.
- Kazanski M. 2000 a. Les armes baltes et occidentales dans la zone forestière de l'Europe orientale à l'époque des Grandes Migrations. *Archaeologia Baltica* 4, 199—212.
- Kazanski M. 2000 b. La zone forestière de la Russie et l'Europe centrale à la fin de l'époque des Grandes Migrations. In: Maćzińska M., Grabarczyk T. (Hrsg.). *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź, Uniwersytet Łódzki, 406—459.
- Kazanski M. 2002. *La nécropole gallo-romaine et mérovingienne de Breny (Aisne)*. Montagnac: Monique Mergoïl.
- Kazanski M. 2007. The Armement, Horsmen's Accoutrements, and Riding Gear of Long Barrow Culture (Fifth to Seventh Centuries). *Archaeologia Baltica* 8, 238—253.
- Kazanski M., Mastykova A. 1999. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e—6e siècles. À propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare. *Eurasia Antiqua* 5, 523—573.
- Kazanski M., Mastykova A. 2003. Les éléments germaniques dans la civilisation de la population du Caucase du Nord à l'époque des grandes migrations. In: von Carnap-Bornheim C. (Hrsg.). *Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahrhundert nach Christus*. Neumünster: Wachholtz, 135—176.
- Kazanski M., Mastykova A. 2005. Les contacts entre la Gaule du Nord et la côte sud-est de la mer Baltique durant l'époque des grandes migrations et au début de l'époque mérovingienne. In: Plumier J., Regnard M. (dir.). *Voies d'eau, commerce et artisanat en Gaule mérovingienne*. Namur: Ministère de la région wallone, 115—132.
- Kessler A., Schnellerkamp W. 1933. Ein frühmerowingisches Grab bei Rommersheim (Eichloch) in Rheinhessen. *Mainzer Zeitschrift* 28, 118—125.
- Kidd D., Ager B.-M. 1992. Herpes, commune de Courbillac (Charente). Collections du British Museum, Londres. In: *Les Barbares et la Mer. Les migrations des peuples du nord-ouest de l'Europe du Ve au Xe siècle*. Caen; Toulouse: Musée de Normandie, 83—95.
- Kivikoski E. 1954. Skandinavisches in der römischen Eisenzeit Finnlands. *Acta Archaeologica* 25, 1954, 161—170.
- Kivikoski E. 1968. *Finland*. London.
- Kivikoski E. 1973. *Die Eisenzeit Finnlands*. Helsinki: Weilin+Göögs AB.
- Klindt-Jensen O. 1957. *Bornholm i folkervandrigstiden*. København.
- Koch A. 1998. *Bügelfibeln der Merowingerzeit im westlichen Frankenreich*. Bonn: Habelt.
- Koch U. 1999. Nordeuropäisches Fundmaterial in Gräbern Süddeutschlands rechts des Rheins. In: von Freedon U., Koch U., Wiczorek A. (Hrsg.). *Völker an Nord- und Ostsee und die Franken*. Bonn: Habelt, 175—194.
- Koch U. 2001. *Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim*. Stuttgart: Konrad Theiss.
- Kolendo J. 1999. L'importation de fourrures du Barbaricum sur le territoire de l'Empire romain. *Münsterische Beiträge zur Antiken Handelsgeschichte* 18/2, 1999, 1—23.
- Korkkanen I. 1975. *The Peoples of Hermanaric Jordanes, Getica 116*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia.
- Kowalski J. 1991. Z badań nad chronologią okresu wędrówek ludów na ziemiach zachodniobałtyjskich. In: *Archeologia Bałtyjska*. Olsztyn, 1991, 67—85.
- Kromann A., Nielsen P.O., Randsborg K., Petersen V., Thomsen P.O. 1991. Gudme og Luneborg — et fynsk rigdomscenter i jernalderen. *Nationalmuseets Arbejtsmark*, 144—161.
- Kühn H. 1974. *Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland*. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt.
- Kühn H. 1981. *Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland*. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt.
- Kulakov V. 2000. La terre prusse entre Scandinavie et Orient. In: Kazanski M., Nercissian A., Zuckerman C. (dir.). *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*. Paris: Lethielleux, 283—298.
- Kulakov V. 2005. Légionnaires romaines et guerriers mérovingiens sur la côte d'Ambré. In: Plumier J., Regnard M. (dir.). *Voies d'eau, commerce et artisanat en Gaule mérovingienne*. Namur: Ministère de la région wallone, 133—144.
- Kulakov V. 2005 a. *The Amber Lands in the Time of the Roman Empire*. BAR International Series 1354. Oxford: Archaeopress.
- Kulakov V. 2006. Das Echo der Hunnenkriege ins Balticum. In: Delestre X., Kazanski M., Périn P. (dir.). *De l'Âge du fer au haut Moyen Âge. Archéologie funéraire, princes et élites guerrières*. Saint-Germain-en-Laye: AFAM, 295—306.
- Kuniciene O. 1983. Grigiškių (Neravų, Traku raj.) pilkapyno radiniai 2. Paušalai. *Lietuvos TSR Mosklų Akademijos darbai. A serija*, 1 (82), 49—60.
- Kyhlberg O. 1986. Late Roman and Byzantine Solidi, An archaeological analysis of coins and hoards. In: Lamm C., Lundström A. (ed.). *Excavations at Helgö. X. Coins, Iron and Gold*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 12—126.
- LA 1974 — *Latvijas PSR Arheologia. IV*. Riga: Zināte.
- Lamm K. 1972. Clasp buttons. In: Holmqvist W. (ed.). *Excavations at Helgö IV. Workshop. Part I*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 70—131.
- Lang V. 1996. *Muistne Rävåla*. Muinasaja Teadus 4. Tallinn.
- Laul S. 1985. Die Entwicklungsetappen und Chronologie der Steingräber in Estland. In: Loit A., Selirand J. (Hrsg.). *Die Verbindungen zwischen Skandinavien und Ostbaltikum aufgrund der archäologischen Quellenmaterialien*. Studia Baltica Stockholmensia I. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 67—82.
- Laul S. 2001. Rauaaja kulturi kujunemine Eesti kaguosas (500 e Kr.-500 p. Kr.). *Muinasaja Teadus* 9. Tallinn.
- Leguilloux M. 2004. *Le cuir et la pelleterie à l'époque romaine*. Paris: Errance.
- Legoux R., Périn P., Vallet F. 2004. *Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine*. Saint-Germain-en-Laye: AFAM.
- Lewis A. 1978. Byzantine light-weight solidi and trade to the North Sea and Baltic. In: Lewis A., *The Sea and Medieval Civilisations*. Variorum Reprints 82, London, 131—155.
- Lincke B. 1939. Eine baltische Halsringform der Völkerwanderungszeit. *Prähistorische Zeitschrift* 28—29/1—2, 80—157.
- Lorren C. 2001. *Fibules et plaques-boucles à l'époque mérovingienne en Normandie*. Paris: AFAM.
- Lõugas V. 1985. Über die Beziehungen zwischen Skandinavien und Ostbaltikum in der Bronze- und frühen Eisenzeit. In: Loit A., Selirand J. (Hrsg.). *Die Verbindungen zwischen Skandinavien und Ostbaltikum aufgrund der archäologischen Quellenmaterialien*. Studia Baltica Stockholmensia I. Stockholm: Alm-

Литература

№4. 2010

- qvist & Wiksell International, 51—60.
- Lungkvist J. 2008. Dating two royal mounds of Old Uppsala — evaluating the elite of the 6th—7th century in Middle Sweden. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 38/2, 263—282.
- Lund Hansen U. 1988. Handelszentren der römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit in Dänemark. In: *Trade and Exchange in Prehistory*. Lund, 155—166.
- Lund Hansen U. 2001. Gold Rings — Symbols of Sex and Rank. In: *Roman Gold and the Development of Early Germanic Kingdoms*. Stockholm, 157—188.
- Lundström A. 1985. Handel während der Völkerwanderungszeit und Merovingerzeit in Ostskandinavien. In: *Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Teil III. Der Handel des frühen Mittelalters*. Göttingen, 270—290.
- Machajewski H. 1992. Skandinavskie elementy kulturowe na Pomorzu zachodnim z okresu wędrówek ludów (2 połowa IV w. — początek VI w.). *Przegląd Archeologiczny* 40, 71—96.
- Mačinsky D.A. 1974. Die älteste zuverlässige urkundliche Erwähnung der Slawen und der Versuch, sie mit der archäologischen Daten zu vergleichen. *Ethnologica Slavica* 4, 51—70.
- Maćczyńska M. 1999. La fin de la culture de Przeworsk. In: Tejral J., Pilet C., Kazanski M. (dir.). *L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations*. Brno: Archeologický Ústav, 141—170.
- Maćczyńska M. 2005. La question de l'origine des pendeloques en forme de lunules à décor au repoussé de l'époque des grandes migrations. In: Delstre X., Périn P., Kazanski M. (dir.). *La Méditerranée et le monde mérovingien — témoins archéologiques*. Aix-en-Provence: Association Provence Archéologie, 247—255.
- Maćczyńska M. 2007. Pommern in der Völkerwanderungszeit — 20 Jahre nach dem Aufsatz von Kazimierz Godłowski. In: Tejral J. (Hrsg.). *Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit*. Brno: Archeologický Ústav, 147—171.
- Madyda-Legutko R. 2006. Zu den Beziehungen der litauischen Gebiete zu dem mitteleuropäischen *Barbaricum* in der frühen Völkerwanderungszeit. *Archaeologia Lituana* 7, 144—155.
- Mägi M. 2006. Changing Connections, Changing Society. Burial Rites on Iron Age Saaremaa. In: Bertašius M. (ed.). *Transformatio mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic*. Kaunas: Kaunas University of Technology, 51—64.
- Magnus B. 1999. The assemblage from Hade in Gästrikland and its relevance for the chronology of the late Migration Period in eastern Sweden. In: *The Peace of Change. Studies in Early-Medieval Chronology*. Oxford, 115—125.
- Magnus B. 2007. Die Frau aus Grab 84 von Szentes-Nagyhegy und die Gleicharmigen Relieffibeln der Völkerwanderungszeit. *Communicationes Archaeologicae Hungariae*, 175—193.
- Magnusson G. 1995. Iron Production, Smithing and Iron Trade in the Baltic during the Late Iron Age and Early Middle Ages (c. 5th—13th Centuries). In: Jansson I. (ed.). *Archaeology East and West of the Baltic*. Stockholm: Stockholm University, 61—70.
- Malonaitis A. 2002. Schmaläxte mit Nacken in Litauen. *Archaeologia Baltica* 5, 163—183.
- Mandel M. 1976. Ausgrabungen einer Steinsetzung in Lihula. *Известия Академии Наук ЭССР* 25/1, 1976, 56—58.
- Mandel M. 1995. Eisenzeitliche Grabformen und Bestattungsbräuche auf dem westnordischen Festlande. In: Jansson I. (ed.). *Archaeology East and West of the Baltic*. Stockholm: Stockholm University, 111—121.
- Mandel M. 2003. *Läänemaa 5—13 sajandi kalmed*. Eesti Ajaloomuseum Tõid Ajaloo Alalt 5. Tallinn.
- Mandel M., Tamla T. 1977. Rikassaare relevaaleid. *Известия Академии Наук ЭССР* 26/2, 158—164.
- Marcu D. 1987. Un mormînt de inhumație descoperit la Bistret, jud. Dolj. *Studii și Cercetări de Istorie Veche* 38/2, 184—191.
- Meinnader C.F. 1985. Odin i Staraja Ladoga. *Finskt Museum* 92, 65—90.
- Menghin W. 1983. *Das Schwert im Frühen Mittelalter*. Stuttgart: Konrad Theiss.
- Menke M. 1986. Archäologische Befunde zu Ostgoten des 5. Jahrhunderts in der Zone nordwärts der Alpen. In: *Peregrinatio Gothica*. Archaeologia Baltica VII, Łódź: Uniwersytet Łódzki, 239—281.
- Michelbertas M. 1972. Prekubiniai ryšiai su Romo imperija. In: *Lietuvos gyventojų prekybiniai ryšiai I—XIII a.* Vilnius, 5—125.
- Moora H. 1929. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 N. Chr. I. Teil — Die Funde. *Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused* XXV. Tartu.
- Moora H. 1935. Der Verwahrfund von Piilsi, Kirchspiel Avinurme. *Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat* 1933, 283—303.
- Moora H. 1938. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 N. Chr. II. Teil — Analyse. *Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused* XXIX. Tartu.
- Moosbrugger-Leu R. 1982. *Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Basel. Führer durch das Historische Museum Basel*. 3. Basel: Historisches Museum.
- Müller-Wille M. 1999. Das Frankenreich und der Norden. Zur Archäologie wechselseitiger Beziehungen während der Merowinger- und frühen Karolingerzeit. In: von Freeden U., Koch U., Wiczorek A. (Hrsg.). *Völker an Nord- und Ostsee und die Franken*. Bonn: Habelt, 1—18.
- Myhre B. 2003. The Iron Age. In: Helle K. (ed.), *The Cambridge History of Scandinavia*. Cambridge, 2003, 60—93.
- Näsman U. 1977. Öland, Eketorp and the Transition between Montelii Periods VI and VII. *Tor* 17, 335—361.
- Näsman U. 1984. Zwei Relieffibeln von der Insel Öland. *Praehistorische Zeitschrift* 59/1, 48—80.
- Näsman U. 1989. The Gates of Eketorp-II. To the question of Roman prototypes of the Öland ring-forts. In: *The Birth of Europe — Archaeology and Social Development in the First Millennium A.D.* Roma, 129—139.
- Näsman U. 1998. The Justinianic Era of south Scandinavia — an Archaeological View. In: *The Sixth Century. Production, Distribution and Demand*. Leiden; Boston; Köln, 255—278.
- Näsman U. 1999. The Ethnogenesis of the Danes and the Making of a Danish kingdom. In: Dickinson T., Griffiths D. (ed.). *The Making of Kingdoms*. Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History 10. Oxford, 1—10.
- Näsman U. 2006. Danerne og het danske kongeriges opkomst. Om forskningsprogrammet "Fra Stamme til Stat i Danmark". *Kuml*, 205—241.
- Näsman U. 2008. Scandinavia and the Huns. A source-critical approach to an old question. *Fornvännen* 103, 111—118.

№4. 2010

Литература

- Nerman B. 1929. *Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit*. Stockholm.
- Nerman B. 1935. *Die Völkerwanderungszeit Gotlands*. Stockholm.
- Nørgård-Jørgensen A. 1992. Weapon sets in Gotlandic grave finds from 530—580 A.D.— A Chronological Analysis. In: Jørgensen L. (ed.). *Chronological Studies of Anglo-Saxon England, Lombard Italy and Vendel Period Sweden*. Copenhagen: University of Copenhagen, 1992, 5—34.
- Nørgård-Jørgensen A. 1999. *Waffen und Gräber. Typologische und chronologische Studien zu skandinavischen Waffengräbern 520/30 bis 900 n. Chr.* København: Der Kongelige Nordiske Oldskriftselskab.
- Nowakowski W. 1996. *Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt*. Marburg; Warszawa: Vorgesichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg.
- Nowakowski W. 1998. Die Fibeln Almgren 55 und 56 aus heutiger Sicht. In: Kunow J. (Hrsg.). *100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren*. Wünsdorf: Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte, 119—134.
- Nowakowski W. 1999. Das Problem der Chronologie der spätrömischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit im Memelgebiet hinsichtlich der Funde aus dem Gräberfeld Aukštakiemai (Oberhof). *Archaeologia Lituana* 1, 110—118.
- Nowakowski W. 2000. Die Olsztyn-Gruppe (Masurgermanische Kultur) in der Völkerwanderungszeit. Das Problem ihrer chronologischen und territorialen Grenzen. In: Maćzińska M., Grabarczyk T. (Hrsg.). *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź: Uniwersytet Łódzki, 168—180.
- Okulicz J. 1955. Cmentarzysko z III—V w. naszoj ery z miejscowości Netta pow. Augustowa. *Wiadomości Archeologiczne* 22, 284—303.
- L'Or des princes barbares. *Du Caucase à la Gaule, Ve siècle après J.-C.* 2000. Paris: Réunion des musées nationaux.
- Ørsnes M. 1988. *Ejsbøl I. Waffenopferfunde des 4.-5. Jahrh. nach Chr.* København: Der Kongelige Nordiske Oldskriftselskab.
- Parczewski M. 1993. *Die Anfänge der frühslawischen Kultur in Polen*. Wien: Österreichische Gesellschaft für Uhr- und Frühgeschichte.
- Paul Diacre. 1994. *Histoire des Lombards*. Présentation et traduction par F. Bougard. Brepols.
- Pekkanen T. 1980. Exegetical Notes on the Latin Sources of Northern Europe. *Arctos* 14, 79—89.
- Pfeiffer-Frohnert U. 1998. „Mit Augen am Fuss und mit Wulst statt Scheibe“. Verbreitung und Zeitstellung der preussischen Nebenserie. In: Kunow J. (Hrsg.). *100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren*. Wünsdorf: Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte, 125—134.
- Pieta K. 2006. Hradiská Bojná II a Bojná III. Významné sídlo z doby st'ahovania národov a opevnenia z 9. storočia. In: Pieta C., Ruttkay A., Ruttkay M. (ed.). *Bojná. Hospodárske a politické centrum Nitrianskeho kniežatstva*. Nitra: Archeologický Ústav SAV, 173—190.
- Pihlman S. 1990. *Kansainvelli- ja varhaismerovinkiajan aseet suomessa*. Iskos 10. Helsinki — Suomen Muinasmuistoyhdistys.
- Pilet C. 1992. Installations anglo-saxonnes sur le littoral de l'actuelle Basse-Normandie aux Ve, VIe et VIIe siècles? In: *Les Barbares et la Mer. Les migrations des peuples du nord-ouest de l'Europe du Ve au Xe siècle*. Caen; Toulouse: Musée de Normandie, 111—130.
- Podossinov A.V. 2008. Das Schwarze Meer in der geokartographischen Tradition der Antike und des frühen Mittelalters. III — Die Flussverbindungen zwischen dem Baltischen und dem Schwarzen Meer nach Angaben der antiken, mittelalterlichen und arabischen Geokartographie. *Ancien West & Est* 7, 107—134.
- Popović I. 2008. Solidi with Filigreed Tubular Suspension Loops from Udovice in Serbia. *Fornvännen*, 103, 73—80.
- Preda C. 1980. *Callatis, necropole romano-bizantină*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste Române.
- Quast D. 2003. Childerichs Schwertgut. Ein neuer Rekonstruktionvorschlag. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 33/4, 597—614.
- Quast D. 2004. Ein skandinavisches Spathascheidenmundblech der Völkerwanderungszeit aus Pikkjärve (Põlvamaa, Estland). *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 51, 243—279.
- Raddatz K. 1987. *Der Thorsberg Moorfund Katalog*. Offa-Bücher 65. Neumünster: Karl Wachholtz.
- Radiņš A. 2006. Lower Daugava Area in the 1st — 11th Century. Ethnic, Economic, social and Political Change — on the Question of Activity along Daugava Waterway. In: Bertašius M. (ed.). *Transformatio mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic*. Kaunas: Kaunas University of Technology, 81—92.
- Ramqvist P.A. 1991. Über ökonomische und sozio-politische Beziehungen der Gesellschaft der nordischen Völkerwanderungszeit. *Frühmittelalterliche Studien* 35, 45—72.
- Ramqvist P.H. 1992. *Högom. The excavations 1949—1984*. Neumünster: Karl Wachholtz.
- Ramqvist P.H. 1995. Resources, Population and Power in the Migration Period. An Analysis of the Archaeological Remains in Central Norrland. In: Jansson I. (ed.). *Archaeology East and West of the Baltic*. Stockholm: Stockholm University, 33—38.
- Reich C. 2006. Das Gräberfeld von Oberhof — Kulturelle Beziehungen und Kontakte. *Archaeologia Lituana* 7, 85—97.
- Reichstein J. 1975. *Die kreuzförmige Fibel. Zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Skandinavien, auf dem Kontinent und in England*. Offa-Bücher 34. Neumünster: Karl Wachholtz.
- Ringtved J. 1999. The geography of power — South Scandinavia before the Danish kingdom. In: *The Making of Kingdoms* (Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History 10). Oxford, 49—63.
- Rummel P. von. 2007 *Habitus barbarus. Kleidung und Repräsentation spätantiker Eliten im 4. und 5. Jahrhundert*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Rundkvist M. 2003. *Barshalder 1. A cemetery in Grötlingbo and Fide pareishes, Gotland, Sweden, c. A.D. 1—1100. Excavations and finds 1826—1971*. Stockholm: University of Stockholm.
- Salo U. 1968. *Die frühromische Zeit in Finnland*. Helsinki. *Schätze der Ostgoten*. 1995. Stuttgart: Theiss.
- Seillier C. 1992. Les migrations anglo-saxonnes en Boulonnais et en Ponthieu. In: *Les Barbares et la Mer. Les migrations des peuples du nord-ouest de l'Europe du Ve au Xe siècle*. Caen; Toulouse: Musée de Normandie, 1992, 97—109.
- Schauman-Lönnqvist M. 1988. *The Development of Iron Age Settlement in the Isokylä Area in Salo*. Iron Age

- Studies in Salo III. Helsinki.
- Schauman-Lönnqvist M. 1992. Kontinentaler und skandinavischer Import als Indikator sozialer Strukturen der Kaiser- und Völkerwanderungszeit in Finnland. *Prähistorische Zeitschrift* 67, 220—239.
- Schauman-Lönnqvist M. 1999. The West Finnish Warriors and the early Svea Kingship in the Merovingian period (AD 550—800). In: Dickinson T., Griffiths D. (ed.). *The Making of Kingdoms*. Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History 10. Oxford, 1999, 65—70.
- The Selonians. Sēliai*. 2007. Riga: Latvijas Nacionālais vēstures muzejs.
- Selirand J., Deemant K. 1985. Völkerwanderungszeitliche Gegenstände mit ostskandinavischen Ornamenten von Proosa (Nordestland). *Fornvännen* 80, 1985, 243—253.
- The Semigallians. Žiemgaliai*. 2005. Riga: Latvijas Nacionālais vēstures muzejs.
- Schulze-Dörrlamm M. 1986. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n. Chr. Aus dem Gebieten westlich der Rheins und südlich der Donau. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 33, 593—720.
- Schulze-Dörrlamm M. 2002 *Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. I. Die Schnallen ohne Beschläg, mit Laschenbeschläg des 5. bis 7. Jahrhunderts*. Mainz: Habelt.
- Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. 2006. *Des Goths aux Huns — Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations*. BAR International Series 1535. Oxford: Archaeopress.
- Simiškytė A. 2005. Sėlos kraštas VI/VII—XIII/XIV amžiais — teritorinė struktūra ir hierarchija. *Lietuvos Archeologija* 27, 2005, 29—48.
- Šimenas V. 2006. *Etnokultūriniai procesai Vakarų Lietuvoje pirmojo mūsų eros tūkstantmečio viduryje*. Vilnius: Vilniaus Universiteto Leidukla.
- Sjøvold Th. 1962. *The Iron Age Settlement of Arctic Norway I*. Oslo; Tromsø.
- Sjøvold Th. 1974. *The Iron Age Settlement of Arctic Norway II*. Oslo; Tromsø.
- Soulat J. 2009. *Le matériel archéologique de type saxon et anglo-saxon en Gaule mérovingienne*. Saint-Germain-en-Laye: AFAM.
- Stenberger M. 1933. *Öland under äldre järnåldern*. Stockholm.
- Stenberger M. 1977. *Vorgeschichte Schwedens*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Stjernquist B. 1985—1986. Glass from the Settlement of Gårdlösa, Southern Sweden. *Meddelanden från Lunds universitets historiska museum* 6, 139—166.
- Straume E. 1987. *Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr*. Oslo: Universitetsforlaget.
- Stubavs A. 1976. *Ķentes pilskalns unapmetne*. Riga: Zinātne.
- Svennung J. 1967. *Jordanes und Scandia. Kritisch-exegetische Studien*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Svennung J. 1967 a. Goternas utvandring och Vagi Fluvius hos Jordanes. *Historisk Tidskrift* 1, 78—92.
- Svennung J. 1974. *Scandinavien bei Plinius und Ptolemaios. Kritisch-exegetische Forschungen zu den ältesten nordischen Sprachdenkmälern*. Uppsala: Almqvist & Wiksell.
- Svoboda B. 1965. *Čechy v době stěhování národů*. Praha: Academia.
- Tallgren A.M. 1922. Zur Archäologie Eestis I. Vom Anfang bis etwa 500 n. Chr. *Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis* III. B. Tartu.
- Tallgren A.M. 1926. Zur Archäologie Eestis II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. *Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis* VIII. B. Tartu.
- Tallgren A. 1938. The Prehistoria of Ingria. *Eurasia Septentrionalis Antiqua* 12, 79—108.
- Tamla T. 1995. Einige estnische Moorfunde aus dem ersten Jahrhundert. In: Jansson I. (ed.). *Archaeology East and West of the Baltic*. Stockholm: Stockholm University, 103—110.
- Tamla T., Janits K. 1977. Das Gräberfeld und spätneolithische Siedlungsplatz von Paju. *Известия Академии Наук ЭССР* 26/1, 64—76.
- Tejral J. 1986. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit. In: *Peregrinatio Gothica*. *Archaeologia Baltica* VII, Łódź: Uniwersytet Łódzki, 175—238.
- Tejral J. 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum. *Archaeologia Austriaca* 72, 1988, 223—304.
- Tejral J. 1997. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum. In: Tejral J., Friesonger H., Kazanski M. (Hrsg.). *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum*. Brno: Archeologický Ústav, 321—392.
- Tejral J. 2005. Zur Unterscheidung des vorlangobardischen und elbgermanisch-langobardischen Nachlasses. In: Pohl W., Erhart P. (Hrsg.). *Die Langobarden. Herrschaft und Identität*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 103—200.
- Tejral J. 2008. Ein Abriss der frühmerowingerzeitlichen Entwicklung im mittleren Donauraum bis zum Anfang des 6. Jahrhunderts. In: Bemmann J., Schmauder M. (Hrsg.). *Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden-Awaren-Slawen*. Bonn: Habelt, 249—283.
- Tillväxten 1902 — Tillväxten under år 1907. *Fornvännen* 2, 1902, 267—270.
- Uino P. 1997. *Ancient Karelia*. *Archaeological studies*. Helsinki.
- Urtans V. 1977. *Senākie depozīti Latvija*. Riga: Zinātne.
- Vaitkunskienė L. 1995. The formation of a warrior elite during the Middle Iron Age in Lithuania. *Archaeologia Baltica*, 1, 94—106.
- Vallet F. 1988. A propos des tombes à épées d'apparat de la Rue Saint-Pierre (Oise) et d'Arcy-Sainte-Restitue (Aisne). *Revue Archéologique de Picardie* 3—4, 45—55.
- Vierck H. 1967. Bemerkungen zum Verlaufsweg finnisch-angelsächsischer Beziehungen im sechsten Jahrhundert. *Suomen Museo* 74, 54—63.
- Vierck H. 1970. Zum Fernverkehr über See im 6. Jahrhundert angesichts angelsächsischer Fibelsätze in Thüringen. Eine Problemskizze. In: Hauck K. *Goldbrakteaten aus Sievern*. München, 1970, 355—395.
- Vierck H. 1981. *Imitatio imperii und interpretatio Germanica* vor der Wikingerzeit. In: *Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance)*. Uppsala: Almqvist & Wiksell International, 64—113.
- Voss O. 1954. Høstentorp Silver Hoard and its Period. A Study of a Danish Find of Scrap Silver from about 500 A.D. *Acta Archaeologica* 25, 171—219.
- Wagner N. 1974. Die Wolfinseln bei Jordanes. Ein Station auf einer Pelzhandelsroute des frühen 6. Jahrhunderts? *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur* 103/2, 73—80.
- Waller J. 1972. Dress pins. In: Holmqvist W. (ed.). *Excavations at Helgö IV. Workshop. Part I*. Stockholm:

№4. 2010

Литература

- Almqvist & Wiksell International, 27—69.
- Waller J. 1996. *Dräktnålar och dräktskick I östra Mälarden*. Aun 23. Uppsala: Uppsala University.
- Werner J. 1959. Studien zu Grabfunden des V. Jahrhunderts aus der Slowakei und der Karpatenukraine. *Slovenská Archeológia* 7/2, 422—438.
- Werner J. 1970. Zur Verbreitung frühmittelalterlicher Metallarbeiten (Werkstatt-Wanderhandwerk-Handel-Familienverbindung). *Early Medieval Studies* 1. Antikvariskt Arkiv 38, Stockholm, 65—81.
- Werner J. 1977. Der Grabfund von Taurapilis, Rayon Utna (Litauen) und die Verbindung der Balten zum Reich Theoderichs. In: *Archäologische Beiträge zur Chronologie der Völkerwanderungszeit*. Bonn, 87—92.
- Werner J. 1981. Bemerkungen zum nordwestlichen Siedlungsgebiet der Slawen im 4.-6. Jahrhundert. *Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte* 1, 1981, 695—701.
- Wheeler M. 1960. *Les influences romaines au-delà des frontières impériales*. Paris: Plon.
- Wolągiewicz R. 1986. Die Goten im Bereich der Wielbark-Kultur. In: *Peregrinatio Gothica*. Archaeologia Baltica VII, Łódź: Uniwersytet Łódzki, 63—98.
- Wolfram H. 1997. La typologie des ethnogeneses — un essai. *Antiquités Nationales* 29, 127—136.
- Wyszomirska-Werbat B. 1992. Scandinavia and the Eastern Baltic during the Migration Period. The Cultural Interactions. In: Hårdt B., Wyszomirska-Werbat B. (ed.). *Contacts across the Baltic Sea during the Late Iron Age (5—12 centuries)*. Lund: University of Lund, 59—72.
- Žulkus V. 2000. Die Völkerwanderung und die Westbalten die Entstehung der Kuren. *Archaeologia Baltica* 4, 2000, 89—108.

Монография поступила в номер 18 сентября 2009 г.

Michel Kazanski (Paris, France). Dr. hab. on history. National Center for Scientific Research. University Paris 1/Sorbonne.

Michel Kazanski (Paris, Franța). Doctor habilitat în istorie. Centrul național de cercetări științifice. Universitatea Paris 1/Sorbonne.

Казанский Михаил Михайлович (Париж, Франция). Доктор хабилитат истории. Национальный центр научных исследований, Университет Париж 1/Сорбонна.

E-mail: michel.kazanski@mail.ru